

ISSN 2226 – 5341

ПАНОРАМА

Научный журнал

2014

1 – 3

(8 – 10)

Панорама
2014, № 1 – 3 (8 – 10)

Учредитель:

Факультет международных отношений ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет»
(Воронеж, Россия)

Издание основано с 2005 году. С 2005 по 2010 год выходило как «Панорама. Ежегодник по итогам научной сессии Факультета международных отношений Воронежского государственного университета». С 2011 года выходит как периодическое издание. Периодичность: два номера в год (2011 – 2012), с 2013 года – три номера.

Редакционная коллегия:

д-р экон. н. **О.Н. Беленов** (проректор по экономике и международному сотрудничеству ФГБОУ ВПО «ВГУ»; профессор, декан Факультета международных отношений ФГБОУ ВПО «ВГУ»);
д-р экон. н. **П.А. Канапухин** (декан Экономического факультета, ФГБОУ ВПО «ВГУ»; заведующий Кафедрой маркетинга Экономического факультета ФГБОУ ВПО «ВГУ»);
к.э.н. **Е.В. Ендовицкая** (заведующая Кафедрой Кафедры международной экономики и внешнеэкономической деятельности Факультета международных отношений ФГБОУ ВПО «ВГУ»);
д-р ист. н. **М.В. Кирчанов** (отв. ред.; заместитель декана по учебной работе, доцент Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений ФГБОУ ВПО «ВГУ»);
к.г.н. **И.В. Комов** (преподаватель Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений ФГБОУ ВПО «ВГУ»);
к.э.н. **А.И. Лылов** (доцент Кафедры международной экономики и внешнеэкономической деятельности Факультета международных отношений ФГБОУ ВПО «ВГУ»);
к.и.н. **В.Н. Морозова** (заместитель декана по научной работе и международному сотрудничеству, доцент Кафедры международных отношений и мировой политики ФГБОУ ВПО «ВГУ»);
д-р полит. н. **А.А. Слинько** (профессор, заведующий Кафедрой международных отношений и мировой политики Факультета международных отношений ФГБОУ ВПО «ВГУ»);
д-р экон. н. **А.И. Удовиченко** (профессор, заведующий Кафедрой регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений ФГБОУ ВПО «ВГУ»);
к.э.н. **Е.П. Цебекова** (заместитель декана по воспитательной и социальной работе, доцент Кафедры международной экономики и внешнеэкономической деятельности Факультета международных отношений ФГБОУ ВПО «ВГУ»)

Адрес редакции: 394000, Россия, Воронеж, Московский пр-т 88, Воронежский Государственный Университет, Факультет международных отношений, Корпус № 8, Ауд. 105, 107

Рукописи предоставляются в редакцию в электронном виде на диске или по электронной почте. При этом необходимо сообщить: ФИО, место работы, ученую степень и звание, контактные данные (номер телефона и адрес электронной почты). Материалы публикуются в авторской редакции. Ответственность за содержание текстов и аутентичность цитат несут Авторы. Редакция осуществляет необходимое стилистическое редактирование и техническое форматирование с целью унификации полученных материалов. Мнение членов Редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов публикуемых статей.

ISSN 2226-5341

© Воронежский государственный университет, 2014
© Составление, ФМО ВГУ, 2014
© Перевод, ФМО ВГУ, 2014
© Авторы, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>И.В. Касымов</i> , Проблемы государственного суверенитета в условиях глобального взаимодействия	4
<i>Ю.И. Лаптева</i> , Правый популизм в Европе и выборы в Европарламент	14
<i>М.В. Кирчанов</i> , Проблемы историографии фашизма и некоторые перспективы развития латиноамериканистики в России	22
<i>А.В. Погорельский</i> , Деятельность американских НПО по реализации политики США в отношении России	38
<i>О.Н. Квасов</i> , Дискурсивные практики революционного терроризма начала XX в.	51
<i>Т.П. Малютина</i> , К вопросу о политике Румынии в войнах XX в.	59
<i>С.И. Дмитриева</i> , Новая энергетическая политика ФРГ: первые результаты	64
<i>М.В. Кирчанов</i> , Теоретические проблемы изучения фашизма	71
<i>А.В. Погорельский</i> , Роль неправительственной организации Freedom House в реализации целей и задач внешней политики США	88
<i>И.В. Ищенко</i> , Разработка механизма управления конкурентоспособностью региональных социально-экономических кластеров	95
<i>К.А. Чернов</i> , Методика совершенствования стратегии социально-экономического развития регионов	104
<i>И.В. Ищенко</i> , Инструментарий проведения анализа конкурентных преимуществ	123
<i>М.В. Кирчанов</i> , Методологические проблемы изучения генезиса фашизма	131
<i>В.Н. Морозова</i> , «...Да, мы сражались не на праведной войне!»: по материалам песен афганской войны 1979-1989 гг.	145
<i>Ю.И. Лаптева</i> , Риски и угрозы сепаратизма в современной европейской политике	159
<i>Л.Е. Мелкумян</i> , Значимость русского языка в современной Армении	166
<i>Е.В. Бадалова</i> , Политическая деятельность Ф.В. Штайнмайера в 2005 – 2009 гг.	170
<i>В.И. Сальников</i> , От «оранжевой революции» к «управляемому хаосу»: некоторые аспекты политического процесса в современной Украине	186
<i>Е.В. Бадалова</i> , Социальное измерение системы высшего образования ФРГ	194
Переводы	
<i>М.В. Кирчанов</i> , Региональное в украинском историческом процессе: теоретические и методологические аспекты	203
<i>М.В. Кирчанов</i> , Социальный и локальный дискурсы в региональном измерении украинской истории	217
<i>М.В. Кирчанов</i> , Социально-лингвистические трансформации и формирование украинской современной нации	231

СТАТЬИ

И.В. Касымов

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Традиционно проблема государственного суверенитета в условиях глобализации рассматриваются с позиций перераспределения полномочий между национальным государством и международными структурами, неправительственными организациями и бизнес-сообществом¹. Данные процессы происходят в большей части путем добровольного делегирования государством части своих полномочий в пользу наднациональных образований на договорных или подобных основах. В настоящей статье автор сделает попытку привлечь внимание к другой стороне данной проблемы. А именно, возможности государств к полноценной реализации своего суверенитета в условиях глобального взаимодействия, его признания и ограничения со стороны мирового сообщества.

Глобализации продемонстрировала противоречивость социальных, политических и экономических процессов. На одном полюсе наблюдается качественная трансформация современного постиндустриального информационно общества, которая сопровождается нарастающей взаимозависимостью государств. На другом же – рост противоречий на национальной, религиозной, культурной почве, эскалация сепаратистских настроений, тенденции к усилению власти на местах. Все это способствует ослаблению целостности и стабильности суверенных государств. Более того, в условиях глобального взаимодействия, перед лицом мирового сообщества государства утрачивают право на монополию на «законное насилие». Прежде всего, в силу распространения и утверждения универсальной идеологии приоритета прав человека, которые мировое сообщество ставит выше государственного суверенитета.

В условиях современного мирового правопорядка, принцип охраны и обеспечения прав личности, гарантированности ее свободы звучит не только в национально-государственном ас-

---

¹ *Mathews Jessica, 1997.*

пекте, но и на глобальном, общепланетарном уровне. Права и свободы человека перестали быть только внутренним делом государства, они постепенно выходят на международную арену, что, в частности, подтверждается Декларацией Хельсинкской встречи ОБСЕ 1992 года. Риторика по поводу защиты прав человека часто становится средством оправдать возможность вмешательства мирового сообщества во внутренние дела государства, где такие права не гарантируются или нарушаются. Современная международная система под воздействием процессов глобализации стала устаревать. Действующие институты международного сообщества демонстрируют недостаточную эффективность функционирования в условиях глобального мира.

В отличие от ситуации, сложившейся после заключения Вестфальского мира в 1648 г., сегодня объем суверенитета демократических правовых государств в определенной степени ограничен внутренними и внешними факторами, а также международными правовыми нормами. Принципиальные положения, закрепленные Вестфальскими мирными договорами, остаются незыблемыми (верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти на территории государства, независимость в международном общении, обеспечение целостности и неприкосновенности территории).

Однако, Вестфальская система в настоящее время подвержена критике. Права человека и право наций на самоопределение противопоставляются принципам государственного суверенитета и территориальной целостности. Также констатируется неспособность государств в современных условиях обеспечить эффективность суверенитета в условиях глобализации². Ключевым моментом современного подхода к пониманию государственного суверенитета остается его тесная связь с территорией государства. Эти категории связаны между собой неразрывно. Л. Дюги отмечал: «Коллективность может быть государством только тогда, когда она осела на территории с определенными границами. Без этого нет государства»³.

Современные реалии демонстрируют ослабление такого фактора существования государственного суверенитета, как территория. Речь даже не идет о том, что в условиях глобализации «территория» утрачивает главенствующий статус в орга-

---

² Зорькин, 2004.

³ Дюги, 1908.

низации социальной и культурной жизни, а ей на смену приходит глобальное информационное пространство, которое способствует размыванию государственных границ, внедрению единых социокультурных стандартов.

Проблема заключается в том, что в условиях глобального взаимодействия государственные границы, в прямом смысле слова, становятся неустойчивыми. Идеология глобализации смещает акцент в понимании государственного суверенитета в сторону прав наций и личности. При этом понятие «нация» зачастую идентифицируется с понятием «этносом», что позволяет оправдывать любые сепаратистские устремления национально-освободительным движением к самоопределению. Не имеющий однозначного определения суверенитет «личности» или суверенитет «нации-этноса» прикрывает или даже оправдывает претензии на отторжение территории, пересмотр государственных границ и появление в этих условиях новых государств. На проблематике образования новых государств следует остановиться подробнее.

Сложности с образованием новых государств связаны с тем, что до сих пор неясно: какой из двух фундаментальных принципов международного права - нерушимости границ или права наций на самоопределение - более важен. Обычно международное сообщество более ценит первый принцип, поскольку опасается неуправляемой цепной реакции распада многонациональных государств.

Принцип территориальной целостности государств впервые был установлен в 1648 году. Тогда был заключен Вестфальский мир, который положил конец серии войн, бушевавших на европейском континенте. Переговоры в Вестфалии положили конец Тридцатилетней войне - фактически, конфликту между католиками и протестантами, где на одной стороне воевали Швеция, Богемия, Дания, Нидерланды, Шотландия, Англия и Саксония, а на другой - Испания и Священная Римская империя и пр. «Восьмидесятилетней войной» обычно называют борьбу Нидерландов за независимость от Испании. Одним из положений Вестфальского мира, который перекроил государственные границы в Европе, стал принцип, согласно которому незаконным было признано внешнее вмешательство во внутренние дела государства, то есть, принцип территориальной целостности государства. Этот постулат ныне общепринят и входит во все фундаментальные международные соглашения.

Однако одновременно Вестфальский мир, фактически, утвердил принцип права наций на самоопределение. Дело в том, что до восстания голландцев против Испании не подвергалось сомнению право монархов решать судьбы своих подданных. Однако в случае с Нидерландами, недовольство подданных привело к тому, что монарх утратил это право. При подписании Вестфальского мира европейские державы фактически признали это и согласились признать границы независимых Нидерландов. В долгосрочной перспективе это решение привело к уничтожению большинства европейских монархий, появлению многих независимых государств и серьезной перекройке государственных границ. Известный ученый-политолог Джон Рагги назвал Вестфальский мир «наиболее важным изменением в международной политике за тысячелетие».

Американский историк Дэвид Армитадж, автор книги «Декларация Независимости: Глобальная История», утверждает, что следующим документом международного значения, который подтвердил право наций на самоопределение, стала Декларация Независимости США, принятая в 1776 году. Показательно, что попытка 13-ти североамериканских колоний получить независимость от Британской Империи была крайне негативно воспринята многими современниками. По мнению Армитаджа, Декларация Независимости США кардинально изменила мир, превратив его из «мира империй» в «мир суверенных государств». По образу и подобию американской Декларации были написаны декларации независимости более ста государств

Возвращаясь к теме образования новых государств, следует отметить, что они могут появиться в результате: а) социальной революции, приведшей к замене одного общественного строя другим; б) образования государства в ходе национально-освободительной борьбы, когда народы бывших колониальных и зависимых стран создали независимые государства; в) слияния двух или более государств или разъединения одного государства на два или более.

С проблемой образования новых государств в современном мире тесно связаны вопросы признания. Под признанием в международном праве обычно понимается односторонний юридический акт государства, посредством которого оно констатирует наличие определенного юридически значимого факта или ситуации в международном общении, считая их правомерными. Посредством акта признания государство соглашается с соот-

ветствующими изменениями в международном правопорядке и (или) международной правосубъектности. Признание, в частности, констатирует выход на международную арену нового государства и направлено на установление между признающим и признаваемым государствами правоотношений, характер и объем которых зависят от вида и формы признания. Признание означает, что государство признает новое государство как юридическое лицо со всеми правами и обязанностями, вытекающими из международного права.

Акт, противоположный признанию, именуется протестом, существо которого — несогласие с правомерностью соответствующего юридически значимого факта или события, квалификация его как международно-противоправного деяния. Протест должен быть явно выраженным и так или иначе доведенным до сведения государства, которого он касается. Сами по себе признание и протест являются политическими актами в межгосударственных отношениях, поскольку существо события, являющегося объектом признания или протеста, они изменить не могут. Классической формой признания государства является заявление об установлении дипломатических отношений, даже если в предложении об установлении таких отношений не содержится заявления об официальном признании. Признание не создает нового субъекта международного права. Оно может быть полным, окончательным и официальным. Такой вид признания называется признанием «де юре». Неокончателное признание именуется признанием «де факто».

Признание де факто (фактическое) имеет место в тех случаях, когда у признающего государства нет уверенности в прочности признаваемого субъекта международного права, а также когда он (субъект) считает себя временным образованием. Этот вид признания может быть реализован, например, путем участия признаваемых субъектов в международных конференциях, многосторонних договорах, международных организациях. Признание де факто, как правило, не влечет за собой установление дипломатических отношений. Между государствами устанавливаются торговые, финансовые и иные отношения, но не происходит обмена дипломатическими представительствами.

Признание де юре выражается в официальных актах, например, в резолюциях межправительственных организаций, итоговых документах международных конференций, в заявлениях правительств, в совместных коммюнике государств и т.д.

Такой вид признания реализуется, как правило, путем установления дипломатических отношений, заключения договоров по политическим, экономическим, культурным и иным вопросам. Также существуют и специфические формы признания: признание *ad hoc* (признание на данный случай) и «молчаливое признание». В науке международного права для объяснения роли и значения признания государств сформулированы следующие две теории.

Конститутивная теория признания, которая исходит из того, что если нет признания, то нет и субъекта международного права. Следовательно, отсюда делались и делаются далеко идущие политические, экономические, военные, дипломатические выводы в отношении непризнанного государства. Считается, что конститутивная теория несовместима с международным правом, поскольку она игнорирует тот факт, что государство еще до признания пользуется всеми правами и обязанностями, вытекающими из принципа суверенитета. Эта теория откровенно ставит права и обязанности вновь возникшего государства в зависимость от воли «старых» членов сообщества государств. Непризнание каким-либо государством другого государства вовсе не означает, что оно может не считаться с правами государства, которое им не признано.

Декларативная теория признания, которой придерживаются подавляющее большинство юристов-международников, заключается в том, что признание лишь констатирует возникновение нового субъекта международного права. Признание предполагает внутреннюю независимость вновь возникшего государства, но его не создает. Институт признания не кодифицирован и включает главным образом обычно - правовые нормы. Отдельные аспекты признания регламентируются многосторонними и двусторонними договорами заинтересованных сторон, решениями международных организаций, а также дипломатическими документами отдельных государств. Международный обычай, общие принципы и доктрины - вот тот фундамент, на котором зиждется институт признания.

Образование новых государств, их право на признание и критерии, по которым следует руководствоваться при решении этого вопроса, существует в условиях двусмысленности современного международного права. В международном праве существуют два взаимоисключающих принципа: нерушимости государственных границ и права наций на самоопределение. Дан-

ные принципы возникли в разное время и отражены в ряде документов. В 1945 году была принят Устав ООН⁴, который базируется на принципе территориальной целостности государств.

В 1960 году Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам⁵. В ней также присутствуют взаимоисключающие положения: пункт 1 гласит, что «подчинение народов иностранному игу и господству ... являются отрицанием основных прав человека, противореча Уставу ООН», а пункт 6 – «всякая попытка, направленная на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность страны, несовместима с целями и принципами Устава ООН». В то же время, пункт 2 указывает, что «все народы имеют право на самоопределение, в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие».

В 1975 году Хельсинское Совещание по Безопасности и Сотрудничеству в Европе⁶ провозгласило принцип нерушимости государственных границ, образовавшихся после окончания Второй Мировой войны. Конвенция ООН о Гражданских и Политических Правах 1976 года⁷ декларирует право наций на самоопределение. Международный Суд также в 1975 году вынес вердикт, согласно которому право на самоопределение принадлежит не государствам, а отдельным гражданам⁸. Известный специалист по международному праву Марк Веллер, сотрудник Кембриджского Университета называет этот парадокс «ловушкой самоопределения».

Вероятно, принцип нерушимости границ имеет намного больше сторонников в связи с существованием опасности дезинтеграции государств. Однако, у каждого конкретного случая есть своя специфика. Именно поэтому принцип права на самоопределение иногда превалирует. Смотря на все это, очень просто сделать вывод, что в мировой политике существуют «двойные стандарты».

---

⁴ Устав ООН

⁵ Декларация о предоставлении независимости...

⁶ Хельсинское Совещание, 1977.

⁷ Конвенция ООН о Гражданских и Политических Правах

⁸ Richard Spaulding, 1997.

В итоге следует отметить, что современное международное право не может однозначно ответить на вопрос: что необходимо сделать, чтобы создать новое государство.

Данная ситуация усугубляется также тем, что понимание принципа права народов на самоопределение постоянно изменялось (по мнению американского правоведа Херста Ханнума - как минимум, три раза за последнее столетие). Ныне оно подразумевает, что право создать независимое государство имеют отнюдь не народы, а отдельные территории.

При решении вопроса о признании или непризнании нового государства, международное сообщество обычно оценивает три главных фактора: во-первых, этническую однородность региона, объявившего о своей независимости, во-вторых, историю насилия (преследований населения этого региона по этническим, религиозным и пр. причинам), в-третьих, международную целесообразность и шансы того, что новообразованное государство сможет существовать самостоятельно. Международное сообщество, которое соглашается признать новообразованное государство, должно также быть уверенным, что независимость - единственный выход из сложившегося положения, поскольку остальные варианты способны привести к намного более тяжким последствиям.

Одна из проблем народов, не имеющих своих государств, заключена в сфере терминологии и права. Так, размыты понятия «народ» и «нация», следовательно, неясно, какая группа людей может считаться народом и претендовать на создание своего государства. Также нет критериев, которые позволяют отнести ту или иную общину к числу народов, которые имеют право претендовать на создание независимого государства.

Исследователи сходятся во мнении, что критерии, выработанные и примененные Европейским Сообществом при признании новых государств, образовавшихся в результате распада Советского Союза и Югославии, по сфере применения могут являться универсальными и могут быть распространены на другие регионы.

В заключение следует отметить и согласиться с неоднократно высказываемой точкой зрения, что право на провозглашение независимости в последние десятилетия стало использоваться, «более эмоционально, чем разумно». Во многих случаях, как например, в Югославии, а также учитывая события у границ Российской Федерации – в Южной Осетии, парад суве-

ренитетов привел не только к образованию новых государств, но и к сотням тысяч смертей и появлению многочисленных беженцев. Проблема права на самоопределение может стать одной из главных проблем международного права 21 века.

И.В. Касымов

Проблемы государственного суверенитета в условиях глобального взаимодействия

Автор анализирует проблемы и формы государственного суверенитета в современном мире. Глобализация влияет на процесс международных отношений. Глобальное взаимодействие формирует новые цели и задачи акторов международных отношений. Традиционные понятия «государственности», «независимости» и «суверенитета» подвержены эрозии. Роль международного права также меняется.

Ключевые слова: суверенитет, международные отношения, международное право

I.V. Kasymov

Problems of state sovereignty in the global interactions

The author analyzes the problems and forms of state sovereignty in the modern world. Globalization affects the process of international relations. Global connectivity creates new goals and objectives for actors of international relations. Traditional concept of "state", "independence" and "sovereignty" became subjects of erosion. The role of international law is also in transition.

Keywords: sovereignty, international relations, international law

Библиографический список

1. Mathews Jessica T. Power Shift / J.T. Mathews // Foreign Affairs. - January / February, 1997.
2. Зорькин В.Д. Апология Вестфальской системы / В.Д. Зорькин // Россия в глобальной политике. - 2004. - Т. 2. № 3. - С. 18-25.
3. Дюги Л. Конституционное право / Л. Дюги. - Типография т-ва И.Д. Сытина, 1908. – 957 с.
4. Устав ООН. - URL:<http://www.un.org/ru/documents/charter/> (дата обращения 10.04.2014).
5. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. – URL: <http://www.un.org/russian/peace/decolonization/declaration.htm> (дата обращения 10.04.2014).
6. Хельсинское Совещание по Безопасности и Сотрудничеству в Европе // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXI. - М., - 1977. - С. 544 - 589.

7. Конвенция ООН о Гражданских и Политических Правах. - URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения 10.04.2014).
8. Richard Spaulding. Peoples as National Minorities: A Review of Will Kymlicka's Arguments for Aboriginal Rights from a Self-Determination Perspective / R. Spaulding // The University of Toronto Law Journal. - Vol.7. - No 1. - 1997. - P.9.

ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ В ЕВРОПЕ И ВЫБОРЫ В ЕВРОПАРЛАМЕНТ

Происходящая трансформация европейских партийных систем, наблюдаемая исследователями уже более 40 лет, проявляется сегодня в росте абсентеизма, снижении роли партийной идентичности избирателей в качестве основного мотива голосования, размывании электоратов традиционных партий, появлении новых типов политических партий. Объясняя причины этих изменений, специалисты обращаются к таким темам как социокультурная трансформация общества и изменение характера отношений между обществом и государством, партиями и избирателями.

В условиях снижения партийной идентичности избирателей, а также снижения влияния идеологии на электоральный выбор, происходит расширение партийных систем. Часто именно популистская ориентация способствует успеху новых партий. И довольно часто (хотя и не обязательно) новые партии, нарушающие монополию традиционных картелизованных партий, относятся к правому спектру. Исследователи стремятся выявить общеевропейские тенденции в этом процессе. Существует предположение о трех волнах распространения политических партий схожей идеологической ориентации: «зеленой» волне 1980-х годов, «регионалистской» волне 90-х и «популистской» волне 2000-х⁹.

Самая масштабная «зеленая» волна выразилась в распространении экологических партий. «Регионалистская» волна, проявилась в активизации региональных и этнических партий, ее рассматривают как следствие ослабления национальных идентичностей, происходящего на фоне интеграционных процессов. «Популистская» волна также связана с развитием глобализационных и интеграционных процессов, а также с новыми вызовами, такими как массовый приток мигрантов и изменения социокультурной структуры западных обществ. При этом две последних волны накладываются друг на друга: «регионалисты», существенная часть которых стоит на позициях евроскептицизма, в этом отношении пересекаются с правыми попули-

---

⁹ Caramani, 2010. P.3.

стами и способны к образованию альянсов с последними. Некоторые исследователи особое внимание уделяют роли крайне правых сил в современном популизме, например, К. Фон Бейме говорит о значительном успехе крайне правых в последние десятилетия, отмечая, что теперь эта часть политического спектра легитимизирована и воспринимается как одна из действующих в европейской политике «партийных семей». Интегрированность крайне правых в европейскую политику подчеркивает и И.Н. Барыгин, отмечающий стремление этих партий к размежеванию с неофашистами, к респектабельности и трансформации идеологии на основе востребованных и актуальных в Западной Европе постматериалистических ценностей¹⁰.

Тенденция активизации правопопулистских партий в Европе стала особенно заметной со второй половины 90-х годов. То, что некоторые из них смогли добиться электоральных успехов, как, например, Ж.-М. Ле Пен, прошедший во второй тур президентских выборов во Франции в 2002 г., привлекло к феномену особое внимание. Следует признать, что поддержка крайне правых неравномерна. Например, возглавляемый в настоящее время Марин Ле Пен французский Национальный фронт в 2012 г. получил 6,5 миллионов голосов, а неонацистский Золотой Рассвет в Греции увеличил свою поддержку до 10,5 % избирателей (18 парламентских мест), анти-исламская Партия свободы в Голландии потеряла 9 парламентских мест на выборах в сентябре 2012 г.¹¹. Кроме того, некоторые правые партии, например Свободные демократы Йорга Хайдера в Австрии, стали выражать более умеренные взгляды после присоединения к правительственным коалициям.

Тем не менее, электоральные успехи правых популистов свидетельствуют не только о том, что проблемы, вокруг которых они строят свои кампании, волнуют общество. Спутником электорального успеха правых является проникновение правопопулистской риторики в политический дискурс. В сочетании с кризисом политики мультикультурализма это ведет к повышению конфликтности по поводу этнических, расовых и межконфессиональных противоречий.

В преддверии выборов в Европарламент, назначенных на май 2014 г. правые популисты предпринимают попытки объединения, рассчитывая создать сильную правую фракцию, что поз-

---

¹⁰ Барыгин, 2011. С. 34-35.

¹¹ Townsend, 2012.

волит им получать финансирование и больше времени для выступлений.

По некоторым прогнозам правые могут набрать на европейских выборах до трети голосов избирателей. Начавшиеся в этой среде координационные инициативы вызвали обеспокоенность руководства ЕС и национальных государств. При этом мнение тех, кто критикует правых, практически едино: росту ксенофобии и поддержки правых способствуют кризис и его последствия, прежде всего, безработица. Например, Ж. М. Баррозу констатирует, что «кризис и безработица дают возможность популистским партиям набрать большее количество голосов». Эти настроения, прежде всего, затрагивают молодежь.¹²

Глава французского Национального фронта Марин Ле Пен и председатель нидерландской Партии свободы Герт Вилдерс заключили альянс в ноябре 2013 г. Поскольку для создания фракции необходимо 25 депутатов из семи стран, то альянс занимается поиском союзников. Встречи и переговоры проводятся с партией Шведских демократов, бельгийской партией Фламандский интерес, австрийской Партией свободы. Инициатива нидерландских и французских политиков наталкивается на такие сложности как программные расхождения среди европейских правых популистов. Наиболее радикальные правые, такие как Британская национальная партия и Национальная партия Германии не являются для них желательными союзниками. В то же время умеренные евроскептики, такие как Альтернатива для Германии, партия, обоснованно рассчитывающая на прохождение в Европарламент после того, как она оказалась близка к прохождению в Бундестаг в сентябре 2013 г., дистанцируются от нового правопопулистского альянса. С точки зрения влиятельных британских евроскептиков из Партии независимости Великобритании (UKIP), расистские и антисемитские мотивы выступлений Марин Ле Пен также делают возможность постоянного союза между ними сомнительной. Союз с Ле Пен и Вилдерсом может повлечь репутационные издержки.

При этом сама Партия независимости Великобритании набирает популярность. Опросы свидетельствуют о том, что консерваторы накануне выборов в Европарламент проигрывают не только лейбористам, но и UKIP: если лейбористов поддержал 31% опрошенных, а евроскептиков – 28%, то консерваторов всего лишь 23%. Пытаясь изменить ситуацию, Д. Кэмерон пыта-

---

¹² Torreblanca José Ignacio, 2013.

ется дискредитировать поведение UKIP в Брюсселе, обозначая ее позицию как популистскую и «нечестную» и убеждая избирателей, что именно тори, и только они способны отстаивать британские национальные интересы в Европарламенте¹³. Лидер Партии независимости Найджел Фарадж, не смотря на репутацию несерьезного политика, неожиданно становится значимым соперником для тори не только на выборах в Европарламент, но и на предстоящих в 2015 году парламентских выборах. Кэмерон, понимая, что существенной частью электората евроскептиков может стать разочарованный электорат консерваторов, критикует не позицию этих граждан, а партию, которая стремится воспользоваться их недовольством¹⁴:

В Нидерландах наиболее заметной правой партией является возглавляемая Гертом Вилдерсом Партия свободы. В 2010 г. она впервые приняла участие в муниципальных выборах и победила в двух округах. В том же году на парламентских выборах партии удалось занять третье место и войти в парламентскую коалицию с партией Христианско-демократический призыв. Сам Вилдерс является депутатом парламента Нидерландов с 1998 года. Сегодня лидер партии прогнозирует, что на выборах в мае 2014 г «еврократы потерпят сокрушительное поражение» и, по его мнению, По «такой результат будет означать не рост популизма, но истинную победу демократии в Европе»¹⁵.

Вилдерс известен скорее своей антииммигрантской и антиисламистской риторикой, а не только евроскептицизмом. Вилдерс позиционирует себя как сторонника либеральных ценностей, которым как раз и угрожает распространение ислама в Европе. Евросоюз подвергается критике со стороны партии Свободы за то, что его космополитическая позиция несут угрозу европейским национальным идентичностям. С радикализмом Г. Вилдерса связаны определенные трудности его партии. Так, весной 2014 г. во время предвыборного митинга он пообещал избавить Голландию от марокканцев. Реакцией стал выход некоторых его сторонников из партии и многочисленные обращения возмущенных граждан в прокуратуру с требованием при-

---

¹³ *Graham Georgia, Holehouse Matthew, 2014.*

¹⁴ *Holehouse Matthew, 2014.*

¹⁵ *Wilder Gert, 2013.*

влечь политика к ответственности за разжигание национальной розни¹⁶.

Во Франции по итогам муниципальных выборов в марте 2014 г. правые партии одержали победу в большинстве округов. Это не только национальный Фронт, но и самая крупная оппозиционная партия — правоцентристский Союз за народное движение. Если последняя получила 45,9%, то Национальный фронт — 6,8%. При этом сторонники Ле Пен выигрывали в округах с самой низкой явкой, что ает экспертам основание говорить о том, что избиратели скорее голосуют не за ультраправых, а против политики правительства, прежде всего, против урезания бюджета и других антикризисных мер¹⁷. Тем не менее, Марин Ле Пен заявила о том, что это наилучший результат за всю историю существования партии. Выигравшие кандидаты от Национального Фронта проявляют различную степень радикальности и отнюдь не все из них замечены в использовании антииммигрантской риторики. Но некоторые из них, например, Стефан Равье, который выиграл в Марселе, выступал против натурализации иммигрантов¹⁸.

В Германии, где выборы в Европарламент впервые пройдут без заградительного барьера, повышается шанс на прохождение малых партий. Но, собственно правопопулистских или праворадикальных среди них нет. Праворадикальная НДПГ ждет результатов обращения в Конституционный суд по поводу ее запрета, а немецкие евроскептики из Альтернативы для Германии, далеки от альянса с ле Пен или Вилдерсом.

Помимо умеренных националистов в Европе достаточно активны и радикальные движения. Среди них, прежде всего, следует назвать, греческий «Золотой рассвет», который активизировался в условиях глубокого экономического кризиса. Партию обвиняют в организации нападений на мигрантов. А несколько ее членов находятся в тюрьме по различным обвинениям¹⁹. По данным некоторых опросов, на выборах в мае 2014 г. за «Золотой рассвет» готовы голосовать от 6% до 10% избирателей²⁰.

---

¹⁶ *Депутаты уходят от Вилдерса: он пообещал избавить Нидерланды от мажорканцев* // Euronews. - 22/03 (URL:<http://ru.euronews.com/2014/03/22/split-in-geert-wilders-far-right-freedom-party-following-racist-chant-outrage/>)

¹⁷ *Муниципальные выборы во Франции, 2014.*

¹⁸ *Simons Stefan, 2014.*

¹⁹ *Chapple Irene, Labropoulou Elinda, 2013.*

²⁰ *New Poll on Upcoming Greek Elections, 2014.*

Достаточно заметны успехи европейских националистов в Венгрии. В начале апреля 2014 г. крайне правая партия «Движение за лучшую Венгрию» (Jobbik) получила почти 21% голосов избирателей, заняв третье место по итогам парламентских выборов. Лидер партии Мартон Гёнгёши известен антисемитскими высказываниями. Партия также выступает против социальной поддержки цыган, распространяя мнения о заведомой криминальности представителей этой этнической группы. Гёнгёши выступает за союз с Ле Пен и Вилдерсом²¹, но западноевропейские правые популисты не стремятся к альянсу с радикальным политиком.

Как отмечалось, накануне выборов в Европарламент, правые популисты предпринимают попытки объединения. Между тем в Европе уже существуют подобные структуры. Прежде всего, это Альянс европейских национальных движений, созданный как союз политических партий в Будапеште в 2009 г. в него входит ряд националистических и праворадикальных партий, в частности «Движение за лучшую Венгрию», являющееся центром объединения и Британская национальная партия. Альянс имеет восемь депутатских мест в Европарламенте и рассчитывает увеличить свою поддержку.

Евроскептиков объединяет группа Европа за свободу и демократию, также образованная в 2009 году. Это фракция Европарламента, состоящая из 27 членов. Ее основными силами являются Партия независимости Соединённого Королевства и итальянская Лига Севера. Австрийской Партии Свободы не удалось присоединиться к этой фракции именно из-за обвинений в ксенофобии и антисемитизме.

После выборов в Европарламент правых ожидают новые альянсы. Успешно используя рост евроскептицизма, связанный с последствиями мирового кризиса, правые популисты имеют шансы увеличить свою поддержку более чем на треть. Можно также говорить о том, что тема ограничения миграции, которую правые удачно связывают с актуальной темой бюджетной экономики, при этом будет вынесена на обсуждение в Европейском парламенте. Успеху правых может также способствовать прогнозируемая низкая явка на грядущие общеевропейские выборы. И хотя возможно, что рост евроскептицизма является ситуативным, правые популисты, тем не менее, готовы использовать представившийся им шанс.

---

²¹ White J. Arthur, 2014.

Ю.И. Лаптева

Правый популизм в Европе и выборы в Европарламент

Статья посвящена проблеме роста активности правопопулистских политических партий в современной Западной Европе. Трансформация института политических партий и механизмов связей между партиями и избирателями создает условия для развития правого популизма. Последствия экономического кризиса способствуют как успеху правых в отдельных странах, так и объединительным тенденциям в этом сегменте политического спектра.

Ключевые слова: политические партии, правый популизм, выборы в Европейский парламент, постматериалистические ценности

Yu.I. Lapteva

Right-wing populism in Europe and the European Parliament elections

The article is devoted to the growth and activity of the right-wing populist parties in contemporary Western Europe. Transformation experienced by political parties and the mechanisms of connections between parties and voters creates conditions for the development of right-wing populism. The consequences of the economic crisis contribute to the success of the far right in the individual countries as well as unifying trends in this segment of the political spectrum.

Key words: political parties, right-wing populism, European Parliament elections, postmaterial values

Библиографический список

1. Caramani D. Electoral Waves: An Analysis of Trends, Spread and Swings of Votes Across 20 West European Countries, 1970–2008 // National Centre of Competence in Research (NCCR). Challenges to Democracy in the 21st Century. Working Paper No. 43 October 2010. – P.3 (URL: http://www.nccr-democracy.uzh.ch/publications/workingpaper/pdf/WP_43.pdf)
2. Праворадикальные политические партии и движения современной Европы / отв. ред. проф. И.Н. Барыгин. – СПб.: Изд-во С. – Петерб. ун-та, 2011.
3. Townsend M. Voters more likely to back an anti-Muslim party than reject it – poll. Research suggests that many voters are open to views associated with far-right groups // The Observer, Sunday 16 September 2012 (URL: <http://www.guardian.co.uk/uk/2012/sep/16/voters-support-anti-immigrant-party>)
4. Torreblanca José Ignacio. Atención Bruselas: tenemos un problema. Perdemos a los jóvenes // El País. – 20 de noviembre de 2013 (URL: <http://blogs.elpais.com/cafe-steiner/2013/11/atencion-bruselas-tenemos-un-problema-perdemos-a-los-jovenes.html>)
5. Graham Georgia, Holehouse Matthew. Tory leader turns fire on Ukip's voting record at launch of European elections campaign // The Telegraph. - 10 Apr 2014 (URL:

- <http://www.telegraph.co.uk/news/politics/ukip/10758746/Cameron-launches-attack-on-dishonest-extremist-Ukip.html>)
6. Holehouse Matthew. David Cameron: shun extremist Ukip // The Telegraph. - 10 Apr 2014 (URL:<http://www.telegraph.co.uk/news/politics/ukip/10756888/Cameron-shun-extremist-Ukip.html>)
  7. Wilders Geert. The Resurgence of European Patriotism How to ruin the day of bureaucrats and politicians in Brussels. // Wall Street Journal. - Nov. 21, 2013 (URL: <http://online.wsj.com/news/articles/SB10001424052702303653004579209853897998922>)
  8. Депутаты уходят от Вилдерса: он пообещал избавить Нидерланды от марокканцев // Euronews. - 22/03 (URL:<http://ru.euronews.com/2014/03/22/split-in-geert-wilders-far-right-freedom-party-following-racist-chant-outrage/>)
  9. Муниципальные выборы во Франции: правый марш // Euronews. - 31/03 18:50 CET (URL: <http://ru.euronews.com/2014/03/31/french-blues-conservatives-win-elections-far-right-gains-left-lies-bruised/>)
  10. Simons Stefan. Frankreichs Front national: Ultrarechts macht auf modern // Der Spiegel. - 31.03.2014 (URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/frankreich-front-national-feiert-wahlerfolg-und-will-serioeser-werden-a-961758.html>)
  11. Chapple Irene, Labropoulou Elinda. Greece's Golden Dawn: Firebrand right-wingers accused of being criminals // CNN webcite. - 6:37 AM EDT, Tue October 8, 2013 (URL: <http://www.cnn.com/2013/10/07/business/greeces-golden-dawn-firebrand-right-wingers/>)
  13. New Poll on Upcoming Greek Elections. Politics Survey by Konstantinos Menzel // The Greekreporter -Mar 1, 2014 (URL:<http://greece.greekreporter.com/2014/03/01/new-poll-on-upcoming-greek-elections/>)
  14. White J. Arthur. Jobbik to Wilders and Le Pen: liberalism and Zionism are the enemies, not Islam // The Budapest Times. - 22. February 2014 (URL: <http://budapesttimes.hu/2014/02/22/jobbik-to-wilders-and-le-pen-liberalism-and-zionism-are-the-enemies-not-islam/>)

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ ФАШИЗМА И НЕКОТОРЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТИКИ В РОССИИ

Читатель, который знаком с некоторыми более ранними работами Автора, посвященными латиноамериканской проблематике²², заметит, что его отношения с традиционной отечественной латиноамериканистикой нельзя назвать нормальными, а статус автора среди российских латиноамериканистов близок к маргинальному. Автор полагает, что современная российская латиноамериканистика пребывает в состоянии глубокого методологического и теоретического кризиса. Вероятно, современная российская латиноамериканистика представляет собой не только досадный пережиток советской историографии, но и той историографии, которую французский историк Л. Февр²³ определил как «комодную»: в ней, словно по ящикам, разложены истории внутренней и внешней политики, история экономики, социальная история... Российская латиноамериканистика (в большинстве относящихся к ней публикаций) относится, к сожалению, именно к такой устаревшей «комодной» историографии.

Доминирование «комодности» существенным образом ограничивает потенциал и возможности развития латиноамериканских штудий в России. Именно она является основным препятствием на пути утверждения принципов междисциплинарности и применения новых методик, которые активно и продуктивно применяются западными историками. В рамках гуманитарного сообщества сложилась ситуация, при которой исследователь оказался вынужденным рефлексировать относительно научного наследия своих предшественников, впав, по словам С. Зенкина, в состоянии «постреволюционного похмелья и разочарования в эпоху отступления радикальных учений в политике и культуре, в эпоху смутных попыток освоиться в их великолепном, но и обременительном наследии»²⁴. Это наследие оказало противоречивое влияние на российскую латиноамериканистику: собственно отечественное научное латиноамериканское наследие

---

²² Курчанов, 2008; Курчанов, 2010; Курчанов, 2011.

²³ Февр, 1991. С. 64.

²⁴ Зенкин, 2002. С. 216.

продолжает доминировать в то время, как западный опыт (о котором и пишет С. Зенкин) почти не востребован.

Современные гуманитарные исследования развиваются в условиях междисциплинарности, постоянно возрастающей роли сравнительного подхода для изучения исторических, политических, культурных и интеллектуальных процессов. Западные «региональные исследования» известные в России как «регионоведение», «регионалистика», «регионология» стали проявлением тенденции к междисциплинарности и полидисциплинарности гуманитарного знания. В рамках современной модели гуманитарного знания в Европе, Северной и Южной Америке не существует и никогда не существовало «региональных исследований» в чистом, изолированном, виде. Западные *Latin American Studies*, «латиноамериканские исследования», и *Brazilian Studies*, «бразильские исследования» (как проявление специализации или более частная форма «латиноамериканских исследований») представляют собой совокупность исследовательских школ, сфокусированных на междисциплинарном изучении Латинской Америки в целом и Бразилии в частности.

Современная российская латиноамериканистика в отличие от западных аналогов развивается иначе: лишенная методологической основы в виде принципов полидисциплинарности, компаративности и междисциплинарного синтеза²⁵ (о чем фактически в начале XX века писал уже немецкий историк Э. Мейер²⁶, указывавший на пользу соединения исторических и филологических штудий), который чрезвычайно продуктивно и позитивно показал себя в других направлениях исторического знания, российские латиноамериканские исследования пребывают на периферии гуманитарного знания и имеют в ряде случаев маргинальный и политизированный характер. Подавляющее большинство работ, посвященных Латинской Америке, словно свидетельствует о том, что «интеллектуальное раскрепощение» (термин Н.Е. Копосова²⁷), пережитое российскими гуманитариями в 1990-е годы, почти не коснулось латиноамериканистики. Если, по словам немецкого историка И.Г. Дройзена «исходным пунктом исследования является исторический вопрос»²⁸, то это предположение явно не касается российской латиноамерикани-

---

²⁵ Могильницкий, 2005; Николаева, 2005.

²⁶ Мейер, 2003.

²⁷ Копосов, 2001. С. 6.

²⁸ Дройзен И.Г., 2004. С. 467.

стики, для которой в советский период этим пунктом был идеологический заказ, инерционная роль которого сохраняется и в настоящее время. Российская латиноамериканистика, несмотря на распад СССР, в «эпоху нулевых» (2000-х гг.) продолжает использовать старый и устаревший методологический аппарат и инструментарий, развиваться по инерции, унаследованной от советской эпохи, что проявляется в сохранении не только организационной структуры, основанной на доминировании ИЛА РАН как единственной специализированной научно-исследовательской институции, но и в применении, как правило, советского и, поэтому, морально устаревшего инструментария проведения научного исследования.

Инерционная модель развития гуманитарного знания, сосредоточенного вокруг узкоспециализированных институтов, в том числе – и ИЛА РАН, привела к тому, что латиноамериканистский дискурс в современной России функционирует как «традиционно эпистемологический», а сами латиноамериканисты (в первую очередь – представители старшего поколения) склонны именно российскую (а некоторые – и советскую) рассматривать как «непререкаемую ценность»²⁹. Комментируя специфику развития Латинской Америки, французский историк Фернан Бродель подчеркивал, что «в большей степени, чем какой-либо другой регион мира, Латинская Америка подвержена постоянным и быстрым переменам: вчерашнее представление о ней может уже ничего не значить в будущем и казаться ошибочным»³⁰. Отечественная латиноамериканистика, к сожалению, часто склонна руководствоваться идеологическими мифами и многочисленными политическими стереотипами, унаследованными от советской модели исторического знания, предпочитая игнорировать широкий круг факторов, в том числе и интеллектуальных, роль которых в самом регионе не вызывает сомнения.

Именно поэтому российская латиноамериканистика обладает рядом особенностей, которые отличают ее от востоковедения или американистики и канадоведения, а именно: значительная централизация научного производства в условиях доминирования ИЛА РАН; практически полное отсутствие региональных исследовательских центров; политизация конечного

---

²⁹ Копосов, 2001. С. 23.

³⁰ Бродель, 2008. С. 411.

научного продукта. Кризисные тенденции³¹ характерны и для других гуманитарных наук: исследовательский дискурс фрагментирован, исследовательское сообщество расколото (что, в принципе, позитивно), но в этой ситуации возникло «недоверие в отношении метарассказов»³² – попыткам написать общую картину прошлого³³, в том числе – и относительно латиноамериканского региона. В современной российской гуманистике неоднократно высказывалось мнение, что «интердисциплинарность представляет собой неотъемлемую характеристику современного социо-гуманитарного знания»³⁴. Но если мы обратимся к современной российской латиноамериканистике, то столкнемся с тенденцией к методологической и организационной автаркии. Некоторые разделы отечественной латиноамериканистики постсоветского периода напоминают дорогу с односторонним движением: среди тематики публикаций (например, в журнале «Латинская Америка») доминируют сюжеты, связанные с левым политическим дискурсом³⁵, словно правых трендов в политической и культурной жизни Латинской Америки не существует вовсе, а в истории стран региона они отсутствовали.

Подобная ситуация – результат доминирования т.н. эссенциалистской традиции. Распад советской модели знания стал почти методологической революцией, сравнимым с триумфом постмодернизма на Западе. Комментируя подобную ситуацию (в теоретической сфере, без привязки к постсоветской действительности) голландский исследователь Ф. Анкерсмит полагает, что «с появлением постмодернистской историографией произошел разрыв с вековой эссенциалистской традицией»³⁶. Советский тип гуманитарного знания, в том числе – и о Латинской Америки, был эссенциалистским. Иными словами, для советских исследователей первостепенное значение имели проблемы, связанные с «реальной» стороной истории и политической современности. Вместе с тем, советский идеологически выверенный канон латиноамериканистики был фактически и антиисторическим, что стало следствием догматизма и ортодоксального следования советской версии марксизма. Комментируя

---

³¹ Бухареев, Мягков, 2005. С. 48 – 49.

³² Лиотар, 1998. С. 10.

³³ Румянцева, 2004. С. 13.

³⁴ Репина, 2005. С. 6.

³⁵ Брагин, 2006; Кармен, 2007; Шевцов, 2007.

³⁶ Анкерсмит, 1996. С. 156.

фактор марксизма в развитии западного гуманитарного знания, румынский французский историк Мирча Элиаде подчеркивал, что последний стал своеобразным защитным механизмом от «ужаса истории»³⁷, который довлел над западными обществами. Подобная монополярная роль идеологически выстроенного суррогата, унаследованного от советской модели исторического знания, фактически сохраняется, хотя формально звучат декларации в пользу одновременного сосуществования различных научных интерпретаций, что характерно для гуманитарных наук, но почти полностью не получило развития в современной российской латиноамериканистике.

Поэтому, многочисленные позитивные перемены в рамках исторической науки, которые имели место в 1990-е годы, практически не затронули латиноамериканистику. По мнению одного из классиков западной историографии Хэйдэна Вайта, «язык предлагает множество путей конструирования объекта и закрепления его в образе или понятии». Кроме этого «историки обладают выбором модальностей преобразования, которые они могут использовать, чтобы строить сюжеты серий событий или выявлять те или иные смыслы»³⁸. Подобные нормы, которые в 1990-е годы начали применяться, например, в отечественной медиевистике или новистике оказались незамеченными в латиноамериканистике. Значительная часть современных российских латиноамериканистов-историков, используя определение Ф. Анкерсмита, «описывают прошлое с помощью единичных констатирующих высказываний»³⁹, которые в случае с актуальной латиноамериканистикой в значительной степени отягощены некими мессианскими комплексами исключительной правильности того конечного научного продукта, который в концентрированном виде предлагается со страниц журнала «Латинская Америка», который на протяжении 2000-х годов окончательно укрепился в использовании своего особого, формально научного, но фактически догматического, идеологически выверенного языка, что сближает латиноамериканистику с псевдорелигиозной сектой. Появление новых переводных и оригинальных исследований привело к кризису эссенциалистской модели знания о Латинской Америке. Традиционное для совет-

---

³⁷ Элиаде, 1987. С. 135.

³⁸ Уайт, 2002. С. 10.

³⁹ Анкерсмит, 2003. С. 349.

ской латиноамериканистики описание факта и процесса не было вытеснено разнообразием интерпретаций.

Значительная часть исследований в рамках российской латиноамериканистики на современном этапе создается в рамках искусственного интеллектуального вакуума. Нередко исследования, посвященные Латинской Америке, почти не пересекаются с другими областями гуманитарного знания. История интегрализма – классический пример подобного невнимания. Исследования интегрализма, выполненные в советский период, фатически игнорировали не только советскую историографию фашизма как родового для интегрализма явления, но и западные достижения в изучении правых политических движений и режимов. Эта ситуация действительно выглядит парадоксальной на фоне современных тенденций развития гуманитарного знания, которое, по словам Л. Репиной, развивается в условиях «роста интереса к макроперспективе глобальной истории, ориентированной на изучение экономических, экологических, демографических, культурных и интеллектуальных последствий развития глобальных взаимосвязей за последние полтысячелетия»⁴⁰. В условиях добровольной и / или вынужденной самоизоляции современные российские латиноамериканские исследования сами создают для себя вызовы, с которыми исследовательское сообщество может не справиться – речь идет о научной провинциализации и регионализации, консервации гуманитарного знания, что может привести к методологическому кризису.

Джэфф Эли в свое время высказал весьма интересное соображение о том, что современное гуманитарное сообщество напоминает поезд⁴¹, в котором находятся две группы пассажиров. Попробуем применить это сравнение к современной российской латиноамериканистике. Первая группа – это меньшинство, которое составляют сторонники радикальных методологических перемен. Вторая группа – большинство, которое получило образование, защитили диссертации и сформировались как исследователи до 1991 года. Новые теории их вовсе не интересуют. Они, наоборот, заинтересованы в их исчезновении. Вероятно, российский латиноамериканский поезд движется по дороге с левосторонним движением: методологические новации вытеснены за пределы официального научного дискурса, а лати-

---

⁴⁰ Репина, 2005. С. 4.

⁴¹ Eley, 1996. P. 214.

ноамериканисты (в первую очередь – историки) крайне негативно воспринимают вторжение в сферу исторического знания политологов⁴², социологов, антропологов и культурологов, отрицая, тем самым, возможность создания синтетического гуманитарного знания даже в рамках только латиноамериканских исследований. Многие современные российские публикации, посвященные Латинской Америке, принадлежат к т.н. нормативной историографии⁴³. Нормативная историография – это удел не только историков, но и некоторых политологов и литературоведов. В этом случае она трансформируется в нормативную модель «знания», в рамках которой доминирует описание и спекуляция над работами предшественников, но не попытка познания и анализа. Нормативная историография представляет собой трансформацию и модификацию поздней советской традиции написания и описания истории, политических и литературных процессов. Она отличается внешним декларативным разрывом с советской марксистско-ленинской методологией при почти полном сохранении старого методологического инструментария.

Сторонники нормативной историографии сводят историю, политику и культуру к механической смене дат, чередованию событий и перечислению фактов – они, словно, не заметили глубокий методологический кризис, который охватил западное гуманитарное знание и следствием которого стало утверждение междисциплинарности. Прискорбен и тот факт, что российские латиноамериканисты предпочли проигнорировать этот кризис несмотря на то, что голоса о нем звучат среди самих латиноамериканских интеллектуалов⁴⁴, идеи которых, однако, игнорируются со стороны современной российской латиноамериканистики, так как их невозможно интегрировать в существующий фактически несоветский канон исторического знания, прочно укорененный среди российских историков-латиноамериканистов. Нередко за нормативной историографией скрывается и методологический бэк-граунд в виде ностальгической рефлексии о временах полемики с «буржуазной историографией». Преобладание скрытой ностальгирующей рефлексии в некоторых современных работах по Латинской Америке можно сравнить лишь с доминированием монархиче-

---

⁴² Савельева, Полетаев, 2005. С. 97.

⁴³ Семенов, 2003. С. 385.

⁴⁴ Рохас, 2006; Рохас, 2008.

ской лояльности в работах Н. Карамзина⁴⁵. Иными словами, нормативная историография – позднейшее издание советской историографии, или – «облегченная» советская историография.

Современная российская латиноамериканистика нередко продолжает развиваться по инерции, унаследованной от советского периода. Поэтому, «синтез социальной и культурной истории, макро- и микроанализа, объяснения и понимания»⁴⁶, то есть те факторы, которые определяют развитие современной историографии, оказались за пределами исследовательского поля в актуальной отечественной латиноамериканистике. Возникают закономерные вопросы: как долго этой инерции хватит; и что будет с латиноамериканскими исследованиями, когда этот инерционный импульс прекратиться? Ответы очевидны, ибо их демонстрирует состояние значительной части публикаций, связанных с Латинской Америкой. Речь идет, в первую очередь, о статьях. В отличие от современного гуманитарного знания, которое стремится выстраивать новые интерпретации исторических и политических процессов в условиях среды, учитывающей не только внешние условия протекания событий, но и уделяющей внимание проблемам «культурно-исторической ситуации»⁴⁷. Во многих публикациях отсутствует именно эта «ситуация» – вместо нее доминирует особый норматив описания событий. Иными словами, как бы латиноамериканская проблематика не анализировалась – вывод известен в виду того, что исследователь обречен воспроизводить результаты предыдущих поколений исследователей, сочетая их с условиями политической и идеологической (как правило, левой) конъюнктуры.

Именно поэтому сторонники нормативной историографии словно не заметили тех радикальных методологических перемен, которые после 1991 года произошли в историоописании и историонаписании не только отдельных стран Латинской Америки, но и родовых явлений (коммунизм, социализм, фашизм), влияние которых в регионе очевидно. Между тем, современные гуманитарные исследования, как справедливо указывает Г. Иггерс, должны базироваться на «разнообразии интерпретаций»⁴⁸. Отечественные исследователи С.И. Маловичко и Т.А. Булыгина полагают, что «новая историческая культура

---

⁴⁵ Грицак, 2003. С. 444.

⁴⁶ Репина, 2012.

⁴⁷ Репина, 2005. С. 9.

⁴⁸ Iggers, 2000.

плюралистична, она признает многообразие исследовательских приемов и методологических подходов»⁴⁹. Именно поэтому на смену описательным методам в латиноамериканских исследованиях должны прийти работы, где «традиционная схема концепция “история – повествования” сменяется “историей – проблемой”»⁵⁰. Кроме этого современное состояние исторической науки рядом авторов определяется как «историографическая революция» – «стремительное расширение “территории историка” и совершенствование способов ее возделывания, прогрессирующий отказ от бинарного мышления с его противопоставлением макро- и микроподходов, структур и событий, рационального и иррационального, мирского и сакрального»⁵¹. Ничего подобного, к сожалению, в рамках современной российской латиноамериканистики, за исключением ее региональных и воспринимаемых в качестве маргинальных, проявлений невозможно констатировать.

Вероятно может возникнуть вопрос: а какое все это имеет отношение к латиноамериканистике вообще и изучению истории бразильского интегрализма в частности? Не исключено, что вопрос может возникнуть не просто у обычного читателя, но латиноамериканиста старшего поколения, чье становление как исследователя произошло в советский период, когда в обязанности всякого советского ученого, который занимался общественными науками, входило подискутировать с «буржуазной историографией». Все, о чем Автор писал выше, к латиноамериканским штудиям имеет самое непосредственное отношение. Речь шла о нормативной историографии и тех концепциях модернистского или постмодернистского плана, которые в принципе являются взаимоисключающими. Выше автор уже высказывал предположение, что современная отечественная латиноамериканистика пребывает в состоянии глубокого кризиса⁵², что, в частности, проявляется в том, что она развивается по инерции, унаследованной от советского периода.

Попытки применить к латиноамериканским исследованиям западные методологические подходы и концепты встречают непонимание и отторжение со стороны российских латиноамери-

---

⁴⁹ Маловичко, Булыгина, 2003. С. 13.

⁵⁰ Маловичко, 2005. С. 5.

⁵¹ Могильницкий, 2012.

⁵² Коваль, 1968; Коваль, 1981; Коваль, 1984; Коваль, 1988; Коваль, 2005; Мартынов, 2004; Слинко, 2005.

канистов старшего поколения. Между тем, гуманитарные исследования в современной Бразилии развиваются на том базисе и методологическом бэк-граунде, который не принимается и последовательно отторгается некоторыми российскими латиноамериканистами.

В основе современной бразильской гуманитаристики лежит интеллектуальная постмодернистская рефлексия, которая базируется на интересе к западной, англоязычной (этот интерес, действительно, очень велик, о чем, в частности, свидетельствуют многочисленные рецензии на англоязычные исследования о Бразилии в бразильской гуманитарной периодике, стремление использовать классические и новейшие работы европейских и американских авторов, а так же появление специализированных исследований⁵³), латиноамериканистике и попытке интеграции в сферу бразильской истории тех исследовательских методов, которые были предложены во второй половине XX века европейскими и американскими интеллектуалами. Понятия «дискурс» и «нарратив» в рамках западной, в том числе – и латиноамериканской, историографии нормальны и вполне применимы. Более того, активное изучение проблем именно дискурса⁵⁴ или написание / описание истории как дискурса, конструирование дискурса интеллектуалами привели к некоторым методологическим прорывам, поворотам в зарубежной исторической науке. Бразильские исследователи на несколько десятилетий раньше, чем их российские коллеги получили возможность знакомиться с «актуальной» англо-американской, итальянской и французской гуманитарикой: сначала – с оригинальными текстами, а потом – и с переводами на португальский язык, изданными в Бразилии или в Португалии. Еще несколько десятилетий назад отечественная и бразильская латиноамериканистика базировались на диаметрально противоположных культурах отношения к тексту, чтения текста исследования.

Для советского латиноамериканиста любая несоветская книга была или образчиком «прогрессивной» или «буржуазной» (а если степень политической лояльности режиму была максимальной, то такая книга могла восприниматься и как «реакционная») историографии. Его бразильский коллега на труд, например, американского или французского исследователя, смотрел иначе. В Бразилии европейская и англо-американская гумани-

---

⁵³ DeNipoti, Joaquin, 2001; Maura, 1995.

⁵⁴ Феллер, 2005. С. 44.

тарные традиции были восприняты иначе: интеллектуальная рефлексия местных исследователей привела к постепенной интеграции западного методологического инструментария в бразильские гуманитарные исследования. Поэтому, начался обратный процесс: результаты исследований бразильских гуманитариев, которые опирались на постмодернистские методологии, оказались востребованными и в англоязычных научных сообществах. И дело тут не только в том, что большинство современных бразильских гуманитариев пишут на двух языках – португальском и английском. На этом фоне становятся совершенно непонятными и неоправданными попытки некоторых российских латиноамериканистов старшего поколения объяснить трудности в отечественной латиноамериканистике тем, что западные авторы не знают русского языка и, соответственно, не читают их работы.

В такой ситуации российская латиноамериканистика (в том числе – и бразилиоведение, а также исследования интегрализма как его составная часть) и бразильские исследования на Западе развиваются с опорой на различные методологические основания. Если в постсоветской российской латиноамериканистике господствует т.н. нормативный подход (иначе говоря, известно, что конечный продукт должен соответствовать определенному канону, сформированными идеологическими и в наименьшей степени научными требованиями), то в самой Бразилии гуманитарные исследования опираются на ту форму постмодернистского анализа, которую условно можно определить как нарративно-дискурсивную.

В то время, когда значительная часть отечественных исследований представляет собой описания исторического и политического контекста, механическая фиксация событий, западные и бразильские работы выглядят совершенно иначе. Бразильских исследователей уже давно интересует не столько сама история интегрализма как некая самоценная история, сколько ее отдельные дискурсы, нарративы (фиксации прошлого в письменных источниках), представления о фактах, взаимные представления, интеллектуальная история, локальная и региональная история, микроистория и история гендера. Иными словами, единый исторический канон разрушен, фрагментирован. На смену ему пришли *case studies*, в центре которых отдельные нарративы и дискурсы, связанные как с дискретными событиями, так и историческим контекстом. В этой ситуации, сам исто-

рический контекст, своеобразный бэк-граунд прошлого, предстает не как одна целая и единая история, а как совокупность историй, отдельных «казусов», исторических сюжетов и интеллектуальных рефлексий. Вероятно, в этой ситуации следует сказать несколько слов о развитии гуманитарных исследований в современной Бразилии, точнее – о том разнообразном тематическом спектре, в рамках которого развивается бразильская гуманистика, а именно те ее тренды, которые связаны с изучением национализма и идентичностей и связанных с ними правовых вызовов, представленных, в том числе, и фашистскими движениями.

М.В. Курчанов

Проблемы историографии фашизма и некоторые перспективы развития латиноамериканистики в России

Автор анализирует проблемы восприятия фашизма в контексте развития современной российской латиноамериканистики. Латиноамериканские исследования в России развиваются в условиях доминирования консервативной стабильности и неосоветских интерпретаций. Проблемы фашизма в Бразилии принадлежат к числу маргинальных тем. Доминирование консервативных тенденций влияет негативно на развитие латиноамериканских исследований в целом.

Ключевые слова: историография, методология, фашизм, латиноамериканистика, бразиловедение

Maksym W. Kyrchanoff

The historiography of fascism problems and Latin American Studies development prospects in Russia

The author analyzes problems of fascism perception in the context of contemporary Russian Latin American Studies. Latin American studies in Russia developed in situation of stability and conservative dominance of neo-Soviet interpretations. The problems fascism in Brazil belong to the number of marginal topics. The dominance of conservative tendencies affect negatively on development of Latin American Studies in general.

Keywords: historiography, methodology, fascism, Latin American Studies, Brazilian Studies

Библиографический список:

1. DeNipoti C., Joanilho A.L. Novos brasilianistas: temas de história do Brasil na historiografia norte-americana recente / C. DeNipoti, A.L. Joanilho // RHR. – 2001. – Vol. 6. – No 2. – P. 175 – 185.
2. Eley G. Is All the World a Text? From Social History to the History of Society / G. Eley // The Historic Turn in the Human Sciences / ed. T.J. McDonald. – Ann Arbor, 1996.
3. Iggers G. Historiography between Scholarship and Poetry: Reflections on Hayden White's Approach to Historiography / G. Iggers // Rethinking History. – 2000. – Vol. 4. – No 3. – P. 373 – 390.
4. Maura G. História de uma história: rumos da historiografia norte-americana no século XX / G. Maura. – São Paulo, 1995.
5. Анкерсмит Ф. Историография и постмодернизм / Ф. Анкерсмит // Современные методы преподавания новейшей истории. – М., 1996.
6. Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков / Ф. Анкерсмит / пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова; под науч. ред. Л.Б. Макеевой. – М., 2003.
7. Брагин М.Ю. Где плачут березы / М.Ю. Брагин // Латинская Америка. – 2006. – № 4. – С. 88 – 91.

8. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций / Ф. Бродель / пер. с фр. Б.А. Ситникова. – М., 2008.
9. Бухараев В.М., Мягков Г.П. По обе стороны от «средней позиции»: что же дальше, историческое познание? / В.М. Бухараев, Г.П. Мягков // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / ред. Л.П. Репина. – М., 2005. – С. 48 – 49.
10. Грицак Я. Украинская историография: 1991 – 2001. Десятилетие перемен / Я. Грицак // Ab Imperio. – 2003. – № 2.
11. Дройзен И.Г. Историка / И.Г. Дройзен / пер. с нем. Г.И. Федоровой; под ред. Д.В. Складнева. – СПб., 2004.
12. Зенкин С. Наследники структуралистского Просвещения / С. Зенкин // Интеллектуальный форум. – 2002. – № 2.
13. Кармен А.Р. Мифотворчество невежд. Сказки дедушки Пиночо и его российских последователей / А.Р. Кармен // Латинская Америка. – 2007. – № 1. – С. 15 – 24.
14. Кирчанов М.В. Российская латиноамериканистика: между традициями норматива и вызовами дискурса / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти Сергея Ивановича Семенова / А.А. Слинько (ред.), М.В. Кирчанов (сост.). – Воронеж, 2008. – Вып. 3 – 4. – С. 11 – 21.
15. Кирчанов М.В. Российское бразиловедение: между консервативной стабильностью, методологическим кризисом и маргинализацией / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений Воронежского государственного университета, 2010. – Вып. 6. – С. 90 – 101.
16. Кирчанов М.В. Самый неудобный методолог: неомарксизм и «школа “Анналов”»: К.А. Агирре Рохаса в контексте перспектив развития российской латиноамериканистики / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. – 2011. – № 8. – С. 84 – 92.
17. Коваль Б.И. История бразильского пролетариата, 1857 – 1967 / Б.И. Коваль. – М., 1968.
18. Коваль Б.И. Латинская Америка: революция и современность / Б.И. Коваль. – М., 1981.
19. Коваль Б.И. Революционный опыт XX века / Б.И. Коваль. – М., 1988.
20. Коваль Б.И. Революция продолжается: опыт 70-х годов XX века / Б.И. Коваль. – М., 1984.
21. Коваль Б.И. Трагическая героика XX века. Судьба Луиса Карлоса Престеса / Б.И. Коваль. – М., 2005.
22. Копосов Н.Е. Как думают историки / Н.Е. Копосов. – М., 2001.
23. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – СПб., 1998.
24. Маловичко С.И. Тип исторического знания в провинциальном историописании и историческом краеведении / С.И. Маловичко // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. – Ставрополь, 2005. – Вып. 7.

25. Маловичко С.Н., Булыгина Т.А. Современная историческая наука и изучение локальной истории / С.Н. Маловичко, Т.А. Булыгина // Новая локальная история. – Ставрополь, 2003. – Вып. 1.
26. Мартынов Б.Ф. «Золотой канцлер». Барон де Рио-Бранко - великий дипломат Латинской Америки / Б.Ф. Мартынов. – М., 2004.
27. Мейер Э. Теоретические и методологические вопросы истории / Э. Мейер // Мейер Э. Труды по теории и методологии исторической науки / Э. Мейер / вступит. статья Ю.И. Семенова, пер. с нем. А.А. Малинина. – М., 2003. – С. 142 – 200.
28. Могильницкий Б.Г. Актуальные проблемы методологии истории в зеркале современной историографической революции / Б.Г. Могильницкий // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. – М., 2012. – С. 14 – 23.
29. Могильницкий Б.Г. Междисциплинарный синтез: уроки школы «Анналов» / Б.Г. Могильницкий // Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы / под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. – М., 2005. – С. 14 – 42.
30. Николаева И.Ю. Методологический синтез: «сверхзадача» будущего или реаялия сегодняшнего дня? / И.Ю. Николаева // Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы / под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. – М., 2005. – С. 43 – 65.
31. Репина Л.П. Историческая наука и современное общество / Л.П. Репина // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / ред. Л.П. Репина. – М., 2005.
32. Репина Л.П. Ситуация в современной историографии. Общественный запрос и научный ответ / Л.П. Репина // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. – М., 2012. – С. 5 – 13.
33. Рохас К.А.А. Историография в 20 веке. История и историки между 1848 и 2025 годами / К.А.А. Рохас / пер. с исп. К.Г. Гладыш, И.В. Дергачева, науч. ред. Л.П. Репина. – М., 2008.
34. Рохас К.А.А. Критический подход к истории французских «Анналов» / К.А.А. Рохас / пер. с исп. И.Л. Замойской, ред. Л.П. Репина. – М., 2006.
35. Румянцева М.Ф. О двух микроисториях / М.Ф. Румянцева // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. – Ставрополь, 2004. – Вып. 5.
36. Савельева И.М., Полетаев А.В. «Там за поворотом...». О модусе сосуществования истории с другими социальными и гуманитарными науками // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / ред. Л.П. Репина. – М., 2005.
37. Семенов А. Дилеммы написания истории империи и нации / А. Семенов // Ab Imperio. – 2003. – № 2.
38. Слинько А.А. Переход к демократии в условиях террористической войны и политической нестабильности (политические процессы в Перу) / А.А. Слинько. – Воронеж, 2005.

39. Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт / пер. с англ., под ред. Е.Г. Трубиной, В.В. Харитонова. – Екатеринбург, 2002.
40. Февр Л. Бои за историю / Л. Февр. – М., 1991.
41. Феллер В. Введение в историческую антропологию. Опыт решения логической проблемы философии истории / В. Феллер. – М., 2005.
42. Шевцов Д.А. Палач не жалел о содеянном / Д.А. Шевцов // Латинская Америка. – 2007. – № 1. – С. 12 – 14.
43. Элиаде М. Космос и история. Избранные работы / М. Элиаде / общ. ред. И.Р. Григулевича, М.Л. Гаспарова. – М., 1987.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АМЕРИКАНСКИХ НГО ПО РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ США В ОТНОШЕНИИ РОССИИ

В последние годы публичная дипломатия заняла одно из ключевых мест во внешнеполитической деятельности Соединенных Штатов. Как эксперты, так и представители исполнительной и законодательной власти признают эффективность публичной дипломатии и необходимость ее использования для создания благоприятной атмосферы за рубежом, способствующей успешному проведению политических, военных или экономических акций. Согласно словарю Госдепартамента, публичной дипломатией называют «финансируемые правительством программы, направленные на информирование и влияние на граждан зарубежных стран посредством публикаций, кинопродукции, обменов в области культуры, радиовещания и телевидения»⁵⁵. Отличие публичной дипломатии от классической дипломатии (представляющей собой традиционный механизм отношений между правительствами) заключается в том, что государство распространитель получает возможность прямого информационного воздействия на население интересующей его страны. Иначе говоря, публичная дипломатия - это официальная пропаганда, которая стремится создать благоприятный имидж государства за рубежом.

Целевой аудиторией публичной дипломатии являются как правительства зарубежных стран и элита, так и широкие круги общественности, представители СМИ, культуры, искусства, академическая среда и подрастающее поколение.

Особая роль в современной публичной дипломатии Соединенных Штатов Америки отводится деятельности неправительственных организаций. Заинтересованность привлечения НПО к программам публичной дипломатии объясняется той ролью, которая отводится общественности в современной политике, и формальной независимостью НПО, которые имеют больший кредит доверия у граждан зарубежных стран, нежели государственные учреждения. Роль неправительственных организаций во внешней политике США опирается на осознание того, что их

---

⁵⁵ Цатурян, 2010.

отношения с зарубежными партнерами имеют тенденцию продолжаться независимо от межгосударственных отношений.

Сегодня, неправительственные организации используются американским правительством для проведения своего внешне-политического курса по всему миру.

На российском направлении активно работают многие американские НПО, в том числе, и такие известные как **Freedom House** и **Национальный фонд в поддержку демократии**.

Freedom House - неправительственная организация со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Основана в 1941г. Объектом исследований Freedom House предполагался мониторинг «демократических изменений» в мире, «поддержка демократии» и «защита демократии и прав человека». После начала холодной войны Freedom House работала против распространения коммунизма. Со временем она постепенно стала заниматься не только исследовательской деятельностью, но и практической политикой.

Неправительственная организация Freedom House финансируется преимущественно правительством США, однако, подчёркивается, что речь идёт не о контрактах, а о грантах. Согласно финансовому отчёту за 2013 г., из почти 37 млн. долл. доходов и пожертвований 32 млн. составляют федеральные гранты⁵⁶. С 1978 года Freedom House выпускает ежегодные доклады «Свобода в мире», в которых анализируется состояние дел с политическими правами и гражданскими свободами в различных государствах и присваиваются соответствующие рейтинги, по которым страны делятся на «свободные», «частично свободные», «несвободные». Доклады готовят штатные аналитики Freedom House в Нью-Йорке при поддержке научных советников (специалистов в области политологии и прав человека из университетов, неправительственных аналитических центров). При подготовке докладов используются сообщения местных и международных СМИ, данные правозащитных групп и личные наблюдения экспертов.

С 2002 года на основании ежегодных докладов Freedom House о ситуации с гражданскими свободами в разных странах Белый Дом распределяет международную помощь через Корпорацию «Millenium Challenge» («Вызов тысячелетия»). Данные

---

⁵⁶ Финансовый отчёт «Freedom House» за 2013 г.

этих докладов широко используются американскими СМИ и Конгрессом.

Однако объективность этих докладов вызывает у многих серьезные сомнения, так как в категорию несвободных стран попадают, как правило, те страны, которые не являются союзниками США. К примеру, Саудовская Аравия, которая является главным союзником США в Ближневосточном регионе, по рейтингу свободы оказывается выше Ирана. И это при том, что Саудовская Аравия абсолютная монархия, а Иран республика, где проводятся парламентские и президентские выборы и существует многопартийность.

До 2005 года Freedom House возглавлял бывший директор ЦРУ Джеймс Вулси. Ее нынешние руководители являются активными членами ряда сомнительных организаций. К примеру, текущий исполнительный директор Дэвид Крамер - старший научный сотрудник в НПО «Проект Нового Американского Столетия», многие члены которой несут ответственность за текущее состояние внешней политики США.

«Проект Нового Американского Столетия» или PNAC - это вашингтонская неправительственная организация, основанная в 1997 году. PNAC отстаивает одну единственную цель - установление глобальной американской гегемонии в мире. Основные положения идеологии PNAC можно найти в «Белом листе», опубликованном в сентябре 2000 года и озаглавленного «Переоснащение американской обороны: стратегия, силы и ресурсы в новом столетии». В нем PNAC намечает в общих чертах то, что требуется Америке для сохранения глобальной гегемонии.

В период работы Д. Вулси на посту главы Freedom House, эта организация сыграла одну из ключевых ролей в проамериканских революциях в Грузии, Украине и Киргизии, используя имеющийся у нее опыт закулисной поддержки первой «цветной» революции в Сербии в 1999 г.

По утверждению газеты «Вашингтон Пост»: «Практически за всеми политическими акциями антимилошевского движения стояли инструкторы, финансируемые Соединенными Штатами; они помогали в проведении социологических опросов, подготовили тысячи политических активистов оппозиции и участвовали в организации крайне важного параллельного подсчета голосов»⁵⁷. Одним из мероприятий Freedom House в Сербии было издание массовым тиражом книги Джина Шарпа «От диктатуры

---

⁵⁷ *Washington Post. «US Advice Guided Milosevic Opposition. 11.12.2000.*

к демократии», ставшей основным методическим пособием для оппозиционной студенческой группировки «Отпор». По шаблону этой организации создавались аналогичные студенческие движения накануне революционных событий в других странах региона: движение «Пора» – на Украине, «Кмара» – в Грузии.

Совсем недавно, Freedom House, принимала активное участие в событиях «арабской весны». Нью-Йорк Таймс в своей статье «Группы США помогали организовывать арабские восстания», сообщила: «Число групп и отдельных лиц, непосредственно участвующих в восстаниях и реформах в странах Ближнего востока и Африки, в том числе Молодежное движение 6 апреля в Египте, Центр по правам человека и низовые активисты в Бахрейне, прошли обучение и финансирование в Международном республиканском институте, Национальном демократическом институте и Freedom House»⁵⁸.

Freedom House постоянно подвергает критике уровень политических свобод в России. Джеймс Вулси, возглавлявший Freedom House в течение трех лет, в интервью Радио «Свободная Европа» в октябре 2005 года заявил: «Мы гордимся тем, что критика деятельности неправительственных организаций на Украине, направленной на установление демократии, в том числе деятельности Freedom House, исходит от президента Путина, который подошел вплотную к установлению в России фашистской диктатуры».⁵⁹ Слово «фашизм» во время этого интервью он употребил применительно к России не раз: «В начале 1990-х годов у нас был период сотрудничества с российскими спецслужбами, но в настоящее время они, по-видимому, решили возложить на западные спецслужбы вину за фашизм, к которому идут сами». «Господин Путин, идущий к установлению в России фашизма, совершает историческую ошибку. У них ничего не получится... в конечном итоге они все равно проиграют»⁶⁰.

В последние годы Freedom House относит Россию к категории полностью несвободных стран. Freedom House оценивает уровень политических свобод в России как равный уровню свобод в Объединённых Арабских Эмиратах. Freedom House также приравнивала уровень России к Йемену, где согласно конституции, единственным законом является шариат и разрешено насилие и убийство женщин за подозрение в аморальном пове-

---

⁵⁸ *NGOs: The Missionaries of Empire*

⁵⁹ *Freedom HOUSE на службе «Империи Добра*

⁶⁰ *Там же.*

дении. Критика президента в Йемене также незаконна и карается тюремным заключением. В одном из последних докладов Freedom House сравнила Россию с Северной Кореей. Подобные заявления вызвали критику даже у российских правозащитников, которых нельзя заподозрить в большой любви к президенту РФ В. Путину и созданному им политическому режиму. Так глава Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека Элла Памфилова заявила, что результаты докладов Freedom House относительно России выглядят «смешно, нелепо и натянуто». По её словам, «многие авторитетные международные организации прекрасно знают, что собой представляет Freedom House. Там в руководстве бывший руководитель ЦРУ и много людей, по сути, ненавидящих Россию. Эта организация уже давно инструмент политики США, такая откровенная правозащитная дубинка»⁶¹.

В настоящее время Freedom House наиболее активно работает на Северном Кавказе. В 1999 году Freedom House создал «Американский комитет за мир на Кавказе». Деятельностью комитета управляет Консультативный Совет куда входят такие деятели как бывший советник по национальной безопасности Збигнев Бжезинский, бывший госсекретарь Александр Хэйг и бывший конгрессмен Стивен Дж.Солэрс.

Деятельность комитета разворачивается в национальных республиках: Чечне, Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Адыгее.

Работа комитета ведётся по следующим пунктам:

1) Сбором информации по положению дел в национальных республиках Северного Кавказа. Особое внимание уделяется межнациональным конфликтам и различным нарушениям прав человека.

2) Достижение «всеобщей осведомленности» - путем размещения данной информации на веб-сайтах, публикации специальных докладов, приглашения «диссидентов, журналистов, представителей общин, предоставление им слова».

3) В связи с тем, что «четкая политика США в этом регионе отсутствует» «Американский комитет за мир на Кавказе» пытается восполнить этот пробел, тесно работая с руководством Республиканской и Демократической партий США, а также с

---

⁶¹ *Правозащитники обиделись на Freedom House.*

Конгрессом и Сенатом. Таким образом «Американский комитет за мир на Кавказе» позиционирует себя в качестве «приводного ремня» Госдепа, выполняющего во многом за него работу по продвижению американских интересов на Северном Кавказе. В качестве примера успешной работы на этом направлении приводится принятие в 2001 году резолюции ООН (E/CN.4/RES/2001/24), выражающей озабоченность мирового сообщества конфликтом в Чечне и нарушениями прав человека, совершаемыми российскими войсками.

4) Работа с международными сетями, и неправительственными организациями «заинтересованными в установлении мира на Кавказе». Таковыми, по мнению комитета, является например Danish Support Committee for Chechnya (Датский комитет поддержки Чечни), на официальном сайте которого размещен герб «независимой Ичкерии» и публикации Ахмеда Закаева. Совместно с данным комитетом, а также с Парижским Чеченским комитетом «Американский комитет за мир на Кавказе» направили совместное обращение к Совету Европы с требованием лишить Россию права голоса в этой организации из-за постоянных нарушений прав человека в Чечне⁶².

Антироссийская пропагандистская направленность данного «комитета» не вызывает сомнений. Однако следует отметить, что это не просто отдельная сетевая организация, но организация, входящая в сеть Freedom House и финансируемая из тех же источников. Кроме этой деятельности Freedom House вёл совместный проект Международной Сети «Молодежное Правозащитное Движение» (Россия) и Freedom House, в рамках программы «Региональный Сетевой Проект: Россия - Центральная и Восточная Европа». Целью проекта является - развитие сотрудничества между общественными институтами России, Центральной и Восточной Европы, направленное на обмен опытом, экономический рост и развитие гражданского общества через программы стажировок и обменов молодых лидеров, представляющие различные общественные институты.

Для участия в программе набирались молодые люди в возрасте от 21 до 31 года.

Стажировки длились от 2 недель до 3 месяцев в одном из общественных институтов Центральной и Восточной Европы по одной из следующих тем:

1) Международные механизмы защиты Прав Человека и их

---

⁶² Freedom HOUSE на службе «Империи Добра»

реализация на местном уровне

2) Права меньшинств

3)Международные отношения и международные институты

4)Сознательный отказ от военной службы и альтернативная гражданская служба

5)Правозащитное образование (для детей, молодежи и взрослых)

6)Демократические институты и политические системы

7)Вовлечение молодежи в гражданскую активность

8)Разрешение конфликтов и работа в зонах конфликтов

9)Права детей и ювенальная юстиция

10)Права Человека и борьба с терроризмом⁶³

Freedom House, как и множество других организаций подобного рода уделяют большое внимание молодёжной среде. И не удивительно, ведь это позволяет им обеспечить формирование у подрастающего поколения россиян представлений, с точки зрения западной идеологии, о правильном пути развития государства. Этот путь включает в себя построение гражданского общества и реализацию демократических свобод по образцу США и западноевропейских государств. Главной задачей деятельности Freedom House в отношении России является формирование прозападного гражданского общества и лояльной к США политической элиты.

Еще одной известной НПО, активно используемой правительством США для проведения политики в отношении России, является **Национальный фонд в поддержку демократии**. Согласно своему сайту, Национальный фонд в поддержку демократии (NED) является «частной некоммерческой организацией, деятельность которой направлена на развитие и укрепление демократических институтов по всему миру»⁶⁴. Национальный фонд в поддержку демократии был создан после прихода к власти администрации Р. Рейгана. С самого своего основания в 1983г. Национальный фонд в поддержку демократии создавался как орудие осуществления внешней политики США. Он был создан Алленом Вайнштейном, который был профессором Брауновского и Джорджтаунского университетов, работал в редакции «Вашингтон пост» и был исполнительным редактором

---

⁶³ Там же.

⁶⁴ Официальный сайт Национального фонда в поддержку демократии. – (<http://www.ned.org>).

журнала The Washington Quarterly, издаваемого джорджтаунским Центром стратегических и международных исследований - правоконсервативным мозговым центром, в котором работали такие известные американские стратеги, как Генри Киссинджер и Збигнев Бжезинский.

Первый директор фонда Карл Гершман открыто признавал, что фонд является фасадом ЦРУ. В 1986г. он сделал такое высказывание:

«Нам нужно делать такого рода работу тайно. Для демократических групп во всём мире было бы ужасно выглядеть получателями денег ЦРУ. Мы наблюдали это в шестидесятые, и именно поэтому подобная практика была прекращена. У нас уже не было возможностей действовать таким образом, вот почему и был создан этот фонд»⁶⁵.

Основная декларируемая цель Фонда - укрепление демократии за рубежом. Подчёркивается, что Фонд не принадлежит какой-либо определённой партии или группе, что даёт ему возможность не менять свои принципы при смене президента-республиканца на президента-демократа и наоборот. Его неправительственный статус облегчает взаимодействие с зарубежными неправительственными демократическими организациями - например, в ситуациях, когда между правительствами США и страны-получателя нет никаких отношений.

Руководит фондом Совет директоров - неправительственный, «непартийный» орган, состоящий из двадцати пяти человек, назначаемых Конгрессом США. В составе Совета директоров шесть конгрессменов, по три от каждой из ведущих американских партий (Демократической и Республиканской) и от обеих палат Конгресса - три сенатора и три члена Палаты представителей. В Совет входят и бывшие конгрессмены - Вин Вебер и многолетний председатель комиссии Конгресса по безопасности Ли Гамильтон. Есть в Совете такие известные дипломаты, как Мортон Абрамович, отставные генералы, такие как бывший командующий войсками НАТО Весли Кларк, крупные бизнесмены - миллиардер Ральф Герсон, президент компании Guardian International Group, и мультимиллионер Эммануэль А. Кампурис, президент American Standard Co. Среди членов Совета директоров известные политологи - Фрэнсис Фукуяма, Майкл Новак, Стивен Сестанович.

---

⁶⁵ *NGOs: The Missionaries of Empire*

О важности, которую американские правящие элиты придают деятельности NED, говорит и то, что некоторые члены Совета Директоров - Вин Вебер, Кеннет Дуберстейн - входят в руководство «Совета по международным отношениям» - влиятельнейшего института формирования принципов и стратегии американской внешней политики⁶⁶.

Первоначальный бюджет фонда NED был 30 млн. долларов; эта сумма с течением времени менялась, и в 2002г. бюджет NED составлял 43 миллиона долларов. Несмотря на статус «неправительственной организации», бюджет фонда на 95% наполняется из казны США⁶⁷. Формально NED действительно является частной некоммерческой организацией, но по факту вместе с Агентством по международному развитию США (USAID) является монополистом в распределении средств Госдепа США.

Деятельность фонда преследует следующие цели:

- «поощрять свободные и демократические институты во всем мире через частные инициативы, в том числе деятельность, способствующую индивидуальным правам и свободам, необходимым для функционирования демократических институтов»;

- «содействовать контактам между демократическими группами за рубежом и американскими неправительственными группами (особенно с обеими главными партиями, профсоюзами и бизнесом)»;

- «содействовать участию американских неправительственных организаций в строительстве демократических институтов и в программах обучению демократии за рубежом»

- «улучшать демократическую систему выборов за рубежом посредством своевременных акций в кооперации с истинно демократическими силами»;

- «способствовать участию главных американских политических партий, профсоюзов, бизнеса и другого частного сектора в сотрудничестве с теми группами и силами за рубежом, кто привержен культурным ценностям, институтам и организациям демократического плюрализма»

- поощрять формирование и развитие демократии в таком направлении, чтобы она соответствовала национальным инте-

---

⁶⁶ Попов

⁶⁷ NGOs: *The Missionaries of Empire*.

ресам США и специфическим потребностям демократических групп в других странах, которые финансируются фондом»⁶⁸.

«Как неправительственная организация NED может обеспечить политическую помощь демократическим силам в щекотливых политических ситуациях, где поддержка правительством США была бы дипломатически и политически невозможной»⁶⁹.

Таким образом, одной из основных целей NED декларируется помощь демократическим силам « в щекотливых политических ситуациях». То есть, в таких ситуациях, где финансовая поддержка иностранных НПО американскими фондами, входящими в государственные структуры (как, например, USAID), расценивалась бы как открытое вмешательство правительства США во внутренние дела других стран.

И далее «NED поддерживает НПО посредством предоставления грантов. NED смог обеспечить **критическую** поддержку диссидентам Восточной Европы и Советского Союза в период до распада коммунизма, так и сегодня мы можем помогать демократическим движениям в Бирме, Китае, на Кубе, Балканах, Ближнем Востоке и Центральной Азии»⁷⁰.

Так же официальный сайт фонда сообщает, что Национальный фонд в поддержку демократии финансировал оппозиционные движения «Солидарность» в Польше, «Хартия 77» в Чехословакии, а также принимал участие в финансировании «Революции Роз» в Грузии и «Оранжевой Революции» в Украине⁷¹.

В Российской Федерации «Национальный фонд в поддержку демократии» активно финансировал многие «правозащитные» НПО. Общее количество грантов, где в заглавии или в кратком изложении сути «предлагаемой деятельности» фигурируют «права человека», «свобода слова и печати», - не превышает двадцати пяти. Остальные гранты были даны на создание в России т.н. «гражданского общества»: на обучение молодежи «демократическим принципам и практикам», тренингу адвокатов и работников социального сектора, помощь в организации «независимой» прессы и интернет-порталов, организацию школ и семинаров и т.п.

---

⁶⁸ Официальный сайт Национального фонда в поддержку демократии. – (<http://www.ned.org>).

⁶⁹ Попов

⁷⁰ Попов

⁷¹ Официальный сайт Национального фонда в поддержку демократии. – (<http://www.ned.org>).

Грант в 36527 долларов был предоставлен «Центру развития демократии и прав человека». Эти деньги были предназначены для создания специального периодического издания, где «будет обсуждаться, насколько закон о всеобщей воинской повинности соответствует правам человека и как к этому закону следует относиться неправительственным организациям». В издании также «давались рекомендации по эффективному гражданскому «ответу» этому закону». На деньги гранта Центр организовывал пресс-конференции с целью распространения информации о существующем законодательстве и о реакции на него общественности.

Иными словами, была подготовлена общественная кампания за отмену закона о всеобщем воинском призыве. Вы можете себе представить, какова была бы реакция, правительства любого иностранного государства, если бы созданный российской Государственной Думой «фонд» стал бы финансировать местные неправительственные организации, требующие отмены «призывного рабства».

В 2002 году Московская Хельсинкская Группа получила грант на 44,790 долларов на оказание «юридической помощи жертвам т.н. «шпионских» дел». Причем в тексте гранта предлагалось выбрать из них наиболее «громкие дела». Российские суды еще не вынесли свое решение о виновности или невиновности обвиняемых, а американский Конгресс уже решил, что обвиняемые - ни в чем не виновны, а лишь жертвы «шпиономании» работников ФСБ⁷². Американская организация открыто вмешивается в уголовный процесс в иностранном государстве, оплачивая счета адвокатам, защищающих граждан России, обвиняемых в шпионаже.

Одиннадцать неправительственных организаций проводили на деньги Национального фонда тренинг и обучение молодежных кадров по программам, разработанным в США в различных сферах социальной, политической и экономической жизни. Тренинг и обучение проводились в специальных «центрах», организованных местными правозащитными организациями – в Калининграде, Москве, Перми, Петербурге, Саратове, Челябинске Ярославле.

В последние годы «Национальный фонд в поддержку демократии» предоставлял финансовую помощь российской не-системной оппозиции, а один из ее лидеров Владимир Рыжков

---

⁷² Попов

входит в руководящую структуру «Всемирного Движения за Демократию» созданного Национальным фондом.

Несомненно, что цели и задачи деятельности «Национального фонда в поддержку демократии» в России имеют чисто политический характер, так как посредством финансирования целевых программ американские правящие элиты пытаются влиять в желательном для них направлении на социальные, экономические и политические процессы, происходящие в России.

Однако стоит отметить, что, несмотря на выделение немалых финансовых средств и большую работу, которая проводится американскими НПО в отношении России, результаты этой деятельности достаточно скромные. Антиамериканские настроения, на борьбу с которым нацелены программы публичной дипломатии, в России только растут, что выражается в недоверии к политике, проводимой США, их лидерам и политическим институтам.

А.В. Погорельский, Деятельность американских НПО по реализации политики США в отношении России

Данная статья посвящена роли американских неправительственных организаций в проведении политики США в отношении России. Автор подробно описывает деятельность американских НПО, направленную на улучшение имиджа Соединенных Штатов, формирование прозападного гражданского общества и лояльной к США политической элиты.

Ключевые слова: неправительственные организации, гражданское общество, внешняя политика, публичная дипломатия, пропаганда

A.V. Pogorelsky, American NGOs Activity in the implementation of U.S. policy toward Russia

This article focuses on the role of the American non-governmental organizations in the U.S. policy toward Russia. Author describes in detail the activities of American NGOs, aimed at improving the image of the United States, the formation of a pro-Western civil society and loyal to the U.S. political elite.

Keywords: non-governmental organizations, civil society, foreign policy, public diplomacy, propaganda

Библиографический список

1. Цатурян С.А. Общественная дипломатия США в новом информационном столетии / С.А. Цатурян // «США – Канада. Экономика, политика, культура». № 8, 2010.
2. Финансовый отчёт «Freedom House» за 2013 г. – (<http://www.freedomhouse.org/sites/default/files/FY13%20Statement%20of%20Activities.pdf>)
3. Washington Post. «US Advice Guided Milosevic Opposition. 11.12.2000.
4. «NGOs: The Missionaries of Empire». – (<http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=29595>).
5. Freedom HOUSE на службе «Империи Добра» - (<http://master7009.livejournal.com/34427.html>).
6. Правозащитники обиделись на Freedom House. – (<http://www.newizv.ru/society/2007-02-02/62486-pravozashitniki-obidelis-na-freedom-house.html>).
7. Официальный сайт Национального фонда в поддержку демократии. – (<http://www.ned.org>).
8. Попов О.А. Антигосударственная деятельность в правозащитных «одеждах».- (http://www.perspektivy.info/oykumena/amerika/antigosudarstvennaja_deyatelnost_v_pravozashhitnyh_odezhdah_2007-01-31.htm).

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ТЕРРОРИЗМА НАЧАЛА XX ВЕКА

Терроризм, как семантическое послание оппозиции, является набором определенных символов, которые необходимо уметь правильно читать и правильно интерпретировать. В этом смысле важно иметь исходный и полный семантический набор террористического преступления, что позволит правильно интерпретировать цели теракта, вывести его из чисто криминальной плоскости отношений.

Столкнувшись с непониманием крестьянством причин убийства народовольцами императора Александра II (01.03.1881), неонародники наиболее значимым вопросом терроризма признали проблему его причинной обусловленности для общественности. Необходимость этого понимали сами народники, первыми сопроводившие политические покушения прокламациями, в которых объяснялись причины революционного насилия. Народническая стратегия обоснования индивидуального террора предполагала личную виновность жертвы и, именно, на этом акцентировалось внимание публики. Это ярко проявилось в покушении В. Засулич на петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова (24.01.1878). Личностная аргументация объяснялась мстительными первопричинами появления народнического терроризма. Должностные обязанности играли вторичную роль, о чем, к примеру, прямо говорилось в прокламации С.М. Степняка-Кравчинского по поводу убийства шефа жандармов (04.08.1878): «...Мезенцев убит нами не как воплощение известного принципа, не как человек, занимающий пост шефа жандармов; мы считаем убийство мерой слишком ужасной, чтобы прибегать к ней для демонстрации, – генерал-адъютант Мезенцев убит нами, как человек совершивший ряд преступлений, которых мог и должен был не совершать»⁷³. Народовольцы, начав «охоту на императора», объясняли это также личной ответственностью Александра II за «человекоубийственное самоуправство», а также тем, что он «главный представитель узур-

---

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 14-01-00351.

⁷³ *Революционный радикализм в России: век девятнадцатый, 1997.*

пации народного самодержавия, главный столп реакции, главный виновник судебных убийств».

Принципом личной ответственности первоначально аргументировали покушения и эсеры. Так, Е.С. Созонов на судебном процессе заявлял: «Бросая бомбу, я не думал, что поражаю образ правления, а действовал против определенной личности. Я убил Плеве за то, что он прибегал к насилию. Партия приговорила его к смерти за то, что он в бытность директором департамента полиции задушил партию «Народная воля»; за то что, став министром внутренних дел, он заливал кровью Русскую землю, приказывая расстреливать рабочих и не наказывал губернаторов, так поступавших; за то, что он подвергал личность русского гражданина и членов партии величайшим унижениям...»⁷⁴. Личная ответственность за конкретные репрессивные поступки или решения вменялась в вину жертвам во всех первых террористических актах эсеров. В дальнейшем с переходом к последовательной и массовой террористической деятельности, революционным организациям отделить личную и должностную ответственность становилось все сложнее.

После успешных акций Боевой организации (1902-1904), в эсеровской печати стали активно и настойчиво проводить мысль о возможности при помощи террора повлиять на работу административного аппарата, террор становился тактическим средством борьбы. С переориентацией на дезорганизаторские цели, акцент в террористической аргументации стал постепенно переноситься на должностную ответственность. Так, если в августе 1905 г. в передовой статье «Momento!» главного органа партии эсеров, аргументация революционного террора совмещала личную ответственность жертв и функции самообороны⁷⁵, то призывы В.И. Ленина во второй половине 1905 г. совершать убийства «полицейских и жандармов», не руководствуясь и не конкретизируя меру их личной вины⁷⁶, были напрямую уже обусловлены накалом революционной борьбы и требованием по-

---

⁷⁴ Карабчевский, 1908. С.205.

⁷⁵ В статье прямо указывалось – «пусть знает каждый губернатор, каждый прокурор, военный судья, полицмейстер, офицер, командующий стрелять в народ, каждый рядовой жандарм, агент сыска и даже простой полицейский, арестовывающий революционера, что ему грозит свинцовая пуля, как наше естественное и необходимое средство самообороны!» (Momento! // Революционная Россия. 1905. №72. 01.08.1905. С.2).

⁷⁶ См. работы В.И. Ленина «От обороны к нападению» (сентябрь, 1905), «Кровавые дни в Москве», письмо в Боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете, «Задачи отрядов революционной армии» (октябрь, 1905).

высить уровень политического насилия. А в октябре и ноябре 1905 г. нападения небольших групп рабочих и молодежи на постовых городских, участковых и простых полицейских становятся уже обычным для всей России явлением. Деперсонализация объектов покушений вела к стремительному увеличению количества жертв, расширению спектра объектов и причин террористической агрессии, еще большему снижению моральной ответственности боевиков за гибель людей.

В августе 1906 г. ЦК партии эсеров призывает партийные комитеты повсеместно приступить к организации крестьянского вооруженного восстания. Начинается терроризирование представителей сельской администрации, правопорядка, консервативно настроенных сельчан. Действенность такой тактики стала сказываться уже в конце 1905 г. Так, в мае 1906 г., отмечая террористическую агрессию против служащих правоохранительной системы, костромской губернатор констатировал факт почти повсеместного отказа от службы нижних чинов городских полицейских команд и уездной полицейской стражи⁷⁷. Большое количество террористических акций против представителей силовых структур заканчивались массовыми добровольными увольнениями полицейских «по болезни», снижением качества их работы, а подчас и саботированием ее (Польша, Прибалтика). В целом, на протяжении Первой российской революции кадровый дефицит среди нижнего полицейского состава наблюдался фактически по всей стране. Верховная власть, понимая слабость полицейских структур в противодействии революционно-боевым формированиям, для наведения местного порядка стала использовать воинские и казачьи подразделения, наделив их военно-жандармскими полномочиями и функциями, тем самым еще более расширяя и углубляя кризис.

Наиболее ярким примером должностного и служебного обоснования террористической агрессии стало одновременное нападение во многих местах Польши боевиков ППС на военно-служащих, полицейских, жандармов и административных чиновников (02.08.1906). По планам организаторов многочисленных нападений должны были спровоцировать национально-освободительное восстание в Польше и продемонстрировать не только силу польского движения, но и категоричность поли-

---

⁷⁷ Чудакова, 2003. С.258.

тических требований. Однако акция, в ходе которой погибло и пострадало более 80 человек⁷⁸, главных целей не достигла.

Со временем был выработан оптимальный причинный ряд террористического покушения, который включал совмещение личностной и должностной ответственности жертвы, а также наличия определенного символического значения объекта или обстоятельств происшествия. Так, упорные планы организации покушения на обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева на протяжении 1901-1906 гг. были связаны не столько с его должностными полномочиями, сколько, в первую очередь, его символичностью как лидера консервативного лагеря. При удачном совмещении таких факторов, теракт действительно становился знаковым явлением, понятным всем, оказывающим значительное влияние на ход политических событий как общероссийских, так и местных. К таковым покушениям можно отнести убийства министров внутренних дел Д.С. Сипягина и В.К. Плеве, вел. кн. Сергея Александровича. При отсутствии единства этих трех факторов (личная, должностная и символическая ответственность), теракт мог оказаться непонятым обществом. К примеру, исключительно символическим содержанием, известным лишь посвященным в проблему, характеризовались взрывы и повреждения памятников имперского величия в Польше и на Украине⁷⁹. Символичность теракта могла быть связана не только с жертвой покушения, но и с самими боевиками, обстоятельствами покушения или последующими событиями. Так, перенесенные после покушения мучения М. Спиридоновой, отодвинули на второй план фигуру убитого губернского советника Г.Н. Луженовского (16.01.1906), а саму террористку превратили в революционный символ. Организованный народниками взрыв в Зимнем дворце (05.02.1880) или убийство главного военного прокурора В.П. Павлова (27.12.1906) прямо в здании особо охраняемого столичного военного суда, также стали символами беспомощности царской охраны и безграничных возможностей революционных террористов.

Отношение к террору как к стратегическому и универсальному методу революционной борьбы в начале XX в. имели

---

⁷⁸ *Российский гос. исторический архив (СПб.). Ф.1276 (Совет министров). Оп.2. Д.172. Л.1-2; Книга русской скорби. Т.6. СПб., 1910. С.167-171; Kalabinski, 1976. S.484; Стецкевич, 1995. С.141-142.*

⁷⁹ *К таким можно отнести взрыв памятника А.С. Пушкину в Харькове (31.10.1904), многочисленные взрывы памятников в честь воинских побед России в Польше (18.09.1905, 22.06.1906 и т.д.).*

только некоторые анархистские и максималистские течения и организации. Априорно бунтарское представление анархистов о социальной революции не исключало любых форм революционной борьбы, в которых демонстрировались спонтанность, неорганизованность, аффективность побуждений, что следовало из якобы социально-экономической обусловленности таких протестов. Проявляемые при этом агрессивность и экстремизм, только подчеркивали естественность бунтарских побуждений. Предпочтительными формами такого неуправляемого протеста, являлись всевозможные виды неорганизованного социального экстремизма, включая его как уголовные проявления (кражи, грабежи, убийства и пр.), так и акции насилия по экономическим причинам. Это получило отражение в резолюции анархистского съезда осенью 1906 г.: «Главное различие по вопросу о терроре между нами и политическими партиями заключается в том, что мы вовсе не думаем, чтобы террор мог служить средством для изменения существующего порядка, а видим в нем только проявление совершенно естественного чувства возмущенной совести, или же самозащиты, которое, именно вследствие этого, и имеет агитационное значение, способствуя развитию такого же чувства возмущения среди народа»⁸⁰. Аналогично социал-демократической и эсеровской концепциям, трактовали анархисты-коммунисты взаимосвязь терроризма и массового движения: «Отдельные акты насилия отдельных героев рабочей революции важны и необходимы. Золотыми буквами они будут записаны на скрижалях истории. Но сила не в отдельном, а в массовом действии, в массовом насилии. ...массовое насилие усугубляет значение и отдельных актов, массовое действие их порождает, с массовыми действиями они должны быть связаны»⁸¹.

Именно в рамках анархизма сформировалось представление об особом виде террористических акций, осуществляемых в отношении административных представителей, субъектов и объектов собственности без заранее разработанного плана на основе спонтанного, эмоционального побуждения. В органе анархистов-коммунистов «Бунтарь», прямо говорилось: «Метод анархической борьбы – прямое нападение... Насильственное нападение превращает частный акт борьбы, частное столкновение на почве конкретных требований в борьбу со всем буржу-

---

⁸⁰ *История терроризма в России в документах...* 1996. С.327-328.

⁸¹ *Анархисты...* 1998. С.56-57.

азным обществом и всей буржуазией...». В пропагандистской литературе такие акции имели обширное терминологическое разнообразие, именуясь «разлитым», «децентрализованным», «безсистемным» и прочим террорами.

Анархисты («чернознаменцы») первыми стали использовать особый вид террористических акций, которые получили наименование «безмотивного террора». Основным содержанием этих преступлений был обезличенный протест против любых форм буржуазного имущества и собственников. Наиболее известными из таких акций стали взрывы одесской кофейни Либмана (17.12.1905), варшавского отель-ресторана «Бристоль» (13.11.1905), вагона 1 класса в Нижнеднепровске (Екатеринославская губ.) (03.05.1906) и др. В прокламации посвященной первому событию, одесские анархисты пафосно призывали: «Пусть такие акты станут обычным явлением в освободительном движении рабочих и вызовут на такие акты всех голодных, всех обездоленных и придадут силу и решимость их действиям! Пусть террор личный и массовый широкой волной разольется по всей стране! Пусть буржуазия чувствует, что восстал, наконец, рабочий класс не для игры с ней в политику, а для полного ее уничтожения и захвата ее собственности! Такова должна быть борьба обездоленных и голодных, и только такая борьба приведет их к цели – к устройству анархических коммун!»⁸². Безмотивники считали, что террористические акции в отношении государства и эксплуататоров должны иметь не политическую и персональную направленность, а социальную, и охватывать всех представителей «паразитирующих слоев» вне зависимости от их участия в политике и жизни государства. Перенести террористическое насилие в социальную сферу отношений стремились и максималисты, что выражалось в призывах и провоцировании крестьянского экстремизма. Т.о., в идеологии отдельных революционных течений индивидуально-террористическое насилие в начале XX в. сформировалось в стратегическую форму борьбы и оформилось в доктринальный вид терроризма.

Модернизированным идеологическим обоснованием и основными доводами использования революционно-террористических методов борьбы в начале XX в. стала разнообразная объектная акцентуация террористических нападений. Если причинами первых акций индивидуального терроризма

---

⁸² Бунтарь. 1906. №1. 01.12.1906. С.9. С.128.

начала века называлась личная ответственность жертв и мстительная мотивация по отношению к ним (Сипягин, Боголепов, Плеве и др.), то с началом роста массового движения в 1905 г. акцент стремительно сменился на должностную ответственность объектов покушений. Упор на террористическое насилие, как естественную форму социальных изменений постулировали ряд анархистских и максималистских групп. Призывая, потворствуя и провоцируя безмотивный, аграрный и фабричный террор сторонники этих взглядов считали возможным именно в такой форме осуществить общественное реформирование.

Сама идея и попытки запугать буржуазные элементы с помощью насилия были практически бесперспективны – в начале XX в. отдельной политической организации, которой это было бы под силу, еще не существовало. Только в тоталитарных управленческих системах XX в. появились механизмы практического воплощения массового социального террора. Примеры холокоста, сталинских репрессий, «культурной революции» Мао Цзедуна, социального террора красных кхмеров и др., демонстрируют трагический опыт практической реализации этих идейных конструкций. Таким образом, история XX в. демонстрирует преемственный опыт насильственных механизмов управления социумом от революционного терроризма до тоталитаризма.

О.Н. Квасов

Дискурсивные практики революционного терроризма начала XX в.

Автор анализирует проблемы и формы дискурсивных практик революционного терроризма и радикализма в Российской Империи в начале XX века. Проблемы истории терроризма в России, его формы и методы анализируются в статье. Насилие воображалось радикалами как универсальная форма политической борьбы. Особую роль в революционном насилии в начале XX века играли анархисты.

O.N. Kvasov

Discursive practices of the revolutionary terrorism of the early 20th century

The author analyzes the problems and forms of discourse practices of revolutionary terrorism and radicalism in the Russian Empire in the early 20th century. The problems of the history of terrorism in Russia, its forms and methods are analyzed in the article. The violence was imagined by radicals as a universal form of political struggle. The special role in the revolutionary violence of the early 20th century was played by anarchists.

Библиографический список

Kalabinski S., Tuch F. Czwarte powstanie czy pierwsza rewolusia: Lata 1905-1907 na ziemiach polskich. W-w, 1976. S.484.

Анархисты. Документы и материалы. Т.1. 1883-1916 гг. М., 1998. С.56-57.

Бунтарь. 1906. №1. 01.12.1906. С.9. С.128.

История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону, 1996. С.327-328.

Карабчевский Н.П. Около правосудия. 2 изд. СПб., 1908. С.205.

Книга русской скорби. Т.6. СПб., 1910. С.167-171;

Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публицистика. М., 1997. С.401.

Российский гос. исторический архив (СПб.). Ф.1276 (Совет министров). Оп.2. Д.172. Л.1-2

Стецкевич С.М. Пролетариат Королевства Польского в революции 1905-1907 гг. СПб., 1995. С.141-142.

Чудакова М.С. Противостояние: политический сыск дореволюционной России, 1880-1917. Ярославль, 2003.

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ РУМЫНИИ В ВОЙНАХ XX ВЕКА

Принято считать, что глобальную политику определяют ведущие мировые державы. Но это не всегда так. Небольшие государства тоже вносят значимый вклад в развитие системы международных отношений, и как следствие – в мировую историю и политику. В контексте данного утверждения интересна Румыния и ее роль в глобальных конфликтах XX в. Румыния как независимое государство появилось на политической карте мира в 1877 г., а в 1881 г. страна была провозглашена Королевством. В Первую мировую войну Королевство Румыния вступило союзником России, поставив под ружье солидную армию в 23 дивизии общей численностью 600 тысяч человек.⁸³ Но это историческое событие произошло только 14 (27) августа 1916 г., т.е. через два года после начала мирового военного конфликта.

Ранее, в августе 1914 г., коронный совет Румынии принял решение о том, что страна будет занимать позицию «вооруженного выжидания». Румынское правительство внимательно следило за ходом военных действий, выжидая момент для вступления в войну, чтобы гарантировано оказаться в лагере победителей. На протяжении первых лет войны румынские дипломаты вели переговоры то с Германией, требуя от нее за свое вступление в войну входившие в состав Австро-Венгрии Трансильванию и Буковину, то с Антантой – в расчете получить принадлежавшую России Бессарабию. Победы русского Юго-Западного фронта летом 1916 г. положили конец этим колебаниям. 4 (17) августа между державами Антанты и Румынией были подписаны политическая и военная конвенции. 14 (27) августа Румыния объявила войну Австро-Венгрии. На следующий день ей объявили войну Германия и Турция, а 19 августа (1 сентября) — Болгария.

Адмирал А.В.Колчак вспоминал слова императора Николая II, сказанные ему лично: «Я совершенно не сочувствую при настоящем положении выступлению Румынии: я боюсь, что это будет невыгодное предприятие, которое только удлинит наш фронт, но на этом настаивает французское союзное командование; оно требует, чтобы Румыния, во что бы то ни стало, вы-

---

⁸³ *История первой мировой войны 1914-1918 гг. С. 205-206.*

ступила».⁸⁴ О трудностях, связанных со вступлением Румынии в войну, писал в мемуарах и генерал А.А. Брусилов: «Спустя немного времени после начала военных действий румынской армии вполне выяснилось, что румынское высшее военное начальство никакого понятия об управлении войсками в военное время не имеет; войска обучены плохо, знают лишь парадную сторону военного дела, артиллерия стрелять не умеет, тяжелой артиллерии почти совсем нет, и снарядов у них очень мало».⁸⁵

Не удивительно, что при таком положении дел румыны вскоре были разбиты. 21 ноября (4 декабря) 1916 г. они без боя сдали немцам Бухарест. Для спасения страны от полного разгрома в нее были введены русские войска, после чего Восточный фронт растянулся более чем на пятьсот километров. Таким образом, видится несколько значимых последствий вступления Румынии в Первую мировую войну. Во-первых, то, что «с французских плеч на русские было переложено бремя 9 хороших германских дивизий»,⁸⁶ в связи с чем военное положение Франции значительно улучшилось. Во-вторых, военные действия в Румынии ослабили Германию. «Мы разбили румынскую армию, — писал немецкий генерал-полковник Э. Людендорф, — но нам не удалось уничтожить ее. Мы достигли всего, к чему представлялась малейшая возможность, но были все-таки вынуждены оставить в Добрудже и в Валахии силы, которыми до вступления в войну Румынии мы могли располагать на Восточном и Западном фронтах, а также в Македонии. Несмотря на нашу победу над румынской армией, мы стали в общем слабее».⁸⁷ И, наконец, вступление Румынии в войну негативно сказалось на России. Российская армия отправила в Румынию примерно четвертую часть своих сил. К началу весны 1917 г. на румынском фронте находилось 36 пехотных и 6 кавалерийских русских дивизий. Кроме того, Россия должна была снабжать румынскую армию продовольствием и снаряжением. И еще один важный, но малоизвестный факт: дивизии, закрывшие собой возникшую «румынскую» брешь на фронте, готовились к захвату Босфора и Дарданелл. Их вынужденно перебросили на спасение румын, перенеся сроки Босфорской операции с осени 1916 на апрель

---

⁸⁴ <http://mikailme.livejournal.com/4446.html>

⁸⁵ Брусилов, 1963. С. 243.

⁸⁶ Керсновский, 1994. Т. 4. С. 110.

⁸⁷ Людендорф, Т. 1. С. 242.

1917 г.⁸⁸ Теперь можно лишь предполагать, как захват Черноморских проливов и Константинополя (в случае успешного исхода операции) мог повлиять на ход военных действий Первой мировой и на всю историю России. Финский генерал К.Г. Маннергейм, оценивая результат выступления Румынии на стороне России, писал: «это хрестоматийный пример того, как слабый союзник приносит больше забот, чем от него можно получить помощи!»⁸⁹

После Первой мировой войны территория и население Румынии увеличились более чем вдвое. Согласно Сен-Жерменскому, Нейискому и Трианонскому мирным договорам за Румынией были закреплены Трансильвания, а также Южная Добруджа и Буковина. В январе 1918 г. Румыния участвовала в военной интервенции против Советской России, захватив и аннексировав Бессарабию, в которой оккупанты силой оружия ликвидировали Советскую власть. Северная Буковина и Бессарабия были возвращены СССР только спустя два десятилетия - 28 июня 1940 г. Готовясь к агрессии против СССР, фашистская Германия пыталась привлечь на свою сторону как Румынию, так и Венгрию, Болгарию. Потому по второму Венскому арбитражу от территории Румынии была отторгнута и передана Венгрии Северная Трансильвания, а Крайовским болгаро-румынским соглашением от 7 сентября 1940 г. Болгарии была возвращена Южная Добруджа. Эти земельные потери Гитлер обещал румынскому диктатору Й.Антонеску компенсировать вдвойне за счет завоеванных советских территорий.

Для реализации плана «Барбаросса» румынское командование выделило две регулярные армии. По данным румынского Генштаба, в июле 1941 г. их численность составляла 700 тысяч человек, причем непосредственно на фронте находилось 342 тысячи солдат и офицеров. В дальнейшем вклад Румынии в антисоветскую войну рос.⁹⁰ Румыны воевали в Молдавии и на Украине, в Крыму, на Кубани и на Кавказе. Они участвовали в боях за Одессу в 1941 г., Севастополь и Сталинград в 1942-1943 гг., вместе с немцами отступали под ударами Красной Армии обратно к своим границам в 1944 г. На последнем этапе войны румыны из сателлитов Германии превратились в союзников антигитлеровской коалиции. Заново сформированные 1-я и 4-я румынские армии

---

⁸⁸ Мультатули, 2002. С. 384.

⁸⁹ Маннергейм, 1999. С. 67.

⁹⁰ Левит, 2005. С. 68.

успели повоевать против бывших соратников – немцев и венгров, потеряв в боях с ними убитыми, ранеными и пропавшими без вести 170 тысяч человек.⁹¹ И опять Румыния по итогам войны - в лагере победителей.

Вторая мировая война, как считает исследователь Е.С. Синявская, сформировала в сознании советских людей ярко выраженный и эмоционально окрашенный «образ врага-румына»: второстепенные пособники основного врага, не имевшие ни высокой боеспособности, ни воинского духа. «Вороватые и трусливые», «не отличавшиеся особой доблестью», «не отстающие от немцев в грабежах и издевательствах над мирным населением», «гитлеровские холопы и шакалы»...⁹² Стоит, вероятно, подчеркнуть еще одну особенность румын – их ненадежность как потенциальных союзников. Если в Первой мировой войне румынские офицеры своей заносчивостью и высокомерием, желанием скрыть распоряжения и планы своего Генерального штаба подвели российских военных, то во Второй мировой боевой опыт румын сказался на поражении немцев под Сталинградом.

В современной Румынии, как и в 1910-е, 1930-е предвоенные годы, сильны националистические и ревизионистские настроения, которые распространяются на Молдавию, Приднестровье, прилегающую территорию Украины. Только один пример: в январе 2014 г. румынские средства массовой информации призвали руководство страны готовиться к военному походу на Украину для защиты «румынских территорий» - Северной Буковины и Южной Бессарабии (соответственно, Черновицкой, и большей части Одесской областей).⁹³ История учит людей извлекать из прошлого уроки и не повторять уже допущенных ошибок. Но, к сожалению, не все политики могут и хотят следовать этому принципу.

---

⁹¹ Эббот, Томас, 2001. С. 53

⁹² Синявская, 2010. С. 116-126.

⁹³ <http://www.regnum.ru/news/polit/1759244.html>

Т.П. Малютина

К вопросу о политике Румынии в войнах XX в.

Автор анализирует исторические проблемы участия Румынии в войнах в XX веке. Румыния принимала участие в первой и во второй мировой войне. Участие Румынии зависело от противоречивой политики румынских элит. Проблемы участия Румынии в войнах играют особую роль в трансформации и развитии румынской исторической памяти. Исторические мифы содействуют росту ревизионизма и радикализма.

T.P. Maliutina

On the Romanian policy in the wars of the 20th century

The author analyzes the historical problems of Romania's participation in the wars of the 20th century. Romania participated in the first and second world wars. Romania's participation depended on the controversial policy of Romanian elites. The problems of Romania's participation in the wars play a special role in the transformation and development of the Romanian historical memory. Historical myths contribute to the growth of revisionism and radicalism.

Библиографический список

- Брусилов А.А. Воспоминания. - М.: Воениздат, 1963. - С. 243.
История первой мировой войны 1914-1918 гг. - М.: Наука, 1975. - С. 205-206.
Керсновский А.А. История Русской армии. - М., 1994. - Т. 4. - С. 110.
Левит Н.Э. Вступление Румынии в войну против Советского Союза // Крестовый поход на Россию. – М., 2005. – С. 68.
Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. - Т. 1. - С. 242.
Маннергейм К.Г. Мемуары. - М.: Вагриус, 1999. - С. 67.
Мультатули П.В. «Господь да благословит решение мое...» - СПб.: Сатисъ, 2002. - С. 384.
Синявская Е.С. Румыния в мировых войнах XX века // Обозреватель-Observer. – 2010. – № 2. – С. 116-126.
Эббот П., Томас Н. Союзники Германии на Восточном фронте. 1941-1945. Пер. с англ. – М., 2001. - С. 53

С.И. Дмитриева

НОВАЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ФРГ: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В сентябре 2010 года правительство ФРГ приняло Энергетическую концепцию – 2050. С помощью этой программы развития энергетического сектора федеральное правительство намерено как можно быстрее достичь века возобновляемой энергии. Германия должна стать одной из самых эффективных и экологичных экономик мира при сохранении конкурентоспособных цен на энергию и высокого уровня жизни.

Энергетическая концепция – 2050 задает ориентиры в плане покрытия текущих потребностей в энергии, а также новых технических и хозяйственных возможностей. Это первая долгосрочная программа Федерального правительства за много лет. Согласно ей, предполагается постепенно сокращать использование традиционных источников энергии и замещать их возобновляемыми. При этом своими основными задачами правительство считает поддержание прежних ценовых пределов на потребление энергии, максимальное сохранение рабочих мест и обеспечение дальнейшего роста благосостояния граждан.

Конкретные цифры выглядят так: удельный вес возобновляемой энергии в общем объеме используемой энергии к 2020 году должен составлять 35%, к 2030 – 50, к 2040 – 65%, и к 2050 достигнуть 80 процентов. Более наглядно количественные цели энергетической политики представлены в нижеследующей таблице.

Таблица 1.

Количественные цели энергетической политики ФРГ⁹⁴

Категория	2011	2012	2020	2050		
				2030	2040	2050
Выбросы парникового газа						
Выбросы парникового газа (по сравнению с 1990)	- 25,6%	- 24,7%	Мин. - 40%	Мин. – 55%	Мин. – 70%	Мин. – 80%

⁹⁴ Zweiter Monitoring-Bericht „Energie der Zukunft“. Kurzfassung. März 2014.

						до - 95%
ВИЭ						
Доля в потребляемой электроэнергии (брутто)	20,4%	23,6%	Мин. 35%	Мин. 50% (2025 : 40- 45%)	Мин. 65% (2035 : 55- 60%)	Мин . 80%
Доля в конечном энергопотреблении (брутто)	11,5%	12,4%	18%	30%	45%	60%
Эффективность						
Первичное энергопотребление (по сравнению с 2008)	- 5,4%	- 4,3%	- 20%	- 50%		
Энергопроизводительность	+ 1,7% в год (2008 - 2011)	+ 1,1% в год (2008- 2012)	+ 2,1% в год (2008 - 2050)			
Состояние зданий						
Энергопотребление	-	-	-	- 80%		
Квота санирования	1%	1%	Ежегодное увеличение на 2%			
Транспортная сфера						
Энергопотребление (в сравнении с 2005)	- 0,7%	- 0,6%	- 10%	- 40%		
Число электромобилей	6.547	10.078	1 млн.	6 млн.		

Всего предусмотрено порядка 60 различных проектов в таких сегментах как создание кластеров возобновляемой энергии, распространение энергетических сетей, исследования в сфере технологий сохранения энергии, например, санирования зданий. Санирование зданий вообще является важной сферой, в которой можно добиться сокращения потери тепла. Дело в том, что $\frac{3}{4}$ так называемого «старого жилого фонда» насчитывают более чем 30 лет. Системы отопления в этих зданиях не соответствуют сегодняшнему дню. В данной связи предполагается на период 2020-2050 гг. ввести в действие «план санирования», в результате выполнения которого энергопотери старых зданий будут сокращены на 80%, а доля использования возобновляемых источников энергии существенно возрастет.

Отдельное место в концепции уделяется проблемам атомной энергетики. Согласно первоначальному плану, АЭС, построенные до 1980 года, предполагалось эксплуатировать в течение 8 лет, более новые реакторы – 14 лет. Однако в связи с событиями марта 2011 года на АЭС Фукусима-1 в Японии по данному пункту возникла масштабная общественно-политическая дискуссия, в результате которой произошел пересмотр плана: к 2022 году в Германии поэтапно будут выведены из строя все атомные электростанции.

Поскольку с момента принятия концепции прошло три с лишним года, представляется возможным подвести первые итоги ее реализации. За это время сделано немало. Образовано Немецкое энергетическое агентство – DENA, являющееся площадкой для всех заинтересованных игроков на энергетическом поле. Правительством продуманы и введены первые механизмы стимулирования производителей и частных домохозяйств, инвестирующих в новые энергетические технологии. АЭС постепенно выводятся из эксплуатации согласно плану. Введены в строй новые ветропарки, появились продвинутое технологии, как, например, Power-to-Gas, которая позволяет производить синтетический газ из ветра⁹⁵.

Правда, с электромобилями дела обстоят не так хорошо: В 2012 году на 43 миллиона автомобилей с бензиновыми, дизельными и газовыми двигателями в Германии пришлось 4,5 тысячи электромобилей⁹⁶, и это число явно идет вразрез с заявленными в Стратегии 10 тысячами. Причина кроется, прежде всего, в высокой стоимости электрокаров: Opel Ampera в базовой комплектации стоит в Германии от 38.300 евро, тогда как новый Opel Adam на традиционном топливе вполне можно купить за 17 тысяч евро⁹⁷.

Доля возобновляемых источников энергии в общем объеме энергопотребления в Германии представлена на диаграмме 1. Из нее следует, что Германии удалось в 2013 году выйти на цифру 12% . При этом, как следует из диаграммы 2, львиная доля инвестиций в секторе возобновляемых источников поступает в сегмент ветроэнергетики. На втором месте находится сегмент фотогальванических элементов, а вот сегмент солнечной энергетики в плане инвестиций представлен пока довольно

---

⁹⁵ Гурков, 2014.

⁹⁶ Бушув, 2012.

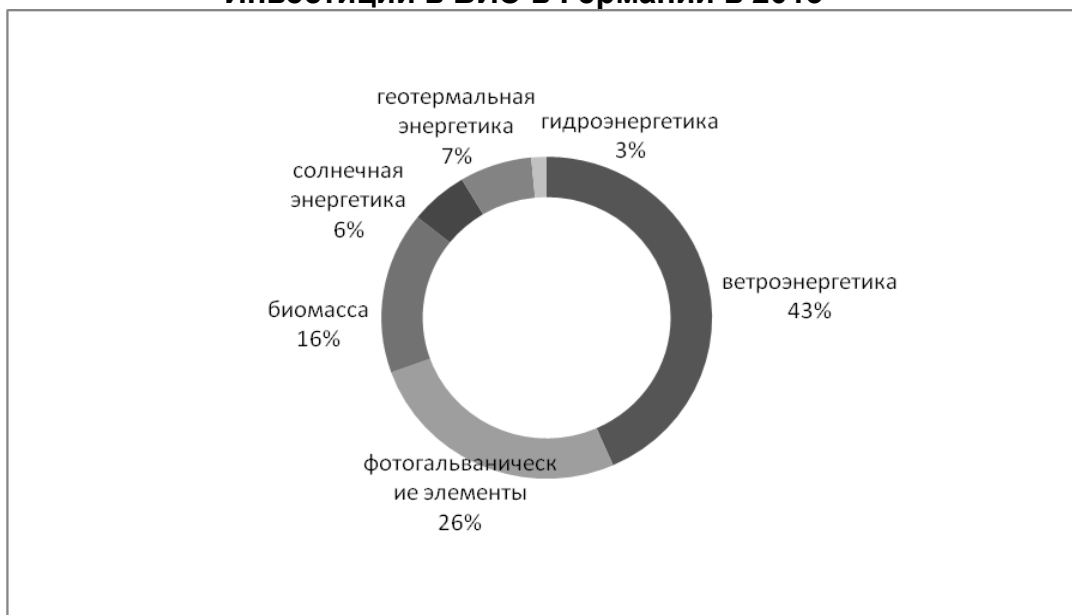
⁹⁷ Официальный сайт Opel. – URL: www.opel.de (дата обращения 23.04.2014)

слабо, что, в принципе, вполне можно объяснить климатическими особенностями Германии и наличием не столь уж большого количества солнечных дней.

Структура энергопотребления в Германии в 2013г. ⁹⁸ *Диаграмма 1.*

Инвестиции в ВИЭ в Германии в 2013⁹⁹ *Диаграмма 2.*

⁹⁸ *Entwicklung der erneubaren Energien in Deutschland im Jahr 2013.*

⁹⁹ *Entwicklung der erneubaren Energien in Deutschland im Jahr 2013.*

В настоящее время в правительстве происходит обсуждение новой редакции закона о возобновляемых источниках энергии. Согласно официальным источникам, реформирование закона связано с успехами энергетической политики в сфере ВИЭ и предполагает создание более совершенных механизмов для управления разными сегментами, как, например, сектор производства солнечной энергии, ветряной энергии, энергии биомассы. Помимо этого, с помощью нового закона планируется усилить взаимодействие производителей энергии с потребителями и сдержать рост цен на энергопотребление¹⁰⁰. Новый закон должен вступить в силу 1 августа 2014 года, после согласования в правительстве и принятия бундестагом и бундесратом.

Итак, на первый взгляд, все вполне продуманно и логично, новая энергетическая концепция принята и реализуется согласно плану. Но, судя по откликам в немецких СМИ, пока речь идет о производстве и вводе в эксплуатацию разрозненных объектов: ветряных установок, солнечных батарей, мощностей по выработке биогаза. Однако их необходимо комбинировать таким образом, чтобы появилась возможность бесперебойного и предсказуемого энергоснабжения. То есть, на данный момент в энергетической политике ФРГ отсутствует главный компонент – системность. А слишком малое число дискуссий на эту тему является прямым свидетельством того, что «немецкий энергетический поворот» стоит на одной ноге»¹⁰¹.

2014 год внес коррективы в реализацию Стратегии. Украинский кризис вызвал бурные дебаты в бундестаге и вообще в среде немецкой политической элиты. Естественно, одним из ключевых стал вопрос российских энергоносителей и зависимости от них ФРГ.

Германия ввозит 36% всего импорта нефти и нефтепродуктов и 35% импорта газа из России. Зависимость от поставок из нашей страны сильнее, чем у любой другой европейской страны. Поэтому в связи с кризисом в Украине правительство ФРГ оказалось в весьма не простой ситуации: с одной стороны, партнерские отношения диктовали необходимость участия в санкциях, с другой, заменить российские энергоносители просто нечем. Возможные альтернативы невелики, причем с нефтью ситуация проще, чем с газом. Нефть вполне можно покупать у Канады, тем более что премьер-министр Стивен Харпер во

---

¹⁰⁰ Häufig gestellte Fragen zur EEG-Reform. 10. April 2014.

¹⁰¹ Bauchmüller, 2014.

время своего визита в Германию активно продвигал эту идею. Проблема здесь заключается только в том, что в Канаде нефть добывается из т.н. нефтяных песков и является одной из самых грязных в мире, а процесс очистки, разумеется, влияет на ее себестоимость и на конечную цену. С газом ситуация гораздо сложнее. Брюссельский Институт BRUEGEL провел предварительный подсчет: для того чтобы возместить 90 млрд. м³ российского газа, потребляемого Германией, необходимо задействовать все имеющиеся в распоряжении возможности: газопровод в Италии, через который поступает газ из Алжира, увеличение добычи Нидерландами (что сомнительно, поскольку в связи с мини-землетрясениями добыча, наоборот, была ограничена). Из Норвегии можно импортировать на 20 млрд. кубометров газа больше (сейчас Германия ввозит 23% норвежского газа). Теоретически можно удвоить закупки сжиженного природного газа, но он обходится в два раза дороже, чем российский, к тому же 90% СПГ уже зарезервировано контрактами. Выходом мог бы стать импорт сланцевого газа из США, о чем европейцам уже сообщал Б.Обама. Но первые поставки состоятся, по экспертным оценкам, не ранее 2015-2016 гг.¹⁰²

Что же остается? В ближайшее время, по всей видимости, остается экономить. Тем более что среднегодовое повышение температуры воздуха вполне этому способствует, а в Энергетической концепции 2050 заложен огромный потенциал экономии. Однако на ближайшую перспективу, несмотря на все усилия немецкого правительства и законодателей, сомнительно ожидать прорывов в энергетической сфере. Будет поступательное развитие, сопровождающееся поиском компромиссов между производителями и потребителями, преодолением сопротивления сторонников традиционных источников энергии. То есть, в скором времени альтернативы российским энергоносителям не появится. А, значит, у России есть временной запас (правда, небольшой) для переориентации собственной экономики с сырьевой модели развития на инновационную.

---

¹⁰² *Dehmer, 2014.*

С.И.Дмитриева

Новая энергетическая политика ФРГ: первые результаты

В статье на основе официальных данных Министерства экономики и энергии предпринята попытка проследить первые результаты осуществления новой энергетической стратегии ФРГ – Энергетической концепции – 2050.

Ключевые слова: ФРГ, энергетика, энергетическая политика, ВИЭ

S.I. Dmitrieva

Germany's new energy policy: first results

The article analyses first results of the Germany's new energy policy using the public relations work of the Federal Ministry for Economic Affairs and Energy.

Keywords: Germany, energy, energy policy, renewable energy

Библиографический список

1. Официальный сайт Opel. – URL: www.opel.de (дата обращения 23.04.2014)
2. Bauchmüller M. Guter Ruf, schlechter Lauf. 31. März 2014. Süddeutsche Zeitung. – URL: www.sueddeutsche.de (дата обращения 10.04.2014)
3. Dehmer D. Wie abhängig ist Deutschland von Russlands Öl und Gas? 28.03.2014. Der Tagesspiegel. – URL: <http://www.tagesspiegel.de/politik/krim-krise-wie-abhaengig-ist-deutschland-von-russlands-oel-und-gas/9679620.html> (дата обращения 10.04.2014)
4. Entwicklung der erneubaren Energien in Deutschland im Jahr 2013. Grafiken und Tabellen. Stand: Februar 2014. Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. – URL: www.bmwi.de (дата обращения 10.04.2014)
5. Häufig gestellte Fragen zur EEG-Reform. 10. April 2014. Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. – URL: www.bmwi.de (дата обращения 10.04.2014)
6. Zweiter Monitoring-Bericht „Energie der Zukunft“. Kurzfassung. März 2014. Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. – URL: www.bmwi.de (дата обращения 10.04.2014)
7. Бушуев М. Меркель верит в электромобили. 02.10.2012. Deutsche Welle. – URL: <http://dw.de/p/16IK7> (дата обращения 14.04.2014)
8. Гурков А. Deutsche Bank рекомендует делать газ из ветра. 11.02.2014. Deutsche Welle. – URL: <http://dw.de/p/1B6aW> (дата обращения 14.04.2014)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФАШИЗМА

В XX веке фашизм, несмотря на многовариантность генезиса, развития и все свое многообразие и внешнее разнообразие¹⁰³, претендовал на статус одной из универсальных и альтернативных идеологий, что простимулировало интерес к нему в академическом сообществе, стимулировав многочисленные дискуссии и дебаты среди историков¹⁰⁴, приводя не только к превращению самой идеи / теории фашизма в инструмент политической борьбы¹⁰⁵, но и к появлению национальных историографических традиций в изучении фашизма. «В эволюции идей наступает момент, когда старые проблемы, по сути, исчезают, даже если о них по привычке продолжают говорить»¹⁰⁶, – подчеркивал французский историк Поль Вен, комментируя специфику развития западной историографии. Это предположение, вероятно, не относится к фашизму, так как он продолжает оставаться актуальным пунктом в повестке дня.

Робкие попытки сравнения коммунизма и фашизма, пусть даже сугубо академические (как некое тихое эхо попыток подобного масштабного сравнения 1930-х годов, предпринятого Н. Устряловым, полагавшим, что «русский большевизм и итальянский фашизм – явления родственные, знамения некоей новой эпохи»¹⁰⁷) все-таки имеют место, хотя некоторые историки полагают, что сравнение подобных режимов «в любом случае будет окружено аурой одиозности»¹⁰⁸. При этом среди сторонников либеральных интерпретаций истории, среди преимущественно экономистов бытует мнение о том, что «расцвет фашизма и нацизма был не реакцией на социалистические тенденции предшествовавшего периода, а неизбежным продолжением и развитием этих тенденций. Многие не желают признавать этого факта даже после того, как сходство худших проявлений режимов в коммунистической России и фашистской Германии вы-

---

¹⁰³ Weber, 1964.

¹⁰⁴ Еленков, 2002.

¹⁰⁵ Георгиева-Тенева, 2002.

¹⁰⁶ Вен, 2003. С. 348.

¹⁰⁷ Устрялов, 2003. С. 553 – 554.

¹⁰⁸ Динер, 2010. С. 41.

явилось со всей отчетливостью»¹⁰⁹. Предположения о том, что «многие стали нацистами из-за оправданного ужаса перед большевизмом или коммунистами – из столь же оправданного ужаса перед нацизмом»¹¹⁰ воспринимаются (особенно в современной России) весьма негативно на фоне дискуссий (правда, не очень активных, идущих среди отечественных и зарубежных историков и политологов, но на страницах европейских научных изданий) о возможной и вероятной фашизации Российской Федерации или уже о протекании таковой, или о специфике новейшего современного русского фашизма или о фашистском характере политических элит и установленного ими режима.

В подобной ситуации фашизм получил не только свою чрезвычайно разнообразную, разнонаправленную и порой политически выверенную историографию¹¹¹, но и мифологию, основанную на отрицании фашизма / нацизма и превознесении антифашизма и коммунизма. Несмотря на то, что французский историк Франсуа Фюре весьма оптимистически полагал, что «конец коммунизма превратил фашизм в чисто исторический предмет, подлежащий аналитическому вскрытию»¹¹², а его американо-российский коллега А. Янов (хотя и ввел в свое время в научный оборот термин «Веймарская Россия»¹¹³), тем не менее, указывает на то, что «фашизм в России не приживается»¹¹⁴. При этом, некоторые авторы указывают на то, что и хотя «современное демократическое стремление есть благо»¹¹⁵, обществу не следует игнорировать разного рода политические вызовы, в том числе – и правые, связанные с наследниками фашизма. Фашизм, который в своих наиболее крайних формах и проявлениях не только был «полностью сокрушен более полувека назад», но и «по-прежнему вызывает отвращение, не ослабевающее с ходом времени»¹¹⁶, тем не менее, в современном мире не стал достоянием истории, о его угрозе и опасности периодически предупреждают как левые, так и либеральные политики. К проблемам фашизма обращаются и академические интел-

---

¹⁰⁹ Хайек, 1991.

¹¹⁰ Безансон, 2001. С. 100; Безансон, 1998. С. 77 – 98.

¹¹¹ Алленов, 2007; Белоусов, Шумахан, 1999; Умланд, 2000; Умланд, 2007; Умланд, 2005; Умланд, 2008.

¹¹² Фюре, 1998. С. 187.

¹¹³ Янов, 2001.

¹¹⁴ Янов, 2012. С. 63; Янов, 2009.

¹¹⁵ Стаут, 2009. С. 393.

¹¹⁶ Безансон, 2001. С. 5.

лектуалы, а информационное пространство наполнено разнообразными и порой чрезвычайно неоднозначными публикациями о фашизации и угрозе фашизма в мире (от США и Западной Европы до России и Украины), где на весьма сомнительные коллективные и воображаемые статусы «фашизма» и «фашистов» претендует пресловутый «американский империализм» вместе с первым афроамериканским Президентом Б. Обамой, российский Президент В.В. Путин со своими несоветскими и неоимперскими амбициями или украинские правые из партии «Свобода» О. Тягнибока со своим чрезмерно активным национализмом и патриотизмом, которому крайне сложно найти применение кроме как уличных боев с милицией.

Несмотря на то, что к фашизму применяются столь разнообразные ярлыки, фашизм не относится к числу самых популярных и наиболее актуальных тем в современной академической российской историографии и политологии, хотя периодически российские интеллектуалы обращаются к его изучению в контексте исследования отдельных форм и случаев развития фашизма, как правило, на национальном уровне. При этом попытки обнаружения и локализации в истории России или в современном политическом и культурном пространстве Российской Федерации русского / российского фашизма воспринимаются крайне болезненно, особенно – в патриотическом лагере. Тем не менее, некоторые публикации на эту тему имеют место быть¹¹⁷, хотя часть авторов¹¹⁸ все же призывает не преувеличивать сходства между фашистскими режимами и тем строем, который установился в современной России. Другие авторы (например, А. Мотыль¹¹⁹), наоборот, пытаются применить для анализа российской ситуации характеристики фашизма и, поэтому, склонны позиционировать свои тексты о фашистских тенденциях в России как предостережение¹²⁰, которое, к сожалению, в современной неакадемической историографии остается незамеченным или воспринимается как составной элемент некоего якобы имеющего место западного антирусского заговора, а в академической науке обсуждается не столь активно как другие проблемы. При этом часть западных историков и политологов полагает, что выводы А. Мотыля преждевременны, а

---

¹¹⁷ Люкс, 2007; Соколов, 2010.

¹¹⁸ Янов, 2010.

¹¹⁹ Мотыль, 2010.

¹²⁰ Motyl, 2009; Motyl, 2010.

сам автор «поднимает ложную тревогу»¹²¹ или вовсе указывает на «сомнительные параллели»¹²², признавая, правда, то, что в РФ существуют группы, движения и идеологи, которые исповедуют фашистские идеи.

Обнаружить истоки подобной ситуации не столь просто, как может показаться на первый взгляд. Конечно, падение интереса к фашизму и практически полное отсутствие научных и академических публикаций о специфике фашизма (но не этнического экстремизма) в современной России (если таковой, конечно, существует) можно объяснить тем, что в советской историографии тема, связанная с изучением фашизма, была в значительной степени идеологизирована. Тем не менее, отсутствие серьезных академических дебатов о современном фашизме в России имеет в большей степени не историографические, а политические и идеологические основания, так как научное обращение к этой теме чревато неизбежной актуализацией дефиниции фашизма, данной Г. Димитровым, и весьма неприятными сравнениями и параллелями между политическими режимами в современной России и в государствах как классического, так и атипичного фашизма.

Многие европейские и американские интеллектуалы, которые даже не симпатизировали фашизму, периодически были вынуждены высказываться относительно как специфики и характера движения, так и его будущего. В частности, болгарский писатель Гео Милев, комментируя мобилизационный и значительный адаптивный потенциал фашистского соблазна, полагал, что фашизм стал своего рода псевдорелигией и «якобы последним спасением Европы». Указывая на «исторический абсурд» фашизма Гео Милев подчеркивал и то, что фашизм стал и одним из проявлений «глупости XX века» и формой «заговора против человечества»¹²³. Подобные оценки звучали в стане европейских интеллектуалов, причем – не всегда тех, которые симпатизировали левым как историческим противникам и идеологическим соперникам фашизма. В ответ им звучали голоса сторонников и защитников фашизма, которые в нем видели альтернативу коммунистической угрозе.

---

¹²¹ Умланд, 2010.

¹²² Люкс, 2010.

¹²³ Милев

Рассматривая феномен фашизма как формы «транснациональной» идеологии и «глобальное» явление¹²⁴, во внимание следует принимать значительную политизированность темы, роль идеологического фактора, который безраздельно доминировал в советской историографии, обретая порой и весьма абсурдные формы, что, например, имело место в 1970-е годы¹²⁵, когда из-под пера советских историков выходили исследования о фашизме с претензией на теоретический характер, подкрепленный исключительно цитатами из классиков марксизма-ленинизма, лидеров КПСС и прочих, зависимых от нее, коммунистических партий. Кроме этого, проблематика фашизма в значительной степени политизирована и идеологически выверена и в Европе. Данута Глондис¹²⁶, например, полагает, что в ряде европейских стран политическая жизнь после второй мировой войны определялась политическими мифами¹²⁷, связанными с сопротивлением фашизму и утверждению альтернативных ему демократических ценностей. Некоторые западные публицисты¹²⁸ и вовсе утверждают, что молодые демократии в Восточной Европе не в состоянии провести грань между фашизмом и коммунизмом, что стало следствием неготовности адекватно воспринимать ценности «либерального гуманизма»¹²⁹, которые стимулируют ответную правую реакцию.

В Западной Европе понятие «фашизм» также в значительной степени политизировано в негативном смысле (хотя некоторые вполне академические авторы, чьи работы в настоящее время признаны классическими¹³⁰, и вовсе стремились избежать четких определений фашизма) в то время как антифашизм имеет ареол мученика и вполне уважаемой политической силы (особенно – в советской и в российской историографии¹³¹) несмотря на то, что «с концом ГДР» он «сошел в могилу»¹³², что указывает на увлечение некой историографической некрофилией у тех авторов, которые по-прежнему продолжают писать об антифашизме – более корректным представляется анализ как

---

¹²⁴ Химка, 2010.

¹²⁵ Модржинская, 1976.

¹²⁶ Глондис, 2011.

¹²⁷ Даскалов, 2012.

¹²⁸ Вагнер, 2008.

¹²⁹ Игълтон, 2009.

¹³⁰ Mosse, 1979.

¹³¹ Холодковский, 1995; Яхимович, 1995.

¹³² Динер, 2010. С. 61.

правой, так и левой критики фашизма. С другой стороны, французский историк Франсуа Фюре полагает, что отождествление антифашизма с коммунизмом¹³³ имело не самые благоприятные историографические последствия, содействуя идеологизации. При этом нередко забывается то, что «сталинцы», по словам Л. Троцкого, «создали единый фронт с фашистами против социал-демократии»¹³⁴ (т.е. одной из тех сил, которые действительно пытались бороться против фашизма, что признавалось и упомянутом Л. Троцким, который указывал на необходимость «навязать социал-демократам блок против фашистов»¹³⁵) или, что например, французские антифашисты из левого лагеря, начиная с конца 1970-х годов, последовательно выступают в поддержку гомосексуалистов и педофилов¹³⁶, вероятно, искренне и свято веря в то, что их отрицание является проявлением принадлежности к правой, то есть активно отрицаемой ими, фашистской политической традиции. Само понятие «антифашизм», как полагает Автор, является в большей степени политическим и идеологическим конструктом, изобретением «научного воображения» советской историографии, предложенным советской идеологией и европейскими левыми для оправдания своего политического бессилия и поражения правым в 1920 – 1930-е годы, а также периодических провалов во второй половине XX столетия. Антифашизм был оправдан пока существовал фашизм или угроза фашизма. После второй мировой войны начался период кризиса и идеологизации антифашизма, а глобализация и вовсе превратила его в коммерческий проект.

Единой дефиниции понятия и явления «фашизм» в академической историографии и политологии не предложено и не выработано несмотря на то, что XX веке Европа пережила две мировые войны и существование целого ряда недемократических и фашистских режимов, а во второй половине XX столетия испытывала на себе активность наследников классического фашизма, деятельность которых в ряде стран продолжается и в настоящее время. В российской историографии по неосоветской инерции особую роль по-прежнему продолжает играть определение фашизма, данное Г. Димитровым, о котором речь пойдет ниже. Подобная социально-экономически маркирован-

---

¹³³ Фюре, 1998. С. 186.

¹³⁴ Троцкий, 2012. С. 27 – 44.

¹³⁵ Троцкий, 2012. С. 59 – 67.

¹³⁶ Готфрид, 2009.

ная версия доминировала в советской историографии, будучи характерной и для «прогрессивных» зарубежных историков, которые видели в фашизме «реакцию на структурный и конъюнктурный кризис, потрясший европейское капиталистическое общество в период между двумя мировыми войнами»¹³⁷. Исходя из различных методологических и теоретических оснований, вероятны и разные определения фашизма, на которых следует остановиться более детально.

Если в качестве центральной и системообразующей категории рассматривать национализм, то фашизм, по Хуану Линцу, это – «гипернационалистическое, часто паннационалистическое, анти-парламентское, анти-либеральное, анти-коммунистическое, популистское и потому анти-пролетарское, отчасти анти-капиталистическое и анти-буржуазное, анти-клерикальное или, по крайней мере, не-клерикальное движение, целью которого является национал-социальная интеграция посредством единственной партии и корпоративной репрезентации (значение которых не всегда одинаково подчеркивается); для которого характерен особый стиль и риторика; которое опирается на активистские кадры, готовые к применению насилия в сочетании с участием в электоральном процессе в целях завоевания власти и тоталитарными целями, реализуемыми с помощью легальной и насильственной практики»¹³⁸. Это определение фашизма актуализирует такую его особенность как отсутствие гражданского добровольного участия в политической жизни, неразвитость или вообще несуществование гражданского общества, но и в тех обществах, где, по словам Э. Геллнера, гражданского общества не существовало, имело место «сильное к нему тяготение»¹³⁹, что и предопределило постепенное размывание авторитарности, в том числе – и фашистского типа.

В качестве центральной компоненты при определении явления «фашизм» можно использовать и психологические, поведенческие основания. В подобной ситуации фашизм будет восприниматься как «форма политического поведения, характеризующуюся навязчивым беспокойством по поводу упадка сообщества, унижения или виктимности, а также компенсаторными культами единства, силы и чистоты, с помощью которых массо-

---

¹³⁷ Бурдерон, 1983. С. 18.

¹³⁸ Linz, 1976. P. 12 – 13.

¹³⁹ Геллнер, 1995. С. 24.

вая партия убежденных националистов-боевиков, осуществляя неловкое, но эффективное сотрудничество с традиционными элитными группами, отказывается от демократических свобод и с искупытельной жестокостью и без всяких этических или законных ограничений стремится к внутреннему очищению и внешней экспансии»¹⁴⁰. В том случае если связывать фашизм с этатизмом, то первый может быть определен как «стремление к трансцендентному и очищающему национальному государственничеству посредством парамилитаризма»¹⁴¹.

Возможны и другие центральные компоненты в определении фашизма. Фашизм можно рассматривать и как революционное движение («фашизм можно определить как форму революционного, преследующего национальное возрождение ультранационализма, основанного, прежде всего, на виталистической философии и структурно опирающегося на крайний элитизм, массовую мобилизацию и принцип вождизма, позитивно оценивающего насилие в качестве цели и средства и имеющего тенденцию к нормализации войны и / или военной доблести»¹⁴²), что, разумеется, вызывало отторжение у советских историков и их современных несоветских наследников. Примечательно, что подобные определения предлагались и российскими историками фашизма: в частности, А. Галкин указывал на то, что под фашизмом можно понимать «правоконсервативный революционаризм, пытающийся, не считаясь с жертвами, с социальной ценой, снять реальные противоречия общества, разрушив все то, что воспринимается им как препоны к сохранению и возрождению специфически понимаемых извечных основ бытия»¹⁴³. В качестве компромиссной дефиниции можно упомянуть определение Р. Скрутона: «фашизм характеризуется следующими чертами (не все из них должны присутствовать в той или иной общепризнанной манифестации фашизма): национализм, враждебность по отношению к демократии, равенству и ценностям либерального просвещения; культ лидера и преклонение перед его особыми чертами; уважение к коллективной организации и любовь к свя-занным с ней символам, таким как униформа, парады и армейская дисциплина»¹⁴⁴.

---

¹⁴⁰ Paxton, 2004. P. 218.

¹⁴¹ Mann, 2004. P. 13.

¹⁴² Payne, 1995. P. 14.

¹⁴³ Галкин, 2004. С. 152.

¹⁴⁴ Scruton, 1982. P. 169.

При этом в отечественной историографии периодически раздаются редкие голоса, которые сводятся к попыткам доказать, что «фашизм абсолютно органичное явление в нашей истории, и было бы даже странно, если бы его не было. Фашизм долгое время как нарыв вызревал в теле наций, был взлелеян благими и не очень намерениями интеллектуалов. Фашизм – дитя нашей истории, получившее богатое философское, политическое и техническое наследство, и сделавшее то, что стеснялись сделать его родители»¹⁴⁵. При этом отечественная историография фашизма продолжает существовать и развиваться в политизированной и идеологически выверенной системе координат. Поэтому, фашизм нередко рассматривается как нечто чуждое и противоестественной европейской политической и культурной традиции, что значительно и существенно ослабляет адаптивный потенциал современной российской историографии фашизма, так как фактически низводит все его интерпретации к новым редакциям советских версий истории фашизма.

Европейские интеллектуалы были не столь ортодоксальны, как советские коллеги и, поэтому, между двумя мировыми войнами многие ставили вопрос не только о природе и политической направленности фашизма и его национальных разновидностей, но и об исторической судьбе самого движения. В частности, Н. Устрялов патетически вопрошал: «Что такое Гитлер: проселочная тропинка германской истории или ее генеральный тракт? Что такое национал-социализм: мыльный пузырь безвременья – или гром, загремевший с исторических небес? На этот вопрос ответит история»¹⁴⁶. Позднее, после исторического и политического поражения фашизма во второй мировой войне, европейский фашизм в Италии и национал-социализм в Германии неоднократно пребывали в центре как многочисленных исследований¹⁴⁷, так и критических выпадов и нападок со стороны левых авторов¹⁴⁸. Современные европейские историки также констатируют значительную актуальность изучения фашизма.

Болгарский историк Николай Поппетров¹⁴⁹ полагает, что тема, связанная с фашизмом, в современной историографии

---

¹⁴⁵ Бокшицкий

¹⁴⁶ Устрялов

¹⁴⁷ Лопухов, 1978; Лопухов, 1968; Лопухов, 1977; Слободской, 1946; Филатов, 1978; Филатов, 1984.

¹⁴⁸ Алатри, 1961; Тольятти, 1974.

¹⁴⁹ Поппетров, 2008. С. 3.

является не только одной из самых популярных, но и отягощенных различными политическими и идеологическими противоречиями и предпочтениями. При этом бразильский интегрализм на протяжении длительного времени пребывал в тени не только своих старших и младших современников – итальянского фашизма и немецкого национал-социализма – но и более радикальных форм правых движений¹⁵⁰, которые, вероятно, в силу их экстремистского характера, привлекали больше внимания, чем интегрализм. В советской историографии было издано немало оригинальных (для своего времени) и переводных исследований о фашизме. К сожалению, большинство этих текстов были политически и идеологически выдержаны, а научность была принесена в жертву доминировавшей идеологии и принципам партийности. Эти родовые травмы советской формы знания о фашизме проявились в работах, посвященных истории различных региональных и национальных (венгерской¹⁵¹, болгарской¹⁵², греческой, испанской¹⁵³) и прочих усиленно воображаемых советскими историками фашизмах. На современном этапе к этим исследованиям добавились работы, посвященные, например, английскому фашизму¹⁵⁴, но и подобные тексты на фоне развитой историографии итальянского фашизма и немецкого нацизма, продолжают оставаться немногочисленными. В советской историографии проблемы типологии фашизма, различных вариантов его генезиса не получили особого развития, хотя некоторыми авторами¹⁵⁵ высказывались предположения о двух типах возникновения фашизма – как нового движения и на базе старых, например – монархических и консервативных, организаций. При этом отдельные и самостоятельные исследования (в форме статей и, тем более, монографий) о бразильском интегрализме в советский период не имели места.

Фашизм относится к числу сложных, политизированных и идеологизированных тем в интеллектуальном дискурсе современной постсоветской России. Комментируя злоключения фашизма в российском общественном мнении, некоторыми авто-

---

¹⁵⁰ Айненкель, 1981; Поп, 1981; Яжборовская, 1981.

¹⁵¹ Рожньоу, 1981; Франк, 1981.

¹⁵² Гришина, 1981.

¹⁵³ Пожарская, 1981; Чернышев, 1983.

¹⁵⁴ Прокопов, 2001.

¹⁵⁵ Ачкинази, 1985.

рами подчеркивается, что «мы имеем массу доступного материала, опыт произошедшей более полувека назад трагедии. С другой – нам очень уж настойчиво твердят, что определить, что такое фашизм невозможно, это, мол, “чума” какая-то. Одни пытаются связать его с национализмом, антисемитизмом, другие – с уникальными условиями, сложившимися в Германии, либо Италии 20-х – 30-х годов прошлого века, а кто-то и с дьявольски гениальными способностями Адольфа Гитлера. С такими подходами, любая группа людей вполне может тыкать пальцем в других, и обвинять их в фашизме, не забывая при этом утверждать, что уж им-то фашизм никак не свойственен»¹⁵⁶. Именно в условиях столь политизированной ситуации, связанной с изучением фашизма, Автор обращается к анализу феномена интегрализма, понимая, что его оценки и интерпретации будут носить в большей степени спорный характер.

Кроме этого в российском обществе существует и один чрезвычайно стойкий и жизнеспособный стереотип о фашизме, который порой перерастает в миф. Этот стереотип – стереотип знания. Комментируя его функционирование, Борис Стругацкий писал: «всем же известно, что фашизм – это: черные эсэсовские мундиры; лающая речь; вздернутые в римском приветствии руки; свастика; черно-красные знамена; марширующие колонны; люди-скелеты за колючей проволокой; жирный дым из труб крематориев; бесноватый фюрер с челочкой; толстый Геринг; поблескивающий стеклышками пенсне Гиммлер, – и еще полдюжины более или менее достоверных фигур из “Семнадцати мгновений весны”, из “Подвига разведчика”, из “Падения Берлина”... мы прекрасно знаем, что такое фашизм – *немецкий фашизм*, он же – гитлеризм. Нам и в голову не приходит, что существует и другой фашизм, такой же поганый, такой же страшный, но свой, доморощенный»¹⁵⁷.

Этот миф / стереотип имеет советские корни, а советская научная картина фашизма была не только выверенной идеологически, но и географически. В рамках советского исторического воображения могли существовать немецкий национал-социализм, итальянский фашизм, в ряде случаев – румынский фашизм и болгарский монархо-фашизм. Вера в этот миф дорого стоила постсоветской России, где не только мучительно были вынуждены признать (хотя в некоторых постсоветских странах

---

¹⁵⁶ Кузнецов, 2006.

¹⁵⁷ Стругацкий, 1995.

осознание того, что и у русских существовал свой фашизм шло быстрее) существование русского фашизма в среде эмиграции в период между двумя мировыми войнами, но и началось развитие собственных крайних правых движений. Кроме этого, в 1990 – 2000-е годы российские историки с запозданием приступили к изучению фашистских движений и за пределами стран «классического» фашизма.

М.В. Курчанов

Теоретические проблемы изучения фашизма

Фашизм играл роль одной из ведущих и наиболее влиятельных идеологий в политической и интеллектуальной истории XX века. Проблемы генезиса, определения и типологии фашизма относятся к числу спорных и дискуссионных проблем в современной историографии. Автор анализирует некоторые теоретические и методологические подходы к изучению фашизма.

Ключевые слова: фашизм, генезис, определение, типология, историография

Maksym W. Kyrchanoff

The theoretical problems of the fascism studies

Fascism played the role of one of the leading and most influential ideologies in the political and intellectual history of the 20th century. The genesis, definition and typology of fascism belong to the number of the most contentious and controversial problems in contemporary historiography. The author analyzes some of the theoretical and methodological approaches to the fascism studies.

Keywords: fascism, genesis, definition, typology, historiography

Библиографический список

1. Linz J.J. Some Notes Toward a Comparative Study of Fascism in Sociological Historical Perspective / J.J. Linz // *Fascism: A Reader's Guide* / ed. W. Laqueur. – Berkeley, 1976. – P. 12 – 13.
2. Mann M. *Fascists* / M. Mann. – Cambridge, 2004.
3. Mosse G. Towards a General Theory of Fascism / G. Mosse // *International Fascism. New Thoughts and Appreciations* / ed. George Mosse. – L., 1979. – P. 1 – 45.
4. Motyl A. Russia's Systemic Transformations since Perestroika: From Totalitarianism to Authoritarianism to Democracy – to Fascism? / A. Motyl // *The Harriman Review*. – 2010. – Vol. 17. – No 2. – P. 1 – 14.
5. Motyl A. Russland – Volk, Staat und Führer: Elemente eines faschistischen Systems / A. Motyl // *Osteuropa*. – 2009. – Vol. 59. – No 1. – P. 109 – 124.
6. Paxton R.O. *The Anatomy of Fascism* / R.O. Paxton. – L., 2004.
7. Payne S.G. *A History of Fascism, 1914 – 1945* / S.G. Payne. – Madison, 1995.
8. Scruton R. *A Dictionary of Political Thought* / R. Scruton. – NY., 1982.
9. Weber E. *Varieties of fascism* / E. Weber. – NY, 1964.
10. Айненкель А. Фашизм и политическое устройство государств Центральной Европы в период между первой и второй мировыми войнами / А. Айненкель // *Фашизм и антидемократические режимы в Европе. Начало 20-х годов – 1945 г.* / ред. Я. Жарновский и др. – М., 1981. – С. 70 – 81.
11. Алатри П. Происхождение фашизма / П. Алатри. – М., 1961; Тольятти П. Лекции о фашизме / П. Тольятти / пер. с итал. В.А. Богорада. – М., 1974.
12. Алленов С.Г. Фашизм – многоликий... и безликий? / С.Г. Алленов // *Полис*. – 2007. – № 2. – С. 180 – 185.
13. Ачкинази Б.А. «Аксон франсез» и правозэкстремистские группы во Франции в начале 1920-х годов (к генезису французского фашизма) / Б.А. Ачкинази // *Проблемы новейшей истории Франции. Межвузовский сборник научных трудов* / отв. ред. В.Г. Сироткин. – Рязань, 1985. – С. 6 – 20
14. Безансон А. Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность катастрофы / А. Безансон / пер. с фр. Я. Горбаневского. – М., 2001.
15. Безансон А. Советское настоящее и русское прошлое / А. Безансон / пер. с фр. А. Бабича, М. Розанова. – М., 1998.
16. Белоусов Л.С., Шумаван А. История фашизма и его преодоления в единой истории Европы XX века / Л.С. Белоусов, А. Шумаван // *Полис*. – 1999. – № 4. – С. 168 – 178.
17. Бокшицкий А. Фашизм / А. Бокшицкий. – (<http://ec-dejavu.ru/f/Fascism.html>)
18. Бурдерон Р. Фашизм: идеология и практика / Р. Бурдерон / пер. с франц. Е. Феерштейн, вступит. статья Э. Генри. – М., 1983.
19. Вагнер Р. Под знака на половинчатите истини / Р. Вагнер // *Либерален преглед*. – 2008. – 17 юни.

20. Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии / П. Вен / пер. с франц. Л.А. Торчинского. – М., 2003.
21. Галкин А. Размышления о политике и политической науке / А. Галкин. – М., 2004.
22. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники / Э. Геллнер / пер. с англ. – М., 1995.
23. Георгиева-Тенева О. Литература и исторически мит / О. Георгиева-Тенева. – София, 2002.
24. Глондис Д. Против задълженията на националните митологии / Д. Глондис // Либерален преглед. – 2011. – 17 март.
25. Готфрид П. Странная смерть марксизма / П. Готфрид / пер. с англ. Б. Пинскер. – М., 2009. – С. 128 – 143.
26. Гришина Р.П. К вопросу о болгарской разновидности фашизма / Р.П. Гришина // Фашизм и антидемократические режимы в Европе. Начало 20-х годов – 1945 г. / ред. Я. Жарновский и др. – М., 1981. – С. 101 – 119.
27. Даскалов Р. Митологизиране в историята: по български примери / Р. Даскалов // Либерален преглед. – 2012. – 24 юни.
28. Динер Д. Круговороты. Национал-социализм и память / Д. Динер / пер. с нем. А.А. Панова. – М., 2010.
29. Еленков И. Дебатът за фашизма сред историците в България през XX век – историографски контекст и функции / И. Еленков // *Ars inveniendi*. Изследвания в чест на проф. Ивайло Знеполски / съст. Ж. Дамянова. – София, 2002. – С. 360 – 383.
30. Игълтон Т. Култура и варварство / Т. Игълтон // Либерален преглед. – 2009. – 20 април.
31. Кот С. Російський фашизм як факт історії / С. Кот // Українське слово. – 2004. – 22 – 28 грудня.
32. Критика идеологии неофашизма / под ред. Е.Д. Модржинской. – М., 1976.
33. Кузнецов Ю. Любовь победит фашизм / Ю. Кузнецов // Московские новости. – 2006. – 27 октября. – № 41.
34. Кузнецов Ю. Новый взгляд на фашизм (индуктивно-резонансная теория фашизма) / Ю. Кузнецов. – (<http://ideo.ru/fascism.html>)
35. Лопухов Б.Р. История фашистского режима в Италии / Б.Р. Лопухов / отв. ред. Г.С. Филатов. – М., 1977.
36. Лопухов Б.Р. Послевоенный кризис и фашистская диктатура в Италии (1919 – 1929 гг.) / Б.Р. Лопухов // История фашизма в Западной Европе / отв. ред. Г.С. Филатов. – М., 1978.
37. Лопухов Б.Р. Фашизм и рабочее движение в Италии 1919 – 1929 гг. / Б.Р. Лопухов / отв. ред. Х. Гарсиа. – М., 1968.
38. Люкс Л. «Веймарская Россия?» – заметки об одном спорном понятии // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. – 2007. – № 2. – (<http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/5Luks07.pdf>)
39. Люкс Л. Большевизм, фашизм, национал-социализм – родственные феномены? Заметки к одной дискуссии / Л. Люкс // Форум новейшей

- восточноевропейской истории и культуры. – 2004. – № 1. – (<http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss1.htm>)
40. Люкс Л. О двойственности сталинизма и национал-социализма / Л. Люкс // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. – 2007. – № 1. – (<http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/1Luks7.pdf>)
41. Люкс Л. Сомнительные параллели: авторитарная Россия не является фашистской – ответ А. Мотылю / Л. Люкс // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. – 2010. – № 2. – (<http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss14/a12Luks.pdf>)
42. Милев Г. Фашизмът / Г. Милев. – (<http://www.slovo.bg/showauthor.php3?ID=142&LangID=1>)
43. Мотыль А.Дж. Фашистоидная Россия? Политическая система России в сравнительном контексте / А.Дж. Мотыль // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. – 2010. – № 2. – (<http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss14.html>)
44. Пожарская С.П. Франкизм как испанская разновидность фашистской государственности / С.П. Пожарская // Фашизм и антидемократические режимы в Европе. Начало 20-х годов – 1945 г. / ред. Я. Жарновский и др. – М., 1981. – С. 47 – 63.
45. Поп И.И. Кризис фашистских режимов в Венгрии, Болгарии, Румынии, Словакии и Хорватии на завершающем этапе второй мировой войны / И.И. Поп // Фашизм и антидемократические режимы в Европе. Начало 20-х годов – 1945 г. / ред. Я. Жарновский и др. – М., 1981. – С. 144 – 166.
46. Поппетров Н. Фашизмът в България. Развитие и прояви / Н. Поппетров. – София, 2008.
47. Прокопов А.Ю. Фашисты Британии. Союз Освальда Мосли: идеология и политика (1932 – 1940 гг.) / А.Ю. Прокопов. – СПб., 2001.
48. Рожньои А. Салашистский путч / А. Рожньои // Мутный поток. Последние дни венгерского фашизма / сокр. пер. с венг. Б.А. Лесина, О.В. Громова; вступит. статья, ред. В.И. Фомина. – М., 1981. – С. 15 – 100.
49. Слободской С. Итальянский фашизм и его крах / С. Слободской. – М., 1946.
50. Соколов М. Изобретая «русский фашизм»: несколько критических замечаний о дискуссии 90-х / М. Соколов // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. – 2010. – № 2. – (<http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss14.html>)
51. Стаут Дж. Демократия и традиция / Дж. Стаут / пер. с англ. А. Георгиева, М. Рудакова. – М., 2009. – С. 393.
52. Стругацкий Б. Фашизм – это очень просто / Б. Стругацкий // Невское время. – 1995. – 8 апреля.
53. Троцкий Л.Д. В чем состоит ошибочность сегодняшней политики германской компартии? / Л.Д. Троцкий // Троцкий Л.Д. Фашизм: движение контрреволюционного отчаяния. Статьи Льва Троцкого о фа-

- шизме 1929 – 1940 годов / Л.Д. Троцкий / сост. Л. Сосновский. – М., 2012. – С. 59 – 67.
54. Троцкий Л.Д. Против национал-коммунизма / Л.Д. Троцкий // Троцкий Л.Д. Фашизм: движение контрреволюционного отчаяния. Статьи Льва Троцкого о фашизме 1929 – 1940 годов / Л.Д. Троцкий / сост. Л. Сосновский. – М., 2012. – С. 27 – 44.
  55. Умланд А. Действительно ли Россия Путина «фашистская»? Реплика Александру Мотылю / А. Умланд // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. – 2010. – № 2. – (<http://www1.kueichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss14.html>)
  56. Умланд А. Современные понятия фашизма в России и на Западе / А. Умланд // НЗ. – 2003. – № 5. – С. 116 – 122; Умланд А. Западные публикации по фашизму и неофашизму 2004 – 2006 годов / А. Умланд // ННИ. – 2008. – № 4. – С. 201 – 209.
  57. Умланд А. Теоретическая интерпретация фашизма и тоталитаризма в работах В. Виппермана / А. Умланд // Социологический журнал. – 2000. – № 1 – 2. – С. 205 – 210.
  58. Умланд А. Фашизм и неофашизм в сравнении: западные публикации 2004 – 2006 годов / А. Умланд // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. – 2007. – № 1. – (<http://www1.kueichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss7.html>)
  59. Устрялов Н. Германский национал-социализм / Н. Устрялов. – (<http://www.magister.msk.ru/library/philos/ustryalov/ustry019.htm>)
  60. Устрялов Н. Национал-большевизм / Н. Устрялов. – М., 2003.
  61. Филатов Г.С. Фашизм, неофашизм и антифашистская борьба в Италии / Г.С. Филатов / отв. ред. Ю.А. Красин, Н.П. Комолова. – М., 1984.
  62. Филатов Г.С. Фашистский корпоративизм и империализм. Крах фашистского режима в Италии / Г.С. Филатов // История фашизма в Западной Европе / отв. ред. Г.С. Филатов. – М., 1978.
  63. Франк Л. Зеленый поток / Л. Франк // Мутный поток. Последние дни венгерского фашизма / сокр. пер. с венг. Б.А. Лесина, О.В. Громова; вступит. статья, ред. В.И. Фомина. – М., 1981. – С. 101 – 207
  64. Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии / Ф. Фюре / пер. с фр. В.И. Божович, ред. Е.М. Кожокин. – М., 1998.
  65. Хайек Ф.А. фон, Дорога к рабству / Ф.А. фон Хайек / пер. с англ. М.Б. Гнедовского. – М., 1991.
  66. Химка Дж.-П. О значении ситуационного элемента в восточноевропейском фашизме / Дж.-П. Химка // Ab Imperio. – 2010. – № 4. – С. 102 – 111.
  67. Холодковский К.Г. Социальные и социально-психологические предпосылки фашизма / К.Г. Холодковский // Полис. – 1995. – № 2. – С. 38 – 39.
  68. Чернышев В.П. Призраки Долины павших. Неофашизм в Испании после Франко / В.П. Чернышев. – М., 1983.
  69. Яжборовская М.С. Особенности социально-политической структуры и борьба рабочего класса против реакции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в период стабилизации капитализма, 1924 –

- 1928 г. / М.С. Яжборовская // Фашизм и антидемократические режимы в Европе. Начало 20-х годов – 1945 г. / ред. Я. Жарновский и др. – М., 1981. – С. 82 – 101.
70. Янов А. Европейское будущее России? / А. Янов. – М., 2009.
71. Янов А. История одного отречения: почему в России не будет фашизма / А. Янов. – М., 2012.
72. Янов А. История одного отречения: почему в России не будет фашизма / А. Янов // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. – 2010. – № 2. – (<http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss14.html>)
73. Янов А. После Ельцина: «Веймарская» Россия / А. Янов. – М., 1995.
74. Янов А. Россия: у истоков трагедии. 1462 – 1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности / А. Янов. – М., 2001.
75. Яхимович З.П. Исторический опыт антифашизма / З.П. Яхимович // Полис. – 1995. – № 2. – С. 16 – 23.

РОЛЬ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ FREEDOM HOUSE В РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕЛЕЙ И ЗАДАЧ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США

В последние годы публичная дипломатия заняла одно из ключевых мест во внешнеполитической деятельности Соединенных Штатов. Как эксперты, так и представители исполнительной и законодательной власти признают эффективность публичной дипломатии и необходимость ее использования для создания благоприятной атмосферы за рубежом, способствующей успешному проведению политических, военных или экономических акций. Согласно словарю Госдепартамента, публичной дипломатией называют «финансируемые правительством программы, направленные на информирование и влияние на граждан зарубежных стран посредством публикаций, кинопродукции, обменов в области культуры, радиовещания и телевидения»¹⁵⁸. Отличие публичной дипломатии от классической дипломатии (представляющей собой традиционный механизм отношений между правительствами) заключается в том, что государство-распространитель получает возможность прямого информационного воздействия на население интересующей его страны. Иначе говоря, публичная дипломатия - это официальная пропаганда, которая стремится создать благоприятный имидж государства за рубежом.

Целевой аудиторией публичной дипломатии являются как правительства зарубежных стран и элита, так и широкие круги общественности, представители СМИ, культуры, искусства, академическая среда и подрастающее поколение.

Особая роль в современной публичной дипломатии Соединенных Штатов Америки отводится деятельности неправительственных организаций. Заинтересованность привлечения НПО к программам публичной дипломатии объясняется той ролью, которая отводится общественности в современной политике, и формальной независимостью НПО, которые имеют больший кредит доверия у граждан зарубежных стран, нежели государственные учреждения. Роль неправительственных организаций во внешней политике США опирается на осознание того, что их

---

¹⁵⁸ Цатуриян, 2010

отношения с зарубежными партнерами имеют тенденцию продолжаться независимо от межгосударственных отношений.

Вместо упора исключительно на военную силу, США перешли к применению НПО как средства достижения целей своей внешней политики. Госдепартамент США активно сотрудничает с такими известными НПО как Национальный Демократический Институт, Международный Республиканский Институт, Институт открытого общества, Национальный фонд в поддержку демократии, Freedom House. Все эти организации активно используются американским правительством для проведения своего внешнеполитического курса.

Особо тесные связи Госдепартамент поддерживает с неправительственной организацией **Freedom House**.

Freedom House - неправительственная организация со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Основана в 1941г. Объектом исследований Freedom House предполагался мониторинг «демократических изменений» в мире, «поддержка демократии» и «защита демократии и прав человека». После начала холодной войны Freedom House работала против распространения коммунизма. Со временем она постепенно стала заниматься не только исследовательской деятельностью, но и политической политикой.

Неправительственная организация Freedom House финансируется преимущественно правительством США, однако, подчёркивается, что речь идёт не о контрактах, а о грантах. Согласно финансовому отчёту за 2013 г., из почти 37 млн долл. доходов и пожертвований 32 млн составляют федеральные гранты¹⁵⁹. Freedom House ведёт исследовательскую деятельность по целому ряду направлений, которые могут быть отнесены к демократическому развитию.

С 1978 года Freedom House выпускает ежегодные доклады «Свобода в мире», в которых анализируется состояние дел с политическими правами и гражданскими свободами в различных государствах и присваиваются соответствующие рейтинги, по которым страны делятся на «свободные», «частично свободные», «несвободные». Доклады готовят штатные аналитики Freedom House в Нью-Йорке при поддержке научных советников (специалистов в области политологии и прав человека из университетов, неправительственных аналитических центров).

---

¹⁵⁹ Финансовый отчёт «Freedom House» за 2013 г.

При подготовке докладов используются сообщения местных и международных СМИ, данные правозащитных групп и личные наблюдения экспертов.

Freedom House оценивает поведение властей государств всего мира по двум критериям:

1. политические права, возможность свободного участия в выборе лидеров и в формировании важных для общества решений

2. гражданские свободы (свобода развивать мнения, институты и личную автономию от государства, независимость СМИ и надёжная защита прав меньшинств).

С 2002 года на основании ежегодных докладов Freedom House о ситуации с гражданскими свободами в разных странах Белый Дом распределяет международную помощь через Корпорацию «Millenium Challenge» («Вызов тысячелетия»). Данные этих докладов широко используются американскими СМИ и Конгрессом.

Однако объективность этих докладов вызывает у многих серьезные сомнения, так как в категорию несвободных стран попадают, как правило, те страны, которые не являются союзниками США. К примеру, Саудовская Аравия, которая является главным союзником США в Ближневосточном регионе, по рейтингу свободы оказывается выше Ирана. И это при том, что Саудовская Аравия абсолютная монархия, а Иран республика, где проводятся парламентские и президентские выборы и существует многопартийность. Особенно активно Freedom House подвергает критике уровень политических свобод в России. В последние годы Freedom House относит Россию к категории полностью несвободных стран. Freedom House оценивает уровень политических свобод в России как равный уровню свобод в Объединённых Арабских Эмиратах. Freedom House также приравнивал уровень России к Йемену, где согласно конституции, единственным законом является шариат и разрешено насилие и убийство женщин за подозрение в аморальном поведении. Критика президента в Йемене также незаконна и карается тюремным заключением. В одном из последних докладов Freedom House сравнила Россию с Северной Кореей. Подобные заявления вызвали критику даже у российских правозащитников, которых нельзя заподозрить в большой любви к президенту РФ В. Путину и созданному им политическому режиму. Так глава Совета при Президенте Российской Федерации по содей-

ствию развитию институтов гражданского общества и правам человека Элла Памфилова заявила, что результаты докладов Freedom House относительно России выглядят «смешно, нелепо и натянуто». По её словам, «многие авторитетные международные организации прекрасно знают, что собой представляет Freedom House. Там в руководстве бывший руководитель ЦРУ и много людей, по сути, ненавидящих Россию. Эта организация уже давно инструмент политики США, такая откровенная правозащитная дубинка»¹⁶⁰.

Сегодня Freedom House используется Госдепартаментом США исключительно для продвижения интересов США на международной арене. До 2005 года Freedom House возглавлял бывший директор ЦРУ Джеймс Вулси. Ее нынешние руководители являются активными членами ряда сомнительных организаций. К примеру, текущий исполнительный директор Дэвид Крамер - старший научный сотрудник в НПО «Проект Нового Американского Столетия», многие члены которой несут ответственность за текущее состояние внешней политики США.

«Проект Нового Американского Столетия» или PNAC - это вашингтонская неправительственная организация, основанная в 1997 году. PNAC отстаивает одну единственную цель - установление глобальной американской гегемонии в мире. Основные положения идеологии PNAC можно найти в «Белом листе», опубликованном в сентябре 2000 года и озаглавленного «Перестраивание американской обороны: стратегия, силы и ресурсы в новом столетии». В нем PNAC намечает в общих чертах то, что требуется Америке для создания глобальной империи.

Сегодня Freedom House все больше и больше служит целям проведения политики администрации США в связи с тем финансированием, которое она получает. Согласно внутреннему докладу в 2007 году, правительство США на 66% финансирует Freedom House. Эти средства главным образом приходят от Агентства США по международному развитию (USAID), Государственного департамента США и Национального фонда в поддержку демократии. Таким образом, мы видим не только политические связи Freedom House с правительством США, но и финансовые связи.

В период работы Д. Вулси на посту главы Freedom House, эта организация сыграла одну из ключевых ролей в проамериканских революциях в Грузии, Украине и Киргизии, используя

---

¹⁶⁰ *Правозащитники обиделись на Freedom House.*

имеющийся у нее опыт закулисной поддержки первой «цветной» революции в Сербии в 1999 г.

По утверждению газеты «Вашингтон Пост»: «Практически за всеми политическими акциями антимилошевского движения стояли инструкторы, финансируемые Соединенными Штатами; они помогали в проведении социологических опросов, подготовили тысячи политических активистов оппозиции и участвовали в организации крайне важного параллельного подсчета голосов»¹⁶¹. Одним из мероприятий Freedom House в Сербии было издание массовым тиражом книги Джина Шарпа «От диктатуры к демократии», ставшей основным методическим пособием для оппозиционной студенческой группировки «Отпор». По шаблону этой организации создавались аналогичные студенческие движения накануне революционных событий в других странах региона: движение «Пора» – на Украине, «Кмара» – в Грузии.

В 2004 году «Freedom House» принимала активное участие в «оранжевой революции» в Украине, когда она финансировала украинскую молодёжную организацию «Пора»¹⁶², готовила наблюдателей за электоральным процессом¹⁶³, позднее заявивших о фальсификациях в пользу власти, что послужило поводом для начала многодневного мирного протеста с требованием «переголосования третьего тура президентских выборов»¹⁶⁴.

Совсем недавно, Freedom House, принимала активное участие в событиях «арабской весны». Нью-Йорк Таймс в своей статье «Группы США помогали организовывать арабские восстания», сообщила: «Число групп и отдельных лиц, непосредственно участвующих в восстаниях и реформах в странах Ближнего востока и Африки, в том числе Молодежное движение 6 апреля в Египте, Центр по правам человека и низовые активисты в Бахрейне, прошли обучение и финансирование в Международном республиканском институте, Национальном демократическом институте и Freedom House»¹⁶⁵.

Сегодня неправительственная организация Freedom House фактически является дочерней структурой Государственного департамента США, выступающей в роли идеологического ру-

---

¹⁶¹ *Washington Post*. «US Advice Guided Milosevic Opposition. 11.12.2000.

¹⁶² *Капа-Мурза*

¹⁶³ *Kuzio, 2006.*

¹⁶⁴ *Way, 2008*

¹⁶⁵ *NGOs: The Missionaries of Empire*

пора для критики неугодных Соединенным Штатам режимов. Подобные отношения с Государственным Департаментом имеют и другие известные американские НПО, такие как National Democratic Institute (Национальный Демократический Институт), International Republican Institute (Международный Республиканский Институт), Open Society Institute (Институт открытого общества) и National Endowment for Democracy (Национальный фонд в поддержку демократии). Все эти организации активно используются американским правительством для проведения своего внешнеполитического курса. Подобная политическая и финансовая ангажированность многих крупных американских правозащитных НПО напрямую противоречит самой сути понятия «Неправительственной организации» как организации беспристрастной и финансово независимой от государственных структур, поэтому, несомненно, что деятельность подобных псевдо-НПО значительно ухудшила имидж этой важнейшей составляющей современного гражданского общества.

А.В. Погорельский

Роль неправительственной организации Freedom House в реализации целей и задач внешней политики США

Статья посвящена деятельности известной американской неправительственной организации Freedom House. Анализируя деятельность Freedom House, автор приходит к выводу, что сегодня она фактически является дочерней структурой Государственного департамента США, выступающей в роли идеологического рупора для критики неугодных Соединенным Штатам режимов.

Ключевые слова: внешняя политика, неправительственная организация, гражданское общество, национальные интересы, публичная дипломатия

A.V. Pogorelsky

The role of non-governmental organization Freedom House in the realization of the goals and objectives of U.S. foreign policy

Article is devoted to the activities of well-known American non-governmental organization Freedom House. Analyzing the activities of Freedom House, the author concludes that today it is actually a subsidiary of the U.S. Department of State, serving in the role of ideological mouthpiece for criticism of the United States of unwanted regimes.

Keywords: foreign policy, nongovernmental organizations, civil society, national interests, public diplomacy

Библиографический список

1. Цатурян С.А. Общественная дипломатия США в новом информационном столетии / С.А. Цатурян // «США – Канада. Экономика, политика, культура». № 8, 2010.
2. Финансовый отчёт «Freedom House» за 2013 г. – (<http://www.freedomhouse.org/sites/default/files/FY13%20Statement%20of%20Activities.pdf>)
3. Правозащитники обиделись на Freedom House. – (<http://www.newizv.ru/society/2007-02-02/62486-pravozashitniki-obidelis-na-freedom-house.html>)
4. Washington Post. «US Advice Guided Milosevic Opposition. 11.12.2000.
5. Кара-Мурза С.Г. На пороге оранжевой революции. – (<http://librioom.net/naporoge-oranzhevoj-revolyucii/>)
6. Kuzio T. Civil Society, Youth and Societal Mobilization in Democratic Revolutions // Communist and Post-Communist Studies. 2006. № 39. P. 365-386.
7. Way L.A. The Real Causes of the Color Revolutions // Journal of Democracy. 2008. Vol. 19. № 3. P. 62.
8. «NGOs: The Missionaries of Empire». – (<http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=29595>).

РАЗРАБОТКА МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬЮ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ КЛАСТЕРОВ

Актуальность создания и управления конкурентоспособными региональными социально-экономическими кластерами (РСЭК) определяется общими закономерностями глобализации мировой экономики, обуславливающими как формирование новых хозяйственных связей, так и определение конкретного статуса каждого государства, региона и отдельного предприятия в структуре мировой экономики. Поэтому вопрос о конкурентоспособности России, в целом, и российских регионов, в частности, является весьма актуальным, как с точки зрения теории, так и практики.

Механизм управления конкурентоспособностью РСЭК представляет собой совокупность принципов, методов, функций и инструментов управленческого воздействия на процесс устойчивого развития, применяемых органами высшего руководства РСЭК для достижения стратегических целей и приоритетов развития. Это позволяет сформировать структуру механизма следующим образом (рисунок 1).

Структура механизма управления конкурентоспособностью РСЭК			
Принципы создания механизма	Обеспечение процесса реализации	Функции управления	Методы управления
<ul style="list-style-type: none"> – Системность – Непрерывность – Эффективность – Адаптивность – Интеграция ресурсов – целенаправленность и приоритетность – гласность и открытость – общественное партнерство	<ul style="list-style-type: none"> – Нормативно – правовое – Организационное – Методическое – Ресурсное (финансовое, кадровое, материально-техническое и информационное)	<ul style="list-style-type: none"> – Планирование – Организация – Мотивация – Реализация – Контроль – Регулирование	<ul style="list-style-type: none"> – Экономические – Организационно-распорядительные – Социально-психологические

Рисунок 1 - Структура механизма управления конкурентоспособностью РСЭК

Как показано на рисунке, все многообразие элементов, составляющих механизм, можно представить в виде четырех бло-

ков: принципы создания механизма, обеспечение процесса реализации, функции управления, методы управления¹⁶⁶.

Создание эффективно функционирующего механизма должно базироваться на принципах РСЭК, с учетом формирования механизма реализации стратегии развития РСЭК (табл. 1).

Таблица 1 – Методологические принципы механизма реализации стратегии РСЭК

Принцип	Содержание
Системность	обоснование и выработка управленческих решений по формированию и реализации инновационной стратегии развития РСЭК с учетом предпосылок и ограничений, формируемых на региональном и федеральном уровнях
Непрерывность	использование результатов контроля и оценки реализации стратегии развития РСЭК, в частности, конкретизирующих ее программ и проектов, внесение корректив, как в стратегический план, так и в процесс его реализации
Эффективность	функционирование системы стратегического управления обеспечивает достижение выбранных целей и уровня развития не ниже принятого в стране с наименьшими затратами
Общественное партнерство	обеспечение взаимодействия в процессе разработки и реализации стратегии органов местного самоуправления с жителями муниципалитета, деловыми кругами, общественными организациями, наукой
Открытость	своевременное и полное информирование участников реализации стратегии о полученных результатах; привлечение к рассмотрению и экспертизе проектов плановых документов, а также результатов реализации конкретных программ и проектов ученых, специалистов, представителей общественности, бизнеса и населения
Целенаправленность и приоритетность инновационных задач	ориентированность процесса стратегического управления на достижение намеченных целей развития региона; при этом в качестве приоритетов должно рассматриваться развитие отраслей посредством использования различных инноваций
Адаптивность	учет возможных изменений внешней среды в процессе разработки и реализации стратегии
Интеграция инновационных ресурсов	реализация стратегии должна обеспечиваться на основе использования преимущественно инновационных ресурсов, а также концентрации в регионе соответствующих финансовых средств путем реализации схем смешанного финансирования

¹⁶⁶ Толстых, Митина, Ищенко, Шеина, 2009.

Эффективное функционирование механизма реализации определяется своевременным контролем инструментов оказывающих влияние на управление конкурентоспособностью. Можно предложить комплексную сбалансированную систему показателей оценки конкурентоспособности РСЭК, и инструменты качества, оказывающие влияющие на них¹⁶⁷. Зависимость критериев и показателей конкурентоспособности и инструментов качества (рис. 2) можно представить в следующем виде функциональной зависимости:

$K = K_{1n}, K_{2n} \dots K_{mn}$, где K_n - критерии конкурентоспособности, K_m – показатели конкурентоспособности
 $S = S_1, S_2, \dots, S_n$, S - инструменты качества

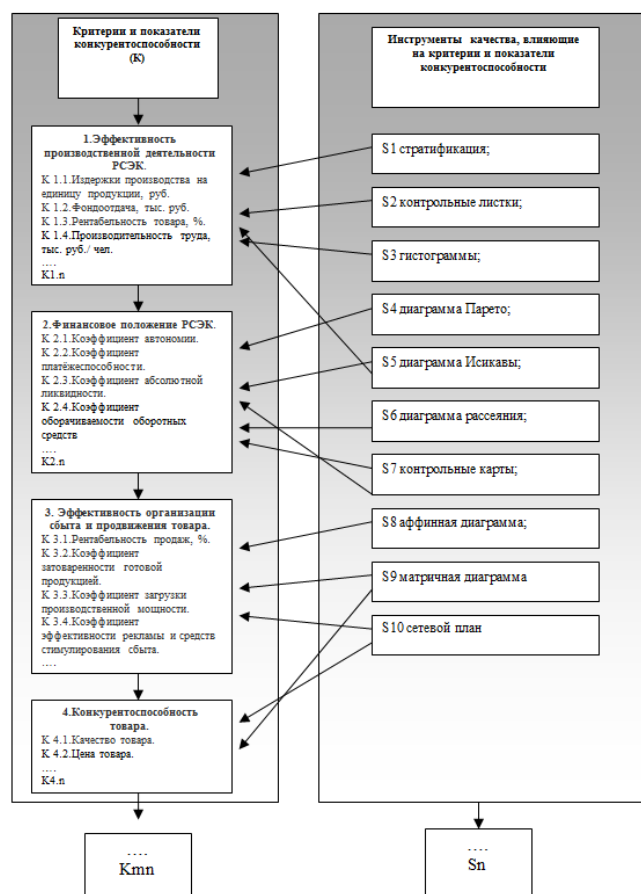

Рисунок 2 - Зависимость критериев и показателей конкурентоспособности и инструментов качества

¹⁶⁷ Бовин, Чередникова, Якимович, 2008.

Для развития и совершенствования механизма управления он должен быть самонастраиваемый по каждому инструменту. Исходя из зависимости критериев и показателей конкурентоспособности можно предложить механизм управления конкурентоспособностью РСЭК в динамике с самонастройкой каждого инструмента по качеству (Рис. 3).

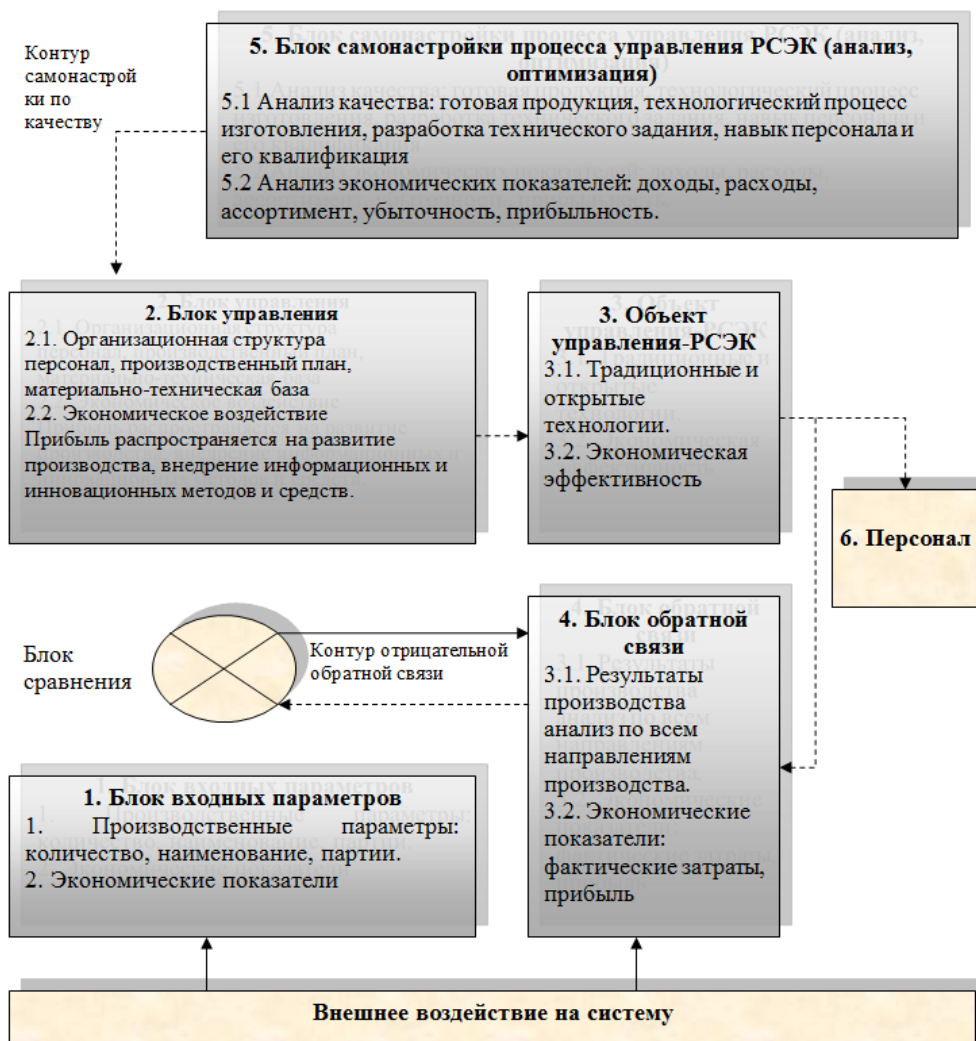

Рисунок 3 - Механизм управления конкурентоспособностью РСЭК

На входе механизма - наличные ресурсы (материальные, людские и финансы: денежные средства, получаемые за реализацию продукции). Для исследования поведения системы во времени в блоках выделены экономические параметры (1.2, 2.2, 3.2, 4.2, 5.2). Исследуем общее функционирование системы по блокам.

На вход системы управления поступают параметры, характеризующие все планируемые направления производственного

процесса (количество продукции, брак, наполняемость партии и др.) и экономические показатели (плановая прибыль, стоимость обучения и др.).

Все входные параметры из блока 1 поступают в блок 2, где происходит детализация входных параметров. Этот блок состоит из организационной структуры и материально-технических средств, определяющих экономическое воздействие на производственный процесс. В блоке 2 формируются управляющие воздействия для блока 3 – объекта управления, который представляет собой реально действующее РСЭК.

В нем осуществляются производственная деятельность, постановка задания, разработка конструкторской документации, изготовление образца и запуск в производство.

Функционированием блоков 1,2,3 завершается основной цикл системы управления, которым полностью описываются традиционные производственные процессы. На выходе системы – специалисты и экономические показатели производственного процесса. Блоки 4, 5, 6 превращают обычную систему управления с традиционным производственным процессом в систему с обратной связью и с элементами самонастройки.

Блок 4, осуществляя сбор и сохранность всей информации об производстве конкретных изделий, позволяет проводить «сравнение» плана с фактом и «улучшать», следовательно, систему. В этом же блоке рекомендуется постоянно отслеживать рынок труда, выявляя конкурентоспособную продукцию и новые рынки сбыта. Результаты «сравнения», осуществляемые в блоке сравнения, попадают в блок 2, где вырабатываются корректирующие воздействия на объект управления. Это могут быть изменения производственных планов, введение новых средств производства, увеличение производственных мощностей или полная диверсификация.

Особое место в предлагаемой системе управления образовательным процессом отводится блоку 5, где должны производиться самонастройка, анализ и оптимизация системы на основе оценки всех параметров качества. Наличие элементов самонастройки, коррекции в производственном процессе позволяют максимально развивать производственный процесс.

Таким образом, систему управления производственным процессом можно рассматривать как систему с двумя замкнутыми контурами регулирования.

Первый контур – обычный, характерный для замкнутых систем управления, в которых существует отрицательная обратная связь. Отрицательная обратная связь необходима для получения требуемых параметров на выходе системы, что задается блоком входящих параметров. Обратная связь осуществляет подачу выходных параметров на блок сравнения, в котором сравниваются входные и выходные параметры и по результатам сравнения вырабатывается сигнал управления для блока управления – регулирования и коррекции, причем этот сигнал управления ведет к снижению отклонения выходных параметров от входных. Этому контуру соответствует структурная схема: блок 1 – блок 2 – блок 3 – блок 4.

Второй контур - блок самонастройки. Здесь задача повышения качества выпускаемой продукции решается не путем изменения параметров блока управления (регулятора), а путем изменения самой структуры регулятора. Как правило, в самоорганизующуюся систему закладывается тот или иной определенный критерий качества работы системы (в данном случае - качество выпускаемой продукции) для внешних условий работы системы. Система сама выбирает такую структуру, при которой удовлетворяется заданный критерий качества работы всей системы. Это делается путем подключения или отключения различных звеньев в блоке управления в некоторой логической последовательности с фиксированием более удачных структур. Этому контуру соответствует структурная схема: блок 2 – блок 3 – блок 5 – блок 6.

В работе особое значение придается блоку самонастройки. Здесь задача повышения качества решается не путем изменения параметров регулятора (блока управления), имеющего определенную структуру, а путем изменения самой структуры регулятора. Говоря о самонастройке структуры или, что аналогично, о самоорганизации, необходимо подчеркнуть, что имеется в виду структура по параметрам, не заданным ранее.

Как правило, в самоорганизующуюся систему закладывается тот или иной определенный критерий качества работы системы (в данном случае - качество выпускаемых специалистов) для внешних условий работы системы. Система сама выбирает такую структуру, при которой удовлетворяется заданный критерий качества работы всей системы. Это делается путем подключения или отключения различных звеньев в блоке управле-

ния в некоторой логической последовательности с фиксированием (запоминанием) более удачных структур¹⁶⁸.

В самоорганизующейся системе должен быть анализатор или оптимизатор качества. Анализатор включается, когда нужно обеспечить просто заданное в определенных пределах качество. В качестве анализатора может применяться, в частности, математическая эталонная модель производственного процесса конкретного изделия. Оптимизатор предназначается для отыскания и осуществления максимально возможного в данной системе (при данных реальных условиях ее работы) качества.

Очевидно, что при прочих равных условиях самоорганизация поиска оптимальной структуры системы по результатам анализатора или оптимизатора является процессом более сложным и более длительным, чем самонастройка параметров блока управления. Поэтому речь может идти об объектах, работающих в более или менее стационарных условиях.

Рассмотренные два контура системы являются как бы начальными этапами развития процесса. Этапы развития системы, совершенствование всех ее традиционных направлений (табл. 2)

Как видно из таблицы, ресурсы в полном объеме будут образовываться в системе только после полноценного этапного функционирования системы (постоянной работы блоков 5-самонастройки, 4-обратной связи и 2.2), которое является результатом экономического развития всей системы.

---

¹⁶⁸ Толстых, Митина, Ищенко, Шеина, 2009.

Таблица 2 - Основные этапы управления развития системы

Этапы	Описание
1.1, 2.1, 3.1, 6	Соответствует производственному процессу при организации или при наличии ограничений по ресурсам
1.1, 2.1, 3, 4.1, 6, 5.1	Незначительное накопление денежных средств. Сбор информации в блоке самонастройки по всем направлениям процесса и анализ в блоке обратной связи, измерение параметров рынка
1, 2.1, 3, 4, 6, 5.1	Развитие и полноценное функционирование процесса преимущественно в традиционных формах. Максимальное использование всех имеющихся ресурсов. Нормальный баланс между доходами и расходами. Накопление средств.
1, 2, 3, 4, 5, 6	Этап полноценного функционирования системы управления процессом. При стабильной государственной политической и экономической ситуации циклическое функционирование системы управления производственным процессом и его развитием, накопление средств и экономическое воздействие на дальнейшее расширение (2.2)

Таким образом, преимущество предлагаемого подхода, прежде всего, в гибкости, модульности построения функционально-предметной информационной области, а это, в свою очередь, напрямую зависит от, достаточных финансовых ресурсов, инвестиций. И именно ресурсы позволяют осуществлять циклическое расширение системы. И как результат при управлении конкурентоспособностью единичного инструмента мы управляем общим инструментарием РСЭК.

И.В. Ищенко

Разработка механизма управления конкурентоспособностью региональных социально-экономических кластеров

Решение проблемы практического достижения поставленных стратегических целей требует создания действенного механизма управления конкурентоспособностью РСЭК. Механизм управления конкурентоспособностью должен содержать совокупность средств, методов и ресурсов, обеспечивающих выполнение планируемых мероприятий в соответствии с поставленными задачами.

Ключевые слова: механизм управления конкурентоспособностью, региональный социально-экономический кластер

I.V. Ischenko

Development of mechanism of management by competitiveness of the regional socio-economic clusters

The Solution of the practical achievement of the strategic goals requires the creation of effective mechanisms of management by competitiveness of RSAC. The management mechanism of the competitiveness must contain the totality of means, methods and resources for implementation of planned activities in accordance with the set objectives.

Keywords: control mechanism competitiveness, regional socio-economic cluster

Библиографический список

1. Формирование систем управления конкурентоспособностью региональных социально-экономических кластеров [Текст]: монография. // Толстых Т.О., Митина Н.Н., Ищенко И.В., Шеина Ю.В.: Изд-во «РГТЭУ», 2009. – 155с.
2. Конкуренция [Текст]// Портер М. // М, Киев, СПб.: Вильяме. - 2001.
3. Управление инновациями в организации: учебное пособие по специальности «Менеджмент организации» [Текст] / А. А Бовин, Л. Е. Чередникова, В. А. Якимович. — 2-е изд., стер. — Москва: Издательство «Омега-Л», 2008. — 415 с.: табл. — (Высшая школа менеджмента).
4. Malmgren H. B. Technology and Economy // The Global Economy: America's Role in the Decade Ahead / Amer. Assembly; Eds. W. E. Brock, R. D. Horlats. —N. Y.; L: Norton, 1990. - P. 92.

К.А. Чернов

МЕТОДИКА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

В исследовании предлагается парадигмальный подход к процессу разработки стратегий, в основе которого находится схема «цели – выбор стратегических показателей – разработка стратегии». В отличие от существующих концепций «ресурсы – концепция – стратегия – цели», «цели – концепция – стратегия – ресурсы» или «ресурсы – стратегия – цели», происходит выбор и включение в стратегию регионального развития показателей, которые выявлены с учетом мнений региональных стейкхолдеров и соответствуют целям развития региона. При этом принимаются во внимание региональные ресурсы, но они не выделяются отдельно, а рассматриваются в рамках региональных преимуществ, при выборе стратегических показателей. С помощью рассмотрения целей и показателей регионального развития устраняются промежуточные элементы, такие как концепция. Благодаря чему появляется возможность прямого выхода на ключевые позиции – процесс разработки стратегии, что значительно сокращает время и экономит ресурсы регионального развития.

Состояние регионального развития напрямую связано с разработкой стратегий субъектов РФ, в которых для решения поставленных задач и успешности их реализации используются показатели, которые отражают процесс изменения региональной экономики. Эффективность управления регионом выражается в измерении данных показателей во временном интервале существования стратегии. Однако, как показывает опыт, выбор инструментов и показателей стратегий осуществляется в большинстве случаев на основании признаков регионального развития, которые выбираются интуитивно. Процесс включения показателей в стратегию не имеет определенной методики. В большинстве случаев в стратегию включаются общие показатели, которые характеризуют любой субъект РФ, т.е. отсутствует привязка к конкретному региону. Среди таких показателей: ВРП, промышленное производство, уровень безработицы, доля ин-

новационной продукции. Между тем, их состав способен оказать существенное влияние на разрабатываемую стратегию, ее характеристики и конечный результат.

С помощью признаков регионального развития выявим отличительные черты регионов, их конкурентные позиции, особенности состояния социально-экономической сферы, которые необходимы для совершенствования регионального развития. Этот процесс требует подробного описания, которое мы проведем при помощи разработанной методики исследования и отбора признаков и показателей, необходимых для включения в стратегии регионального развития регионов РФ.

Стратегический показатель, в настоящем исследовании, представляет собой показатель, который необходимо включить в стратегию, в качестве контрольного или основного для оценки успешности ее реализации.

Под признаком (стратегическим признаком), в данном исследовании, понимается отличительная черта региона, которая влияет на его специализацию и должна учитываться в стратегии развития, как фактор региональной конкурентоспособности.

Из проведенного анализа отечественного опыта регионального развития отметим, что в настоящее время большинством регионов приняты стратегии регионального развития на период до 2020 г. Именно социально-экономические стратегии составляют основу регионального развития. У большинства субъектов Российской Федерации наблюдаются общие тенденции развития экономики, заложенные Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (Стратегия-2020). Однако для разработки стратегий в регионах страны применяются признаки, оказывающие различное влияние на их развитие. Среди используемых признаков, в рамках разработки социально-экономических стратегий регионов РФ, необходимо выбрать наиболее значимые и к каждому признаку предложить показатель или группу показателей.

Выборочно рассмотрим состав признаков, применяемых при разработке региональных стратегий в ряде субъектов федерации, отличающихся достаточно высоким уровнем социально-экономического развития.

Практически во всех регионах обращают внимание на показатель численность населения и площадь территории. Одним из главных признаков, который характеризует каждый регион,

считается географическое положение, определяющее его место в территориальном разделении труда, специализацию, состояние инфраструктуры, размер и структуру валового регионального продукта (ВРП), наполняемость бюджета и др. Например, в экономике Санкт-Петербурга, среди важных черт отмечается, что город обладает высокоразвитой промышленностью и густой транспортной сетью, поскольку находится в центре пересечения водных путей и наземных магистралей. Город является европейскими воротами России и стратегическим центром, расположенным рядом со странами Европейского Сообщества¹⁶⁹.

В связи с этим нами в исследовании выделяются признаки: «транспортные и логистические услуги» и «географические особенности».

В качестве важнейших характеристик регионального развития также рассматривается инновационная деятельность и инвестиционная сфера, что закреплено во всех стратегиях регионального развития. Мы согласны с авторами, считающими данные сферы основополагающими для развития экономики, поскольку приток инвестиций и инновационная активность обеспечивают будущее развитие регионов, способствуют повышению финансовой стабильности.

Оживление инвестиционной активности банков, в экономике региона, связано с увеличением объема «длинных» пассивов, источником которых по мере формирования благоприятного инвестиционного климата становятся сбережения населения. Для этого государством, применяются специальные меры, например: принятие законодательного акта о государственных гарантиях по банковским кредитам, увязка норм обязательного резервирования с продолжительностью вкладов. Государство способствует развитию инфраструктуры инвестиционного рынка и снижению рисков размещения денежных средств населения в инвестиционных институтах (инвестиционные фонды и негосударственные пенсионные фонды)¹⁷⁰.

Отсюда следует, что степень развитости финансовой системы считается важным признаком регионального развития, от которого зависит финансовая самостоятельность субъектов федерации. В частности, среди конкурентных преимуществ эко-

---

¹⁶⁹ Официальный портал Администрации Санкт-Петербурга. – (<http://client146-236.cmk.ru/day>) 22.06.2012 г.

¹⁷⁰ Трубникова, Савенкова, 2011.

номики Республики Башкортостан, выделяют устойчивую финансовую систему и благоприятный инвестиционный климат¹⁷¹.

В качестве существенного признака, как правило, выделяют состояние сферы промышленного производства. Так, при рассмотрении отличительных особенностей Московской области, среди прочего, выделяют: высокоразвитое промышленное производство и высокую инвестиционную активность¹⁷². Развитая промышленность способствует повышению темпов экономического роста регионов, росту добавленной стоимости и занятости населения.

В связи с вышесказанным, в исследовании мы выделяем признаки: «финансовая специализация» и региональную «промышленную специализацию с преобладанием предприятий машиностроения».

В. Федорович и Т. Бунтуш называют в ряду важнейших показателей, те, которые характеризуют концентрацию производства. Авторы отмечают, что экономическая ситуация Новосибирской области характеризуется концентрацией производства и укрупнением организационных, интегрированных бизнес-структур, что в свою очередь, определяет особенности национальной и региональной экономической стратегии, которая влияет на региональные макроэкономические показатели¹⁷³. В связи с этим, обозначим в качестве признаков «дешевизну труда» и «размещение фирм».

Важное значение для характеристики социально-экономического развития, придается историческим особенностям, выделению групп уникальных территорий, которые имеют особый статус (например, в контексте формирования стратегии Томской области)¹⁷⁴.

В связи с этим, выделяется признак «исторические особенности» в регионе. К региональным особенностям можно добавить следующие признаки: «географические», «экономические» и «национальные особенности».

Вероятностный характер большинства процессов, происходящих в сложной региональной социально-экономической системе, повышает роль экспертных оценок при выборе призна-

---

¹⁷¹ Постановление Правительства Республики Башкортостан «О стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2020 года» от 30.09.2009 г. № 370. – 2009. – 66 с.

¹⁷² Крымов, 2008.

¹⁷³ Федорович, Бунтуш, 2006.

¹⁷⁴ Кресс, 2004.

ков и показателей регионального развития. В связи, с чем в диссертации предлагается использование специально разработанной методики оценки степени значимости региональных признаков и выбора на ее основе стратегических показателей. В связи с чем, нами предлагается методика отбора показателей на основе региональных признаков, существенных для разработки стратегии. Основная цель данной методики – дополнение существующих стратегических показателей развития регионов, показателями, которые по той ли иной причине часто не включаются в стратегию развития.

Рассмотренные методики социально-экономического развития повышают эффективность принятия управленческих решений путем составления интегральной оценки регионального развития или основываются на сравнение и анализе регионов по выбранным параметрам.

При этом среди существующих методик регионального развития отсутствуют методики, которые позволяют совершенствовать процесс разработки региональных социально-экономических стратегий на этапе формирования и включения в них стратегических показателей.

Предлагаемая в исследовании методика включает в себя следующие требования:

- Выделяемые признаки должны оценивать конечные результаты эффективности стратегии социально-экономического развития;
- Применяемая система региональных признаков должна представлять собой целостную систему;
- Каждый существенный признак должен иметь соответствующий показатель или группу показателей.

Задачами применяемой методики являются:

- Выявление и выделение существенных признаков регионального развития (признаков оказывающих существенное влияние на разработку стратегии);
- В зависимости от выбранных признаков регионального развития проводится оценка уровня стратегии социально-экономического развития.

Этапы реализации методики:

- Определение субъектов процесса - экспертов, мнения которых могут влиять на разработку стратегии;
- Выбор и применение системы показателей для оценки существенности признаков регионального развития;

- Проведение анкетирования-интервью и статистическая обработка результатов анкетирования;
- Оценка существующей стратегии регионального развития (в данном исследовании выбрана Воронежская область);
- Предложение необходимого количества стратегических показателей, в качестве рекомендаций в существующую стратегию.

Для совершенствования процесса разработки стратегий регионального развития уточняется состав стратегических показателей, путем проведения анкетирования представителей органов власти и управления, малого и среднего бизнеса, научной сферы Воронежа и области, по признакам существенным для разработки стратегий социально-экономического развития регионов. Общий объем выборки составляет 100 человек.

В основе предложенного подхода к отбору показателей используется специально разработанная анкета, в которой отражаются региональные особенности, специфические черты, конкурентные преимущества, выраженные в виде признаков. На основании теоретического анализа, а также принимая во внимание отечественный и зарубежный опыт разработки стратегий, была составлена анкета-интервью, куда были включены наиболее существенные признаки развития регионов РФ для разработки социально-экономической стратегии. Данные показатели анкеты рассматриваются в качестве признаков.

В процессе анкетирования, экспертам предлагалось оценить по 6-ти бальной шкале выявленные признаки. При анкетировании во внимание были приняты точки зрения 3-х групп: представителей органов власти и управления, малого и среднего бизнеса и научной сферы региона. После выявления существенных признаков, к каждому признаку выбирается показатель, который затем рекомендуется для включения в стратегию. Результаты исследования предлагаются для совершенствования процесса разработки стратегии регионального развития субъектов РФ до 2020 года.

Для уточнения состава признаков и показателей, которые целесообразно использовать при разработке стратегии регионального развития, были опрошены 3 группы экспертов. Первая группа исследования – представители органов власти и управления Воронежской области (30 человек), вторая группа – представители малого и среднего бизнеса Воронежской области (35 человек), третья группа – представители научной сфе-

ры (профессорско-преподавательского состава вузов г. Воронежа в составе 35 человек).

Опрошенным предлагалось оценить признаки, существенные для разработки стратегий по 6-ти бальной шкале, где 0 баллов – признак не оказывает влияние, 1 балл – признак слабо влияет, 2 балла – признак оказывает умеренное влияние, 3 балла – признак оказывает среднее влияние, 4 балла – признак оказывает сильное влияние, 5 баллов – признак оказывает очень сильное влияние.

Для оценки значимости данных анкетирования был проведен статистический анализ на основе баллов выставленных для каждого элемента признака, с помощью программного комплекса Statistica 6.0. Оценивая однородность мнений экспертов, мы применили значение коэффициента вариации. Если значение последнего не превышает 30 %, то совокупность можно считать однородной. Помимо этого, применялись расчеты средней арифметической взвешенной и среднеквадратического отклонения.

Если отклонения оценки показателей (разброс мнений), превышают пороговое значение, происходит процесс исследования причин, вызвавших такую ситуацию. При этом для преодоления затруднений используются ресурсы, которые имеются у региона (региональные ресурсы). Корректировка значений признаков для выбранных стратегических показателей, в сторону их нормальных значений, дают возможность реализации региональных социально-экономических стратегий.

Для упрощения расчетов и оценки значимости полученных результатов исследований были введены ранги, по которым оценивается значение средней арифметической взвешенной, как основной характеристики каждого признака и соответственно всей группы признаков.

I ранг – значение средней арифметической взвешенной от 4,5 до 3,7 баллов;

II ранг – значение средней арифметической взвешенной от 3,7 до 3 баллов;

III ранг – значение средней арифметической взвешенной ниже 3 баллов.

Соответственно, признаки, которые относятся к I рангу будут иметь существенное, первостепенное значение для разработки стратегии регионального развития. Признаки II ранга, со-

ответственно, второстепенное значение. Признаки III ранга – незначительны.

Состав групп признаков и оценка их значения на основе проведенного анкетирования отражены в таблицах (по первой группе см. табл. 1 – 6).

В процессе исследования нами были разработаны шесть групп признаков социально-экономического развития, на основе изучения экономико-управленческой сферы субъектов РФ и зарубежных регионов, которые отличаются высоким уровнем развития отраслей хозяйства.

В первую группу признаков «Специализация региона» входят признаки, отражающие специализацию региона:

- промышленная, с преобладанием предприятий машиностроения (обрабатывающие производства)»;
- «добывающая промышленность»;
- «агропромышленная ориентация»;
- «транспортные и логистические услуги»;
- «туризм, развлечения»;
- «торговля»;
- «административные функции»;
- «финансовые услуги».

Во вторую группу признаков названную «Характер развития региона» вошли:

- «Стагнирующий регион» – отрасли, которого перестали обеспечивать рост экономики и ВРП. Это регион с низкими или нулевыми темпами развития;
- «Регион-пионер», который совершает скачок в своем развитии и применяет инновационные методы в социально-экономической сфере. Это регион нового освоения;
- «Кризисный регион» – характеризуется кризисом социально-экономической сферы и имеет существенное отставание в уровне развития по сравнению с другими субъектами РФ;
- «Экстремальный регион» – имеет экстремальные условия функционирования, порожденные особенностями окружающей среды или функционированием экономики. Поэтому наблюдается экстремальный характер экономических, социально-политических и экологических процессов;
- «Регион-лидер» – имеет лидирующие показатели развития. «Регион-лидер» осуществляет весомый вклад в при-

рост ВВП страны, имеет высокий научно-технический потенциал. В перспективе такой регион может превратиться в центр развития для соседних территорий. Примером «регионов-лидеров» могут выступать Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Республика Татарстан и Башкортостан, Свердловская область и др.).

Третья группа признаков «Степень замкнутости», отражает регион, как систему, хозяйство, которое имеет несколько состояний:

- «открытый регион»;
- «закрытый регион».

В четвертую группу признаков «Преобладание отраслей специализации региона» входят:

- «моноотраслевые регионы» (имеющие одну отрасль в экономике);
- «полиотраслевые регионы» (имеющие диверсифицированный набор отраслей).

В пятую группу признаков «Характер особенностей в регионе» входят:

- «исторические»;
- «экономические»;
- «географические»;
- «национальные».

В шестую группу «Имеющиеся преимущества» входят:

- «производительность труда»;
- «дешевизна труда»;
- «размещение фирм»;
- «экономическая активность населения»;
- «эффект агломераций»;
- «емкий внутренний рынок».

Таким образом, в шесть групп признаков входят, те, которые влияют на разработку стратегии социально-экономического развития каждого региона РФ. Однако, как показывает опыт, перечисленные признаки не всегда учитываются в рамках стратегий, носят косвенный характер или вообще не упоминаются в стратегиях.

Начнем исследование с первой группы экспертов (см. таблицы 1 - 6). Обработка данных опроса показала следующие закономерности Более подробно представлено в статье ¹⁷⁵.

---

¹⁷⁵ Чернов, 2012.

Признак «Агропромышленная специализация» была оценена сотрудниками Правительства Воронежской области в качестве наиболее значимой характеристики – 4,43 балла, что соответствует максимальному значению средней арифметической взвешенной, по признаку специализации региона и по всему исследованию. Значение коэффициента вариации 23,02 % показывает, что совокупность однородна, т.е. мнения сотрудников Правительства преимущественно совпадают. Внесем расчеты элементов по признаку специализации региона в таблицу 1.

Таблица 1 – Оценка значений признаков, отражающих специализацию региона

Признаки группы «специализация региона»	Значение средней арифметической взвешенной ($\bar{Y}$), балл	Значение среднего квадратического отклонения	Коэффициент вариации, %	Вывод
«Агропромышленная специализация»	4,43	1,00995049384	23,02	Совокупность однородная
«Промышленная специализация с преобладанием предприятий машиностроения»	4,34	1,0246950766	24,2	Совокупность однородная
«Транспортные и логистические услуги»	4,33	1,0246950766	24,25	Совокупность однородная
«Финансовые услуги»	4,25	1,01488915651	24,24	Совокупность однородная
«Административные функции»	4,04	1,01488915651	25,5	Совокупность однородная
«Торговля»	4	1,0246950766	26,25	Совокупность однородная
«Добывающая промышленность»	3,2	1,10453610172	38,13	Совокупность неоднородная
«Туризм, развлечения»	2,7	1,09544511501	44,45	Совокупность неоднородная

С точки зрения представителей региональных органов власти и управления, к наиболее существенным признакам для разработки стратегий относятся: «агропромышленная специализация», в группе «Специализации региона»; элементы лидерства в группе «Характер развития»; «открытость», в группе «Степени замкнутости»; признак «полиотраслевой регион» в группе «Преобладание отраслей специализации»; «географи-

ческие признаки» в группе «Характер особенностей в регионе» и «емкий внутренний рынок» в группе признаков «Имеющиеся преимущества».

В тоже время проведенные исследования также показали, что на разработку стратегий не оказывают влияние следующие признаки: «добывающая промышленность» в группе «Специализации региона»; «экстремальность региона» в группе «Характер развития»; «национальные особенности» в группе «Характер особенностей в регионе»; «эффект агломерации» в группе «Имеющиеся преимущества региона».

Подводя итог исследования данных, полученных в результате анкетирования экспертов первой группы, в качестве рекомендации, мы предлагаем учитывать в Стратегии социально-экономического развития Воронежской области на период до 2020 года следующие признаки: «элементы лидерства» в «характере развития региона», «специализацию региона на торговле», признаки «емкость внутреннего рынка» и «размещение фирм» среди преимуществ региона.

Исходя из мнений представителей малого и среднего бизнеса (вторая группа экспертов), мы считаем, что при разработке стратегий развития регионов РФ, необходимо учитывать следующие признаки: «агропромышленную» и «промышленную специализацию» в группе «Специализация региона»; элементы лидерства в группе «Характер развития региона»; «географические» и «экономические особенности» в группе «Особенности региона»; «экономическую активность населения», «емкость внутреннего рынка» и «размещение фирм» в группе «Преимущества региона». Кроме этого, необходимо учитывать «открытость» и наличие полиотраслевого характера регионального развития, выраженного в диверсификации отраслей специализации.

Исходя из мнений представителей научной сферы (третья группа экспертов), мы считаем, что при разработке стратегий развития регионов РФ необходимо учитывать следующие признаки. Среди них: «агропромышленная специализация», «торговая специализация», «транспортные и логистические услуги», «промышленная специализация с преобладанием предприятий машиностроения» в группе «Специализация региона»; «стагнирующий регион», «кризисный регион» в группе «Характер развития». Далее идут «географические» и «экономические региональные особенности» в группе «Характер особенностей в ре-

гионе». Среди группы «Преимущества региона» – «экономическая активность населения», «дешевизна труда» и «размещение фирм». Кроме этого, необходимо учитывать «открытость» и наличие полиотраслевого характера регионального развития, выраженного в диверсификации отраслей специализации региона.

На основе проведенного исследования распределим полученные результаты по рангам (см. таблицу 2).

Таблица 2 – Ранжирование признаков регионального развития исходя из приоритетов для применения в стратегиях социально-экономического развития субъектов РФ

Наименование признака в группе	I	Ранги II	III
1-ая группа экспертов Представителей органов власти и управления Воронежской области (на основе 30 опрошенных экспертов)			
«Агропромышленная специализация»	+		
«Промышленная специализация с преобладанием предприятий машиностроения»	+		
«Транспортные и логистические услуги»	+		
«Финансовые услуги»	+		
«Административные функции»	+		
«Торговля»	+		
«Добывающая промышленность»		+	
«Туризм, развлечения»			+
«Регион-лидер»		+	
«Регион-пионер»			+
«Стагнирующий регион»			+
«Кризисный регион»			+
«Экстремальный регион»			+
«Открытый регион»	+		
«Замкнутый регион»			+
«Полиотраслевой регион»	+		
«Моноотраслевой регион»			+
«Географические особенности»	+		
«Экономические особенности»	+		
«Исторические особенности»		+	
«Национальные особенности»			+
«Емкий внутренний рынок»	+		

«Размещение фирм»	+		
«Экономическая активность населения»	+		
«Дешевизна труда»		+	
«Производительность труда»		+	
«Эффект агломераций»		+	
2-ая группа экспертов Представители малого и среднего бизнеса Воронежской области (на основе 35 опрошенных экспертов)			
«Агропромышленная специализация»	+		
«Промышленная специализация с преобладанием предприятий машиностроения»	+		
«Транспортные и логистические услуги»		+	
«Финансовые услуги»			+
«Административные функции»			+
«Торговля»		+	
«Добывающая промышленность»			+
«Туризм, развлечения»			+
«Регион-лидер»		+	
«Регион-пионер»			+
«Стагнирующий регион»			+
«Кризисный регион»			+
«Экстремальный регион»			+
«Открытый регион»	+		
«Замкнутый регион»			+
«Полиотраслевой регион»	+		
«Моноотраслевой регион»			+
«Географические особенности»	+		
«Экономические особенности»	+		
«Исторические особенности»		+	
«Национальные особенности»			+
«Емкий внутренний рынок»		+	
«Размещение фирм»		+	
«Экономическая активность населения»		+	
«Дешевизна труда»		+	
«Производительность труда»		+	
«Эффект агломераций»			+
3-ая группа экспертов Представителей научной сферы Воронежской области (на основе 35 опрошенных экспертов)			
«Агропромышленная специализация»	+		

ция»			
«Промышленная специализация с преобладанием предприятий машиностроения»		+	
«Транспортные и логистические услуги»		+	
«Финансовые услуги»		+	
«Административные функции»		+	
«Торговля»	+		
«Добывающая промышленность»			+
«Туризм, развлечения»			+
«Регион-лидер»			+
«Регион-пионер»			+
«Стагнирующий регион»		+	
«Кризисный регион»		+	
«Экстремальный регион»			+
«Открытый регион»	+		
«Замкнутый регион»			+
«Полиотраслевой регион»	+		
«Моноотраслевой регион»			+
«Географические особенности»	+		
«Экономические особенности»	+		
«Исторические особенности»		+	
«Национальные особенности»			+
«Емкий внутренний рынок»			+
«Размещение фирм»		+	
«Дешевизна труда»		+	
«Экономическая активность населения»		+	
«Производительность труда»			+
«Эффект агломераций»			+

Обобщая проведенное исследование, отметим, что с точки зрения представителей первой, второй и третьей групп экспертов, к наиболее существенным признакам для разработки стратегии субъектов РФ относятся: «агропромышленная специализация»¹⁷⁶, «открытость», элементы лидерства, «полиотраслевой признак регионального развития», «географические» и «экономические особенности», «емкий внутренний рынок» и «размещение фирм», «экономическая активность» и «дешевизна труда», «исторические особенности» и «производительность труда».

¹⁷⁶ Доля признака в ВРП или по отношению к ВРП в 2009 г. составила 24,88%

Отметим признаки, которые оказывают слабое влияние на разработку стратегий. С точки зрения представителей органов власти и управления Воронежской области такими можно считать – «дешевизну труда». С точки зрения представителей малого и среднего бизнеса Воронежской области – «финансовые» и «административные функции». С точки зрения представителей научной сферы – «емкий внутренний рынок».

В качестве несущественных признаков, для разработки стратегий, исходя из точек зрения трех групп экспертов являются: «добывающая промышленность», «туризм и развлечения», «эффект агломераций» и «производительность труда».

Предложим к каждому признаку регионального развития соответствующий показатель для совершенствования разработки стратегий, что представлено в таблице 3.

Таблица 3 – Соотнесение признаков регионального развития со статистическими показателями для совершенствования процесса разработки региональных стратегий субъектов РФ

Признак регионального развития	Статистический показатель
«Агропромышленная специализация»	-продукция сельского хозяйства, млн. руб.
«Промышленная специализация с преобладанием предприятий машиностроения»	-производство машин и оборудования в % к предыдущему году
«Транспортные и логистические услуги»	-грузооборот транспорта общего пользования, млрд. т-км.; -пассажирооборот транспорта общего пользования, млн. пассажиро-км.
«Финансовые услуги»	- инвестиции в основной капитал, млн. руб.; - доходы консолидированного бюджета, млн. руб.; - расходы консолидированного бюджета, млн. руб.; -число филиалов банков, ед.; -кредитные вложения в экономику (на конец года), млн. руб.
«Административные функции»	-численность работников государственных органов субъектов РФ и органов местного самоуправления, (чел.).
«Торговля»	-оборот оптовой торговли, (млн. руб.); - оборот розничной торговли, (млн. руб.)
«Добывающая промышленность»	- добыча полезных ископаемых, млн. руб.
«Туризм, развлечения»	- число санаториев и учреждений отдыха, ед.;

	<ul style="list-style-type: none"> - учреждений культурно-досугового типа, ед.; -число реализованных населению туристических путевок всего, ед.
«Регион-лидер»	<ul style="list-style-type: none"> - объем выполненных научно-технических работ, млн. руб.; - число созданных передовых производственных технологий, ед.; -число используемых передовых производственных технологий, ед.; - объем инновационных товаров, работ, услуг, млн. руб.
«Открытый регион»	<ul style="list-style-type: none"> - поступление иностранных инвестиций в экономику, тыс. долл. США; - внешнеторговый оборот, тыс. долл. США; -инвестиции в основной капитал организаций с участием иностранного капитала, млн. руб.; -коэффициент миграционного прироста на 10 тыс. человек населения
«Полиотраслевой регион»	- объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам деятельности, млн. руб.
«Географические особенности» (на примере Воронежской области с учетом агропромышленной специализации)	-структура продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств, в %.
«Экономические особенности» (на примере Воронежской области с учетом агропромышленной специализации)	<ul style="list-style-type: none"> - обрабатывающие производства, млн. руб.; -промышленное производство, в % к предыдущему году.
«Емкий внутренний рынок»	<ul style="list-style-type: none"> - среднедушевые денежные доходы населения руб. в месяц; - среднемесячная начисленная заработная плата работников по видам экономической деятельности, руб.; -коэффициент Джини (индекс концентрации доходов).
«Размещение фирм»	<ul style="list-style-type: none"> - число хозяйствующих субъектов (на конец года), ед.; -распределение предприятий и организаций по видам экономической деятельности, ед.; -распределение предприятий и организаций по организационно-правовым формам, ед.
«Экономическая активность населения»	- среднегодовая численность занятых в экономике, тыс. чел.
«Дешевизна труда»	- реальная начисленная заработная плата одного работника, в % к предыдущему году.
«Производительность тру-	- уровень занятости;

да»	- уровень безработицы; - трудовые ресурсы, тыс. чел.
«Эффект агломераций»	- ввод в действие жилых домов, тыс. м ² общей площади; - объем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство» млн. руб.

Исходя из проведенных исследований, необходимо включить в стратегии развития субъектов РФ такие показатели, как: производство машин и оборудования; объем выполненных научно-технических работ; численность предприятий; внешне-торговый оборот; транспортные перевозки по видам транспорта общего пользования; пассажирооборот транспорта общего пользования; оборот розничной и оптовой торговли; число хозяйствующих субъектов торговли; объем выполненных научно-технических работ; показатель деятельности кредитных организаций; среднегодовая численность занятых в экономике (трудовые ресурсы); объем обрабатывающих производств; промышленное производство; доходы и расходы консолидированного бюджета.

Таким образом, каждому региону необходимо учитывать и включать в стратегию регионального развития следующие существенные признаки: «региональная специализация», «открытость», элементы лидерства, «полиотраслевой признак регионального развития», «географические» и «экономические особенности», «емкий внутренний рынок» и «размещение фирм», «экономическая активность» и «дешевизна труда», «исторические особенности» и «производительность труда». Данные региональные признаки сопоставляются с предложенными показателями и могут быть также включены в стратегию Воронежской области в качестве основных показателей, что позволяет управлять регионом в рамках выбранных приоритетов, исходя их разработанной стратегии регионального развития. Выбор приоритетных показателей регионального развития значительно экономит региональные ресурсы (управленческие, материальные, экономические), что способствует достижению целей регионального развития в более короткий промежуток времени.

К.А. Чернов

Методика совершенствования стратегии социально-экономического развития регионов

В статье рассматривается авторская методика для совершенствования процесса разработки стратегии социально-экономического развития регионов на основе отбора существенных признаков регионального развития. Основной акцент сделан на изучение мнения сотрудников органов власти и управления, малого и среднего бизнеса и научной сферы о значимости различных признаков. Полученные результаты можно рекомендовать для разработки стратегии регионов РФ, а методический подход к оценке признаков – для экономических систем мезоуровня.

Ключевые слова: регион, стратегия, стратегическое управление, существенные признаки, разработка стратегии социально-экономического развития регионов

K.A. Chernov

Methodology for improving of strategy of regional socio-economic development

In the article the author's Methodology to improve the process of developing the strategy of socio-economic development of regions based on the selection of essential signs of regional development. The basic accent is made on studying of opinion the bodies of power and management, small and medium business and scientific sphere about the importance of essential signs. The obtained results can be recommended for the development strategies of the regions of the Russian Federation, and the methodical approach to the assessment of essential signs - economic systems of the meso-level.

Key words: region, strategy, strategic management, essential signs, developing the strategy of socio-economic development

Библиографический список

1. Официальный портал Администрации Санкт-Петербурга Размещено на сайте: <http://client146-236.cmk.ru/day> 22.06.2012 г.
2. Трубникова В.В., Савенкова А.В. Организация взаимодействия реального и банковского секторов экономики территорий/ В.В. Трубникова, А.В. Савенкова// Региональная экономика теория и практика. – 2011. – № 20. – С. 39.
3. Постановление Правительства Республики Башкортостан «О стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2020 года» от 30.09.2009 г. № 370. – 2009. – 66 с. Размещено на сайте: minecon.bashkortostan.ru/netcat_files/689/609/h_6c850f1190b6fcd981f81a6effe66754 18.04.2012 г.
4. Крымов В.Б. Социально-экономическое развитие Московской области/ В.Б. Крымов// Федеративные отношения и региональная экономическая политика. – 2008. – №11. – С. 17-18.
5. Федорович В.О., Бунтуш Т.В. Анализ тенденций развития организационных форм производственного комплекса сибирского региона (на примере Новосибирской области)/ В.О. Федорович, Т.В. Бунтуш // Федеративные отношения и региональная экономическая политика – 2006. – №2. – С. 46-53.
6. Кресс В.М. Региональная социально-экономическая политика Томской области/ В.М. Кресс //Федеративные отношения и региональная экономическая политика. – 2004. – №6 – С. 60-68.
7. Чернов К.А. Существенные признаки для разработки социально-экономической стратегии региональной экономики в рамках совершенствования стратегического управления на примере Воронежской области / В.Ю. Падалкин, К.А. Чернов // Финансы. Экономика. Стратегия. Серия: “Инновационная экономика: человеческое измерение”. – 2012. – № 6 (56). – С. 14-18

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПРОВЕДЕНИЯ АНАЛИЗА КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ

Разработка стратегии достижения конкурентных преимуществ базируется на результатах предварительного анализа предприятия и его возможностей. Большинство авторов предлагают общеизвестные методы анализа внешней и внутренней среды предприятия, а именно. SWOT- анализ, PEST - анализ, матрицы BCG и McKinsey (рис.1).

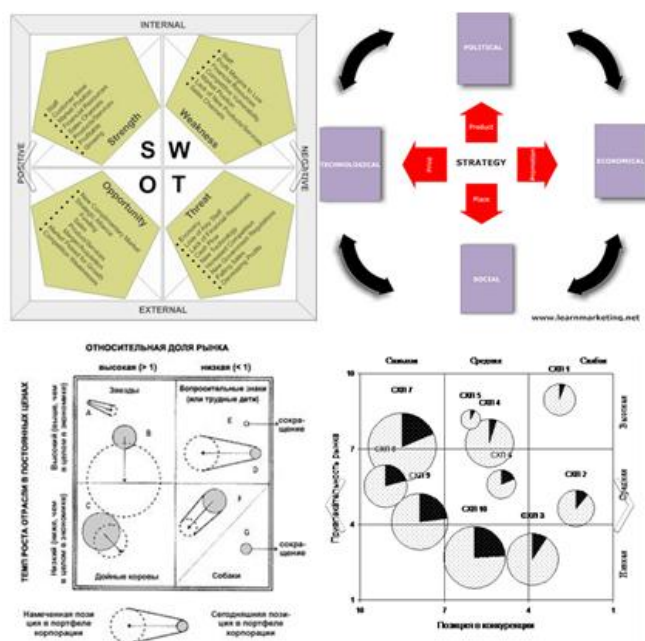
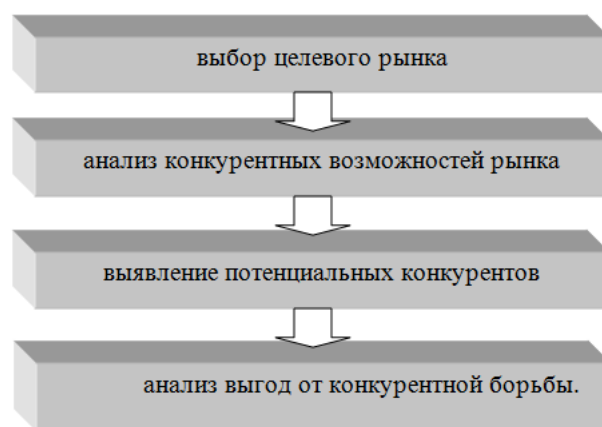

Рисунок 1 - Инструментарий проведения анализа конкурентных преимуществ

Последовательность определения конкурентного положения предприятия на рынке можно представить в виде последовательных этапов (рис. 2).

Рисунок 2 – Этапы проведения конкурентного анализа

Принятие управленческого решения, об изменении сегмента целевого рынка должно базироваться на результатах изучения рынка и их анализе. Тем не менее, этап выявления потенциальных конкурентов, предполагающий лишь анализ потенциальных конкурентов, необходимо дополнить анализом предприятий - поставщиков, покупателей и анализом рынка рабочей силы.

Такие авторы, как Ж. Ламбен, С.А. Попов, О.С. Виханский предлагают следующую последовательность анализа¹⁷⁷:

- а) анализ макроокружения предприятия;
- б) анализ непосредственного окружения предприятия ;
- в) анализ внутренней среды.

Для разработки стратегии достижения конкурентных преимуществ наибольшее внимание при анализе внутренней среды должно уделяться анализу продукции предприятия с целью выявления ее конкурентных преимуществ и недостатков по сравнению с продукцией конкурента. Однако поскольку продукция является результатом работы всей системы организации, необходим тщательный сравнительный анализ всех функциональных подсистем предприятия для определения ключевых факторов, на которых должна основываться будущая стратегия. Для анализа внутренней среды рекомендуется применение SNW - анализа, позволяющего определить сильные (S), нейтральные (N) и слабые параметры (W) в деятельности предприятия по отношению к конкурентам. Многие специалисты считают, что для оценки конкурентоспособности региона достаточ-

¹⁷⁷ Толстых, Митина, Ищенко, Шеина, 2009.

но оценить конкурентоспособность предприятий и организаций. При этом существует довольно большое количество методов оценки¹⁷⁸. Анализируя полученные результаты и ход проведения известных методик можно предложить методику стратегического анализа, в которой большое внимание уделяется вопросам выявления конкурентных преимуществ и недостатков. Необходимость разработки методики - анализа внешней и внутренней среды обусловлена тем, что возникает необходимость акцентировать внимание на определении конкурентной позиции и поэтому не всегда могут быть использованы для определения стратегии достижения конкурентных преимуществ (рис. 3).

Охарактеризуем перечисленные этапы анализа и применяемые методы анализа. На этапе сбора информации осуществляется сбор, группировка и первичная обработка следующих данных о внешней среде:

- статистическая информация общеэкономического характера, а также показатели отрасли и смежных отраслей;
- результаты маркетинговых исследований;
- отношение к деятельности предприятия и др.

Набор данных о внутренней среде должен включать:

- информацию о составе имущества предприятия;
- информацию о собственниках предприятия и их долях в уставном капитале;
- информацию о поставщиках и покупателях;
- организационную структуру предприятия;
- информацию о кадровом составе и квалификации работников;
- плановую информацию предприятия, а именно: бизнес-план, план производства и продаж, информацию о выполнении планов в предыдущие периоды, план капитальных вложений, планы функциональных подразделений;
- финансовую информацию: результаты финансового анализа, характеристику структуры капитала, эффективности инвестиционных затрат, финансовой дисциплины, информацию об участии в других организациях, данные о портфеле ценных бумаг;
- маркетинговую информацию: рынки сбыта продукции, сегменты рынков, условия продаж, систему, сбыта, потенциальных

---

¹⁷⁸ Котлер, 2008.

покупателей, основных и потенциальных конкурентов, оценку рекламной деятельности;

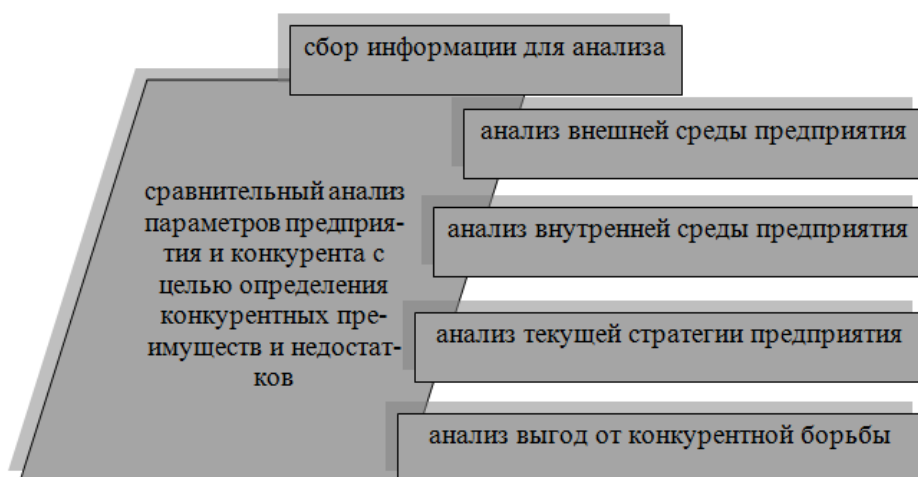
– производственную информацию: состав основных производственных фондов и их технологическую характеристику, длительность производственного цикла, характеристику технологии изготовления изделий, характеристику системы управления производственными запасами, характеристику системы управления качеством продукции, квалификацию производственного персонала; производственную структуру и др.;

– управленческую информацию: квалификацию управленческих работников, должностные инструкции, обеспеченность автоматизированными средствами, тип руководства;

– стратегическую информацию: характеристику текущей стратегии предприятия, предыдущие стратегические планы предприятия и их обоснование, анализ причин успехов и неудач;

– информацию о продукции: технических, экономических, экологических, эргономических, нормативных и иных характеристиках.

Рисунок 3 – Методика анализа внешней и внутренней среды

Анализ внешней среды организации включает в себя анализ макросреды и микросреды. Анализ макросреды – общеэкономической ситуации в стране местонахождения предприятия, а также странах-партнерах. Анализ микросреды предполагает характеристику ситуации в более, узком географическом районе, в котором функционирует предприятие (город, область).

Анализ макро- и микросреды организации целесообразно проводить с использованием метода PEST, предполагающего оценку тенденций, имеющих существенное значение для выбора стратегии организации. В ходе PEST-анализа рассматриваются основные направления развития политической, экономической, социальной и технологической ситуации в анализируемом географическом районе (страна, город).

Кроме того; анализ внешней среды включает анализ непосредственного окружения предприятия, которое составляют покупатели, поставщики, конкуренты. Здесь целесообразно использовать модель анализа пяти сил конкуренции М. Портера для того, чтобы определить степень зависимости предприятия от действий, данных контрагентов.

Анализ покупателей предполагает составление профиля покупателя по следующим характеристикам:

- географическое местоположение;
- демографические характеристики;
- социально-психологические характеристики;
- отношение покупателя к продукту.
- концентрированность поставщика на работе с клиентами;
- важность для поставщика объёмов продаж;
- важность для фирмы связей именно с этим поставщиком и стоимость возможной замены.

Анализу конкурентов в нашем случае отводится особая роль. На данном этапе дается общая характеристика деятельности конкурирующих предприятий и перспективности их развития, определяются основные конкуренты, представляющие наибольшую угрозу достижению целей предприятия на данном рынке¹⁷⁹.

Целью анализа внутренней среды предприятия является - определение тенденции развития предприятия, выявление внутренних возможностей для этого развития. Таким образом, основные экономические показатели работы предприятия анализируются в динамике.

Наиболее важным этапом анализа является сравнительный анализ параметров деятельности предприятия с фирмой-конкурентом. Этот анализ может проводиться параллельно с анализом внутренней среды предприятия и служит главной це-

---

¹⁷⁹ Виханский, 1998.

ли всего анализа - выявлению конкурентных преимуществ и недостатков фирмы. С помощью сравнения тех или иных характеристик исследуемой организации с основными конкурентами можно определить сильные и слабые стороны организации с тем, чтобы в дальнейшем выработать стратегический план по усилению сильных сторон и улучшению положения по слабым параметрам. Для целей сравнительного анализа был разработан в системе моделирования бизнес-процессов список параметров деятельности предприятия (Рис. 4).

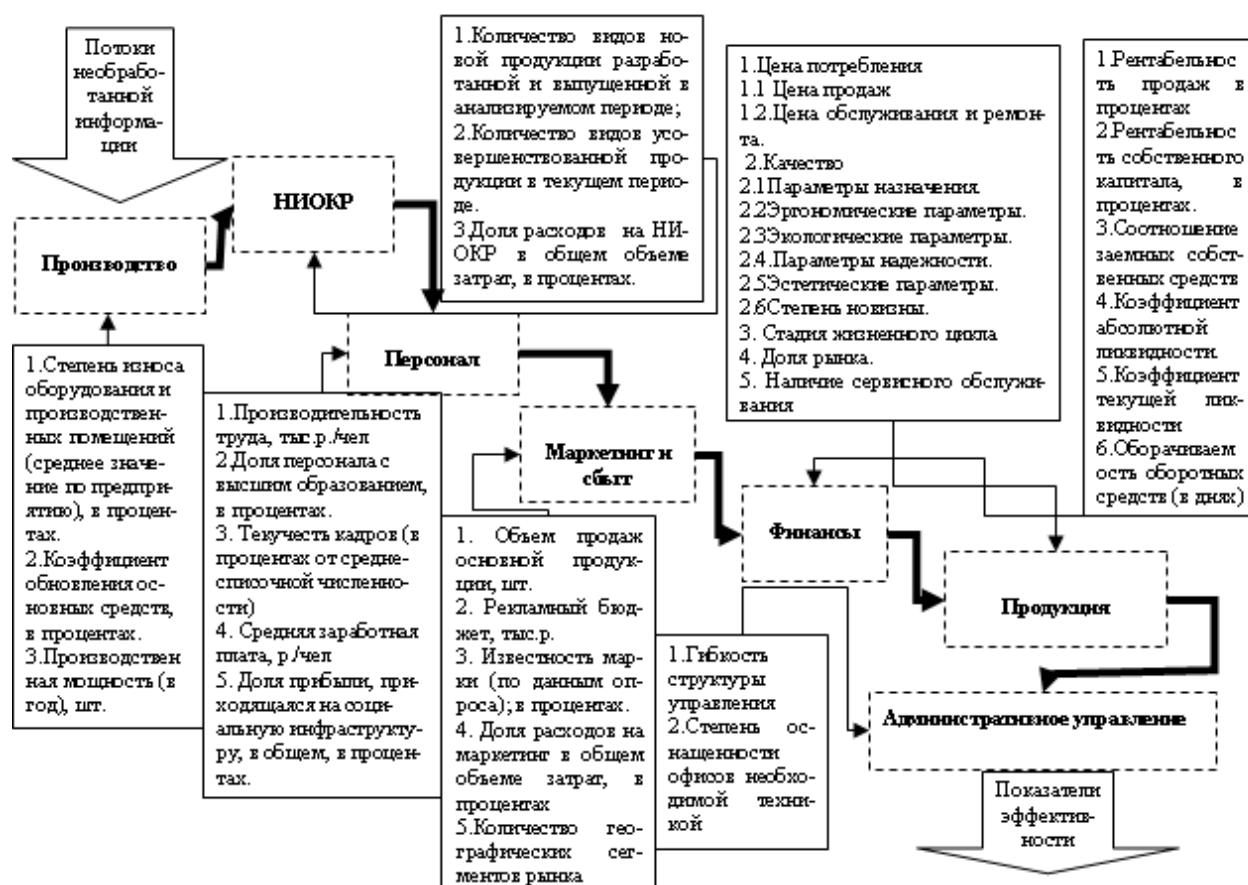

Рисунок 4 - Декомпозиция параметров деятельности предприятия

Анализируется основная продукция, которая оценивается по каждой позиции ассортиментного ряда. Далее проводится анализ продукции предприятия с позиций модели его жизненного цикла, определяется рыночная позиция, по модели BCG. Следующим шагом является построение модели SWOT, соче-

тающей в себе возможности и угрозы внешней среды и выявленные, сильные и слабые стороны организации. Этот метод позволяет комплексно оценить положение фирмы и выработать мероприятия по превращению слабых сторон в сильные, а угроз - в возможности. После оценки положения предприятия на рынке, определения сильных и слабых сторон, необходимо уяснить, соответствует ли проводимая стратегия существующей позиции. Если да, то сложившаяся ситуация рассматривается как результат реализации стратегии и проводится GAP-анализ, позволяющий определить разрыв между желаемым положением фирмы и существующим. Проведение GAP-анализа предполагает следующую последовательность действий:

- а) сравнение прогнозных значений прибыльности фирмы с фактическими и определение причин их несоответствия;
- б) сравнение прогнозных и фактических результатов инвестиций фирмы;
- в) определение того, насколько согласованными являются цели каждого бизнеса с общими целями организации.

Если же обнаруживается, что изменились цели предприятия и проводимая стратегия не соответствует им, необходимо определить оптимальную стратегию, опираясь на проведенный анализ среды, сильных и слабых сторон и возможностей и новые цели предприятия. Важными итоговыми показателями деятельности предприятия в условиях конкурентной борьбы являются привлечение новых клиентов, увеличение доли предприятия на рынке и увеличение прибыли от продажи продукции и услуг.

И.В. Ищенко

Инструментарий проведения анализа конкурентных преимуществ

В работе рассмотрены вопросы, посвященные использованию инструментария анализа конкурентных преимуществ.

Ключевые слова: маркетинговый подход, конкурентные преимущества

I.V. Ischenko

The Toolkit analysis of competitive advantages

The paper considers the issues of application of the Toolkit analytical chemistry benefits.

Keywords: marketing approach, competitive advantage.

Библиографический список

1. Андерсен Б. Бизнес-процессы: инструменты совершенствования: Пер. с англ. СВ. Ариничева / Научн. ред. Ю.П. Адлер. — М.: РИА Стандарты и качество. — 2007.
2. Виханский О.С. /Стратегическое управление [Текст]:учебник.- Изд-во: Гардарика,1998.-296с.
3. Дихтль Е., Хершген Х. Практический маркетинг. М.: Высшая школа-1995.
4. Ковалев С.М. Выбор бизнес-процессов для оптимизации // Консультант директора. — 2005.
5. Котлер Ф. Маркетинг менеджмент. СПб: Питер Ком - 2008.
6. Репин В.В., Елиферов В.Г. Процессный подход к управлению. Моделирование бизнес-процессов. - М.: РИА Стандарты и качество. - 2007.
7. Толстых Т.О., Митина Н.Н., Ищенко И.В., Шеина Ю.В. Формирование систем управления конкурентоспособностью региональных социально-экономических кластеров [Текст]: монография. - .: Изд-во «РГТЭУ», 2009. – 155с.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ГЕНЕЗИСА ФАШИЗМА

Комментируя проблемы генезиса фашизма и суммируя выводы предшественников, российский историк А.А. Галкин¹⁸⁰ выделял четыре интерпретации этого явления. По мнению А.А. Галкина, первой стала гипотеза, в рамках которой фашизм понимается как «социально-психологическое, политическое и идеологическое выражение интересов конкретных социальных групп». Сторонники второй гипотезы, наоборот, видят в фашизме «проявление исторически обусловленного болезненного общественного сознания». Третья версия сводится к восприятию фашизма как явления лишенного некой исторической целостности и, поэтому, представленного «частными проявлениями, не связанными друг с другом». Четвертая интерпретация «растворяет» фашизм в тоталитаризме. Не принимая ни одно из этих объяснений, А.А. Галкин выдвинул «авторскую гипотезу», которая объясняла бы генезис фашизма. По мнению А.А. Галкина, появление фашизма (а значит и интегрализма) следует связывать с целым рядом факторов. А.А. Галкин воспринимает фашизм как «иррациональную, неадекватную реакцию общества на острые кризисные процессы». Кроме этого, А.А. Галкин склонен рассматривать фашизм как «феномен XX века» (поэтому «искать фашизм в прошлом – бессмысленно»), порожденным именно кризисами и проявившимся в массовых движениях.

В отечественной и зарубежной историографии относительно генезиса и истоков фашизма высказываются различные точки зрения, хотя все интерпретации этого явления условно можно разделить на три группы. При этом, значение всех интерпретаций фашизма весьма относительно и условно, на что, например, указывает немецкий историк Эрнст Нольте, подчеркивающий, что «утверждение, что фашизм “реакционен”, не ложно, но слишком неопределенно в своей общности; утверждение, что он является следствием секуляризации, содержит значительное понимание, но и оно не постигает фашизма, так

---

¹⁸⁰ Галкин, 1995.

как его не различает»¹⁸¹. Другой критик советской модели Л. Троцкий, воспринимая фашизм как движение преимущественно мелкобуржуазное¹⁸², был еще более категоричен, указывая на методологические заблуждения советских авторов в оценке фашизма: «сталинская "теория" фашизма представляет собою несомненно один из наиболее трагических примеров того, какие пагубные последствия может иметь подмена диалектического анализа действительности... абстрактными категориями на основе частичного и недостаточного исторического опыта (или узкого и недостаточного кругозора). Сталинцы усвоили себе ту мысль, что финансовый капитал в современную эпоху не может ужиться с парламентарной демократией и вынужден прибегать к фашизму. Из этого положения, которое в известных пределах, совершенно правильно, они чисто-дедуктивным, формально-логическим путем делали одни и те же выводы для всех стран и для всех этапов развития: Примо-де-Ривера, Муссолини, Чан-Кай-Ши, Массарик, Брюнинг, Дольфус, Пилсудский, сербский царь Александр, Зеверинг, Макдональд и пр. являлись для них носителями фашизма. При этом они забывали, что капитализм и в прошлом никогда не уживался с "чистой" демократией, всегда дополняя, а иногда и заменяя ее режимом голой репрессии... "чистого" финансового капитализма нигде не существует... даже занимая господствующее положение, финансовый капитал действует не в безвоздушной среде и вынужден считаться с другими слоями буржуазии и с сопротивлением угнетенных классов... между парламентской демократией и фашистским режимом вклинивается неизбежно ряд переходных форм, которые сменяют друг друга то "мирно", то посредством гражданской войны, причем каждая из этих переходных форм, если мы хотим двигаться вперед, а не быть отброшенными назад, требует правильной теоретической оценки и соответственной политики пролетариата»¹⁸³.

Несколько иную точку зрения на генезис недемократических режимов (необязательно фашистских) высказывал Ираклий Церетели, который полагал, что на определенном этапе фактически демократические группы – левые и правые – оказались психологически неготовы к борьбе за власть и удержание власти, что создало благоприятные условия для их более агрессивных

---

¹⁸¹ Нольте, 2001.

¹⁸² Троцкий, 2012. С. 73 – 77.

¹⁸³ Троцкий, 2012. С. 68 – 72.

оппонентов как из правого, так и левого политического лагеря, которые И. Церетели определялись как «левый и правый экстремизм»¹⁸⁴. С другой стороны, Л. Троцкий также полагал, что определить единственную социальную базу фашизма не так просто и, поэтому, указывал на то, что буржуазия может лавировать между фашистскими и социал-демократическими группами¹⁸⁵, поддерживая в зависимости от ситуации первых или вторых. В подобной ситуации, вероятно, необходимо отказаться от склонности к социально-экономическому детерминизму, идеологически выверенных описаний и написаний истории, но надлежит признать, что фашизм был не только универсальным, но и уникальным историческим и политическим, интеллектуальным и социальным явлением, с которым с XX века столкнулся западный мир.

Первая группа представлена теми исследованиями, авторы которых были склонны видеть в фашизме или продолжают его рассматривать как часть социально-экономической и частично политической истории. Подобные версии истории фашизма доминировали в советской историографии и в национальных исторических науках стран Центральной и Восточной Европы¹⁸⁶ в период существования там коммунистических режимов. Социально-экономическая интерпретация фашизма оказалась не только активно критикуемой¹⁸⁷, но и основанной на последовательной демонизации движения и создания его негативного образа¹⁸⁸, но самой ранней попыткой его оценки, но и проявила значительные потенции и адаптивные способности: уже в первой половине 1920-х годов советскими историками фашизм рассматривался исключительно в контексте его «классовой почвы»¹⁸⁹ и воспринимался как неудачная «попытка средних классов вести самостоятельную политику»¹⁹⁰, «последняя форма буржуазной диктатуры... результат надвигающейся на буржуазный мир опасности пролетарской революции. Фашизм есть реакция буржуазии против этой опасности... фашизм – это явная, ничем не прикрытая диктатура... последняя форма бур-

---

¹⁸⁴ Церетели, 2010. С. 198 – 214.

¹⁸⁵ Троцкий, 2012. С. 10 – 26.

¹⁸⁶ Ryszka, 1974; Жарновский, 1981; Йонца, 1981; Рышка, 1981.

¹⁸⁷ Молер, 2007.

¹⁸⁸ Жестяников, 1932; Григорьев, Матвеев, 1930; Минский, 1930; Марабини, 1934.

¹⁸⁹ Иорданский, 1923.

¹⁹⁰ Мюнцберг, Томпсон, 1925. С. 8.

жуазной государственной власти»¹⁹¹. Поэтому, в советской историографии часты были оценки фашизма как политического явления, порожденного изменой и предательством социал-демократии (поэтому и был запущен в оборот не столь удачный, но откровенно идеологический термин «социал-фашизм», критикуемый политическими эмигрантами из СССР, в том числе – и Л. Троцким¹⁹²) и «сомнениями господствующего класса в способности решить экономические и социальные проблемы» в рамках буржуазной демократии¹⁹³. Подобные настроения оказались не только устойчивыми, но и заразительными. В продвижении таких объяснений фашизма были замечены и некоторые итальянские левые публицисты¹⁹⁴, которые объясняли генезис фашизма как предательством буржуазных правящих кругов, так и спецификой социально-экономического развития Италии. Аналогичные интерпретации доминировали в текстах и других европейских левых авторов, которые, например, рассматривали фашизм как «порождение монополистического капитала и крайней империалистической реакции»¹⁹⁵.

В первой половине 1920-х и в 1930-е годы генезис фашизма советскими историками рассматривался исключительно в социально-экономическом контексте¹⁹⁶ и связывался с рядом условий, а именно – с «неустойчивостью капиталистических отношений, наличием значительных деклассированных социальных элементов, обнищанием широких слоев мелкой городской буржуазии и интеллигенции, недовольством деревенской мелкой буржуазии и постоянной угрозой массовых выступлений пролетариата»¹⁹⁷, а сам фашизм воспринимался как «метод управления и господства буржуазии... продукт империализма, монополистической эпохи капитализма»¹⁹⁸. «Одни считали его реакци-

---

¹⁹¹ Мещеряков, 1923. С. 7 – 68.

¹⁹² Лев Троцкий указывал в большей степени на идеологическое содержание термина «социал-фашизм»: «коммунистическая партия, несмотря на исключительно благоприятные условия, оказалась бессильной серьезно потрясти здание социал-демократии при помощи формулы “социал-фашизма”, то реальный фашизм угрожает теперь этому зданию уже не только словесными формулами мнимого радикализма, но и химическими формулами взрывчатых веществ». См.: Троцкий, 2012. С. 23.

¹⁹³ Ачкинази, 1985.

¹⁹⁴ Алатри, 1961. С. 59 – 156.

¹⁹⁵ Зорбалас, 1981. .

¹⁹⁶ Сандомирский, 1924.

¹⁹⁷ Жестяников, 1932. С. 13.

¹⁹⁸ Минский, 1930.

онным явлением, другие – революционным; для одних это было совокупное обозначение всех противников их собственной партии, для других – небольшой фрагмент некоторой традиционной позиции»¹⁹⁹, – подчеркивает немецкий историк Э. Нольте, комментируя объективные сложности и трудности, связанные с изучением фашизма. Подобный разброс мнений в рамках социально-экономической традиции описания и объяснения фашизма связан с тем, что сообщество его исследователей, начиная с 1920-х годов, никогда не было единым, а, наоборот, предстает в значительной степени расколотым по политическим и идеологическим предпочтениям. В этом отношении европейские и не-европейские фашизмы могут восприниматься как последние всплески активной политики²⁰⁰, противостояния различных идеологий, на смену которым после завершения второй мировой войны, хотя и приходит «холодная война», которая, однако, сменилась «разрядкой» и финальный конец политики, ознаменованный распадом СССР, кажущимся триумфом демократии и западных ценностей и вытеснением политики как процесса политическими технологиями как его имитацией.

Тем не менее, социально-экономические объяснения и интерпретации фашизма доминировали в текстах зарубежных теоретиков коммунистического движения²⁰¹, которые в 1930-е годы испытывали явную методологическую зависимость от Москвы. Позднее советские историки несколько отошли от подобных идеологически выверенных оценок, хотя общая направленность интерпретаций в целом значительных изменений не претерпела и, поэтому, фашизм продолжал восприниматься как «орудие господства буржуазии»²⁰², а его генезис анализировался исключительно в социально-экономических категориях, связываясь и соотносясь с «общим кризисом капитализма»²⁰³ и прочими многочисленными идеологическими клише, которые доминировали в советской историографии. С социально-экономическими определениями фашизма связаны и попытки его сугубо политологического объяснения и восприятия как «идеологически мотивированной и символически выверенной социальной экзальтации»²⁰⁴ или проявления антилиберальных

---

¹⁹⁹ Нольте, 2001.

²⁰⁰ Рансьер, 2006.

²⁰¹ Пальм Датт, 1935.

²⁰² Ежов, 1978.

²⁰³ Бланк, 1978. С. 5.

²⁰⁴ Тодоров, 1991.

настроений²⁰⁵. В этом отношении политологические теории и дефиниции фашизма – не более чем частный случай социально-экономической парадигмы, который от классической ее версии отличается лишь чисто внешним невниманием к социально-экономической стороне и формальным отказом от приверженности к идеологии. Подобные социально и экономически выверенные версии истории появления фашизма в советской историографии доминировали почти безраздельно, что затрудняло появление других интерпретаций, которые, поэтому, возникли относительно поздно, в постсоветской историографии.

Вторая интерпретация фашизма возникла немного позже первой и сводится к его восприятию как преимущественно психологического явления и феномена. В частности, В. Райх²⁰⁶ был склонен видеть в фашизме не только «чисто реакционное явление», но и «совокупность всех иррациональных характерологических реакций обиденного человека»²⁰⁷. В некоторой степени сходная точка зрения оказалась представленной и в работе немецкого социолога Норберта Элиаса «Ощество индивидов»²⁰⁸. Не занимаясь специально изучением феномена фашизма и прочих радикальных правых движений, Н. Элиас, тем не менее, показал и рассмотрел те социальные механизмы, которые содействовали отдалению человека от того сообщества, к которому он мог принадлежать, что влияла на его дальнейшую политизацию, толкавшей, в том числе, и в стан правых. Сторонники третьей, в значительной степени альтернативной двум предыдущим точки зрения, рассматривают фашизм как логичное продолжение культурной и интеллектуальной истории Запада. Примечательно, что подобная, казалось бы, умеренная и академическая версия истории фашизма и более поздних, но генетически связанных с ним движений, в постсоветской историографии оказалась едва ли не маргинальной. Попытки ее использования как в отношении германской²⁰⁹, так и бразильской²¹⁰ истории встречают не самые позитивные оценки, но именно на восприятии бразильского интегрализма как формы фашизма, возникшей в результате культурных и интел-

---

²⁰⁵ Тайър, 2009.

²⁰⁶ Рыклин, 2002.

²⁰⁷ Райх, 1997.

²⁰⁸ Элиас, 2001.

²⁰⁹ Пленков, 1997; Пленков, 2005; Пленков, 2004; Пленков, 2011; Артамошин, 2002; Артамошин, 2011.

²¹⁰ Кирчанов, 2007; Кирчанов, 2013.

лектуальных трансформаций и построено настоящее исследование.

Истоки концепции, которой руководствуется автор настоящего исследования, спорны и в значительной степени дискуссионны. Определенные ее элементы, вероятно, могут быть найдены в интеллектуальной истории. В частности, Людвиг фон Мизес подчеркивал, что генезис правоавторитарных режимов не следует редуцировать до особой роли крупной монополистической буржуазии, полагая, что «распространенная теория о том, что инициаторами немецкого национализма были юнкеры и офицеры, крупные промышленники и финансисты, а также средние классы, противоречит фактам»²¹¹. Наибольшую роль в становлении и развитии компромиссной и в значительной степени синтетической версии истории появления фашизма сыграл британский политолог Роджер Гриффин²¹², который неоднократно указывал на актуальность дальнейшего развития научных штудий, посвященных фашизму «в контексте изучения политической и художественной культуры тоталитарных режимов»²¹³. Кроме этого, по предположению Р. Гриффина, в западной историографии фашизма и связанных с ним правых движений сложился «новый консенсус»²¹⁴, в рамках которого фашизм воспринимается как «революционная форма ультра национализма, стремящаяся реализовать миф возрождения нации». Правда, британский историк вынужден практически сразу оговориться, признав, что «история научного консенсуса в исследованиях фашизма неизбежно будет короткой, так как даже оптимисты вроде меня не могут утверждать, что этот консенсус существует больше десяти лет... он является лишь частичным, многими оспаривается и... проявляется только в англоязычном сегменте гуманитарной науки... до настоящего момента изображенный мной “новый консенсус”, возможно, выглядел как чисто абстрактное явление, никак не соотносящееся с историографией... в течение последних 15 лет несколько специалистов стали спонтанно применять теории фашизма к отдельным историческим эпизодам. В этих интерпретациях идея тотализирующего, революционного (палингенетического) варианта ультра-

---

²¹¹ Мизес, 2006. С. 187.

²¹² Griffin, 1991; Griffin, 1999. P. 95 – 114; Griffin, 2007; Griffin, 2008. P. 46 – 68; Griffin, 1998; Griffin, Loh, Umland, 2006; Умланд, 1996; Гриффин, 2010.

²¹³ Гриффин, 2006.

²¹⁴ Baldoli, 2003; Bauerkämper, 2006; Berezin, 1997; Iordachi C, 2009.

национализма выступает, по меньшей мере, основной частью “фашистского минимума”, если не самым минимумом... наилучшим подтверждением распространения “нового консенсуса”, является тот факт, что отдельные историки, чей подход коренится в марксистской традиции, недавно стали признавать регенеративный аспект фашистского мировоззрения»²¹⁵.

Эта, столь пространная цитата из работы британского историка, в большей степени имеет отношение, к сожалению, почти исключительно к западной, преимущественно – англоязычной, историографии. Поэтому, она нуждается в необходимом комментарии, связанном с трансплантацией положений консенсуса, о котором пишет Р. Гриффин, на почву несоветских историографий. Консенсус, анализируемый британским автором, практически не имеет проявлений в российской историографии фашизма, особенно – в ее региональноспециализированных формах, к которым принадлежит латиноамериканистика. Российское бразиловедение продолжает развиваться инерционно, круг и спектр изучаемых проблем чрезвычайно ограничен. Поэтому, интегрализм, в отличие от всякого рода маргинальных левых течений, никогда не относился к числу активно изучаемых тем. В подобной ситуации в отношении интегрализма как частного и национального случая фашизма мы вынуждены констатировать не наличие консенсуса и даже не просто отсутствие такового, но застойную ситуацию, основанную на доминирующей роли старых, унаследованных от советской историографии концепций, которые в большей степени имеют отношение не к исторической науке, а к коммунистической идеологии.

Итак, попытавшись суммировать основные положения и позиции тех дискуссий и дебатов, о которых речь шла выше, Автор попытается предложить если не свое видение, авторскую концепцию проблем генезиса, определения и типологии фашизма, то, как минимум, подвергнуть ревизии те положения, которые представлены в предшествующей и весьма обширной историографической традиции, связанной с изучением фашизма. Необходимость отказа от преимущественно социально-экономических объяснений феномена фашизма необходима и очевидна в силу как ее одностороннего характера и игнорирования в ее рамках различных региональных особенностей в развитии фашизма и его национальных разновидностей. Поэтому,

---

²¹⁵ Гриффин, 2011.

генезис фашизма не может быть объяснен, как это делали советские историки, в контексте исключительно политики наиболее крупной и реакционной буржуазии.

Социально-экономический фактор, конечно, играл свою роль, но, вероятно, не она была наиболее важной и, как следствие, определяющей. Фашизм в целом и интегрализм, как его бразильскую версию, следует выводить не из социальной и экономической специфики страны, а из большого культурного и интеллектуального контекста, из истории бразильской классической литературы. В этом отношении, если итальянский фашизм был неким, весьма оригинальным порождением и продолжением католической традиции и футуризма, германский национал-социализм – немецкой классической культуры, реакционных романтиков и философов, то бразильский интегрализм стал ничем иным как творческим продолжением и переосмыслением тех идей и традиций, которые в XIX столетии были заложены в бразильской классической литературе. При этом предшественники фашизма не были представлены исключительно и только культурными тенденциями и трендами.

Политический и интеллектуальный фактор, связанный с более ранними и предшествующими культурными и идейными влияниями, играл также значительную роль в генезисе фашизма как родового явления и бразильского интегрализма как его национальной разновидности, хотя в литературе имели место попытки обосновать дискретный характер истории фашизма и отсутствие его связей с более ранними идеологиями, что, например, делал Л. фон Мизес, полагавший, что «фашизм возник как новая философия, неслыханная прежде и не известная другим народам»²¹⁶. Если европейские фашизмы могли в качестве своих исторических предшественников иметь разного рода консервативные и монархические, реакционные, организации, то и бразильский интегрализм не был исключением из этого правила. Подобно консервативной революции, которая сыграла одну из центральных ролей в возникновении европейского фашизма, аналогичные тенденции в Бразилии оказали свое влияние и на генезис интегрализма. В этом отношении палингенетическая теория генезиса фашизма, предложенная Р. Гриффином, кажется не только весьма актуальной, но и, к сожалению, недооцененной. Кроме этого в возникновении бразильского интегрализма сыграли важную роль три фактора, а именно –

---

²¹⁶ Мизес, 1993.

национализм, модернизация и зависимость со всеми вытекающими из них национальными процессами и институтами, которые оказали значительное влияние на развитие и трансформацию Бразилии.

Связь интегрализма как формы фашизма с национализмом кажется вполне очевидной и не нуждается в пространных комментариях в силу того, что европейские фашизмы не были чужды не только значительного интереса к фашизму, но и активного использования националистической риторики в политической борьбе. Фактор модернизации имеет специфическое значение для генезиса бразильского фашизма: Бразилия вступила на путь капиталистического развития позже европейских стран и, поэтому, процессы социальной и экономической модернизации в стране протекали более медленными темпами. Модернизация осложнялась и замедлялась одновременным сосуществованием и функционированием как новых, так и старых политических, социальных и экономических институтов и отношений. В этом отношении интегрализм можно воспринимать как реакцию общества, в значительной степени архаичного и традиционного, на ускоренные и форсированные темпы модернизации и связанных с ней трансформаций. Последний фактор – зависимость – имеет в значительной степени уникальный характер. Его роль в наибольшей степени проявилась в периферийных регионах, государствах с колониальным опытом, которые позднее вступили на путь строительства и утверждения национального государства.

М.В. Курчанов

Методологические проблемы изучения генезиса фашизма

Фашизм играл роль одной из ведущих и наиболее влиятельных идеологий в политической и интеллектуальной истории XX века. Проблемы генезиса, определения и типологии фашизма относятся к числу спорных и дискуссионных проблем в современной историографии. Автор анализирует некоторые теоретические и методологические подходы к изучению фашизма.

Ключевые слова: фашизм, генезис, определение, типология, историография

Maksym W. Kyrchanoff

The methodological problems of the fascism genesis studies

Fascism played the role of one of the leading and most influential ideologies in the political and intellectual history of the 20th century. The genesis, definition and typology of fascism belong to the number of the most contentious and controversial problems in contemporary historiography. The author analyzes some of the theoretical and methodological approaches to the fascism studies.

Keywords: fascism, genesis, definition, typology, historiography

Библиографияеский список

1. Baldoli C. Exporting Fascism: Italian Fascists and Britain's Italians in the 1930s / C. Baldoli. – Oxford, 2003.
2. Bauerkämper A. A New Consensus? Recent Research on Fascism in Europe, 1918 – 1945 / A. Bauerkämper // History Compass. – 2006. – Vol. 4. – No 3. – P. 536 – 566.
3. Berezin M. Making the Fascist Self / M. Berezin. – Ithaca, 1997.
4. Fascism Past and Present, West and East: An International Debate on Concepts and Cases in the Comparative Study of the Extreme Right / eds. R. Griffin, W. Loh, A. Umland. – Stuttgart, 2006.
5. Griffin R. Exploding the Continuum of History: A Marxist Model of Fascism's Revolutionary Dynamics / R. Griffin // The Fascist Century: Essays by Roger Griffin / ed. Matthew Feldman. – Basingstoke, 2008. – P. 46 – 68.
6. Griffin R. Modernism and Fascism: The Sense of a Beginning under Mussolini and Hitler / R. Griffin. – Basingstoke, 2007.
7. Griffin R. Notes towards the Definition of Fascist Culture: The Prospects for Synergy between Marxist and Liberal Heuristics / R. Griffin // Culture, Theory and Critique. – 1999. – Vol. 42. – No 1. – P. 95 – 114.
8. Griffin R. The Nature of Fascism / R. Griffin. – L., 1991.
9. International Fascism: Theories, Causes and the New Consensus / ed. R. Griffin. – L., 1998.

10. Iordachi C. Comparative Fascist Studies: An Introduction / C. Iordachi // Comparative Fascist Studies: New Perspectives / ed. C. Iordachi. – L., 2009. – P. 1 – 50.
11. Ryszka F. Państwo stanu wyjątkowego. Rzecz o systemie państwa i prawa Trzeciej Rzeszy / F. Ryszka. – Wrocław, 1974.
12. Райх В. Психология масс и фашизм / В. Райх / пер. с нем. Ю.М. До-нец. – СПб. – М., 1997.
13. Алатри П. Истоки фашизма и правящие круги Италии / П. Алатри // Алатри П. Происхождение фашизма / П. Алатри / пер. с итал. И.Н. Бочарова, Н.К. Георгиевской, К.Г. Холодковского. – М., 1961. – С. 59 – 156.
14. Артамошин С.В. Идеиные истоки национал-социализма / С.В. Артамошин. – Брянск, 2002.
15. Артамошин С.В. Понятия и позиции консервативной революции: интеллектуальное течение «консервативной революции» в политической жизни Веймарской Республики / С.В. Артамошин. – Брянск, 2011.
16. Ачкинази Б.А. «Аксон франсез» и правозэкстремистские группы во Франции в начале 1920-х годов (к генезису французского фашизма) / Б.А. Ачкинази // Проблемы новейшей истории Франции. Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. В.Г. Сироткин. – Рязань, 1985. – С. 6 – 20
17. Бланк А.С. Из истории раннего фашизма в Германии: организация, идеология, методы / А.С. Бланк. – М., 1978.
18. Галкин А.А. О фашизме – его сущности, корнях, признаках и формах проявления / А.А. Галкин // Полис. – 1995. – № 2. – С. 6 – 15.
19. Григорьев В., Матвеев С. Узники капитала. Разгул фашистского террора / В. Григорьев, С. Матвеев. – Л., 1930.
20. Гриффин Р. Палингенетическое политическое сообщество: переосмысление легитимации тоталитарных режимов в межвоенной Европе / Р. Гриффин // Вопросы философии. – 2006. – № 12. – С. 51 – 63.
21. Гриффин Р. Современное состояние и будущие направления сравнительных исследований исторического фашизма и неонацизма / Р. Гриффин // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. – 2010. – № 2. – (<http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss14/a13Griffin.pdf>)
22. Гриффин Р. Сравнительное изучение европейского правого экстремизма: От «нового консенсуса» к «новой волне» в западных интерпретациях родового фашизма? / Р. Гриффин // Вопросы философии. – 2011. – № 2. – С. 70 – 81
23. Ежов В.Д. Происхождение и классовая сущность фашизма / В.Д. Ежов // История фашизма в Западной Европе / отв. ред. Г.С. Филатов. – М., 1978.
24. Жарновский Я. Проблемы фашизма в польской историографии / Я. Жарновский // Фашизм и антидемократические режимы в Европе. Начало 20-х годов – 1945 г. / ред. Я. Жарновский и др. – М., 1981. – С. 64 – 70.

25. Жестяников Л. Фашизм и социал-фашизм / Л. Жестяников. – М. – Л., 1932.
26. Зорбалас С. Неофашизм в Греции (1967 – 1974). Социально-политический анализ и выводы / С. Зорбалас / пер. с греч., прим. М. Федорова, предисл. К.А. Шеменкова. – М., 1981. .
27. Иорданский Н. Судьбы фашизма / Н. Иорданский // Мировой фашизм / под. ред. Н. Мещерякова. – М. – Пг., 1923. – С. 69 – 93.
28. Йонца К. Правовая система фашистского государства / К. Йонца // Фашизм и антидемократические режимы в Европе. Начало 20-х годов – 1945 г. / ред. Я. Жарновский и др. – М., 1981. – С. 37 – 47.
29. Кирчанов М.В. Проблемы консервативной революции в контексте интеллектуальной истории бразильской модернизации 1920 – 1940-х годов / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти С.И. Семенова / ред. А.А. Слинько, М.В. Кирчанов. – М. – Воронеж, 2007. – С. 25 – 37.
30. Кирчанов М.В. Экономические концепции бразильского интегрализма 1930-х годов / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. – 2013. – № 14. – С. 95 – 100.
31. Марабини А. Фашизм в итальянской деревне / А. Марабини. – М., 1934.
32. Мещеряков Н. Последняя форма буржуазной диктатуры / Н. Мещеряков // Мировой фашизм / под. ред. Н. Мещерякова. – М. – Пг., 1923. – С. 7 – 68.
33. Мизес Л. фон, Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность / Л. фон Мизес / пер. с англ. Е. Журавской, Б. Пинскера, В. Родионова, под общ. ред. Б. Пинскера. – М., 1993.
34. Мизес Л. фон, Всемирное правительство. Тотальное государство и тотальная война / Л. фон Мизес / пер. с англ. Б.С. Пинскера, под. ред. А.В. Куряева, коммент. В.В. Кизилова. – М., 2006. – С. 187.
35. Минский Г. Социал-фашисты у власти / Г. Минский. – М. – Л., 1930.
36. Молер А. Фашизм как стиль / А. Молер / пер. с нем. А. Барсукова. – Новгород, 2007.
37. Мюнцберг В., Томпсон П. Фашизм (упадок фашистского движения) / В. Мюнцберг, П. Томпсон. – М., 1925.
38. Нольте Э. Фашизм и его эпоха / Э. Нольте / пер. с нем. А.И. Фета (Федорова). – Новосибирск, 2001.
39. Пальм Датт Р. Фашизм и социалистическая революция / Р. Пальм Датт / авторизов. пер. с англ. – М., 1935.
40. Пленков О.Ю. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм / О.Ю. Пленков. – СПб., 1997.
41. Пленков О.Ю. Третий Рейх. Арийская культура / О.Ю. Пленков. – СПб., 2005.
42. Пленков О.Ю. Третий Рейх: социализм Гитлера (очерк истории и идеологии) / О.Ю. Пленков. – СПб., 2004.
43. Пленков О.Ю. Триумф мифа над разумом. Немецкая история и катастрофа 1933 года / О.Ю. Пленков. – СПб., 2011.

44. Рансьер Ж. На краю политического / Ж. Рансьер / пер. с франц. Б.М. Скуратова. – М., 2006.
45. Рыклин М. Пространства ликования. Таталитаризм и различие / М. Рыклин. – М., 2002.
46. Рышка Ф. Организация фашистского государства / Ф. Рышка // Фашизм и антидемократические режимы в Европе. Начало 20-х годов – 1945 г. / ред. Я. Жарновский и др. – М., 1981. – С. 19 – 28.
47. Сандомирский Г. Черные блузы (фашизм и молодежь) / Г. Сандомирский. – М. – Пг., 1924.
48. Тайър А. «Човекът без качества» от Роберт Музил / А. Тайър / прев. от английски И. Димитрова – София, 2009.
49. Тараданов Г.В., Кибардин В.В. Азбука фашизма / Г.В. Тараданов, В.В. Кибардин / ред. К.В. Родзаевский // Звезда и свастика. Больше-визм и русский фашизм / ред.-сост. С. Кулешов. – М., 1994.
50. Тодоров В. Адамов комплекс. Към критика на политическото въображение / В. Тодоров. – Варна, 1991.
51. Троцкий Л. Бонапартизм и фашизм: к характеристике современного положения в Европе / Л. Троцкий // Троцкий Л.Д. Фашизм: движение контрреволюционного отчаяния. Статьи Льва Троцкого о фашизме 1929 – 1940 годов / Л.Д. Троцкий / сост. Л. Сосновский. – М., 2012. – С. 68 – 72.
52. Троцкий Л.Д. Немецкий бонапартизм / Л.Д. Троцкий // Троцкий Л.Д. Фашизм: движение контрреволюционного отчаяния. Статьи Льва Троцкого о фашизме 1929 – 1940 годов / Л.Д. Троцкий / сост. Л. Сосновский. – М., 2012. – С. 73 – 77.
53. Троцкий Л.Д. Поворот Коминтерна и положение в Германии / Л.Д. Троцкий // Троцкий Л.Д. Фашизм: движение контрреволюционного отчаяния. Статьи Льва Троцкого о фашизме 1929 – 1940 годов / Л.Д. Троцкий / сост. Л. Сосновский. – М., 2012. – С. 10 – 26.
54. Умланд А. Старый вопрос, поставленный заново: что такое «фашизм»? (теория фашизма Роджера Гриффина) / А. Умланд // Полис. – 1996. – № 1. – С. 175 – 176.
55. Церетели И. Причины поражения демократии / И. Церетели // Дан Ф.И., Церетели И.Г. Два пути. Избранное / Ф.И. Дан, И.Г. Церетели / сост., вступит. ст., коммент. А.П. Ненароков, П.Ю. Савельев. – М., 2010. – Т. 2. – С. 198 – 214.
56. Элиас Н. Общество индивидов / Н. Элиас / пер. с нем. – М., 2001.

**«...ДА, МЫ СРАЖАЛИСЬ НА ПРАВЕДНОЙ ВОЙНЕ!»²¹⁷:
по материалам песен афганской войны 1979-1989 гг.**

Афганская война, «война за речкой», «необъявленная война», «война под чужими знаменами» – лишь неполный перечень характеристик событий, связанных с пребыванием советских войск в Афганистане в период 1979-1989 гг. Вчерашние мальчишки, для большинства из которых понятие «военного долга» было не пустым звуком, а честью «продолжить дело отцов и дедов», уходили «в войну». И возвращались. Далеко не все. И что горько осознавать: не все понятыми и признанными героями в глазах собственной страны и будущих поколений. Анализируя дискуссии и политические оценки афганской войны в период, предшествующий распаду Советского Союза, обращаешь внимание на то, что моральное право на переоценку, на так называемый «суд времени» принадлежит не только и не столько политикам и потомкам, а прежде всего им, вернувшимся с войны или оставшимся там навсегда.

Песни периода военных событий, переписываемые в солдатских блокнотах, когда уже не всегда возможно восстановить точное время создания или авторство, являются для нас тем источником, который позволяет посмотреть на войну глазами ее участников. Написанные, что называется «для своих» собратьев, в период военных действий, они потрясают глубиной эмоций. Возникает ощущение преломления времени и перед нами предстают переживания, чувства и мысли поколения, прошедшего через Афганистан. В рамках данной статьи для анализа образа афганской войны использовались песни, размещенные на сайте «Автомат и гитара» раздела «Разные афганские песни»²¹⁸. Кому-то из молодого поколения с позиций сегодняшнего дня они могут показаться слишком наивными, слишком категоричными. Но правы будут другие: те, для которых афганские песни были и продолжают оставаться символом ушедшей эпохи локальных конфликтов биполярного мира, живым свидетель-

---

²¹⁷ Цитата из песни «Афганский ветер»: Афганский ветер // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

²¹⁸ Все использованные в статье цитаты из песен взяты с сайта «Автомат и гитара» раздел «Разные афганские песни»: <http://avtomat2000.com/afganraz.html>.

ством ценностей и стремлений людей, прошедших через войну, примером сплоченности и нерушимости «военного братства». Для этих песен принципиальны не красота исполнения или слаженные рифмы, а содержание.

Первое, на что обращаешь внимание, так это то, что по песням можно изучать географию: «...Кабул, Газни, Калат, Кундуз и Файзабад...»²¹⁹, или «на тех путях, что в Кандагар, Баграм, Фарах...»²²⁰, или «на Термез в Кабул через Хумри»²²¹. При этом никто нигде не встречает миром: «Огнем встречал Калат, жарой – Джелалабад, Дышали пылью мы на Файзабаде»²²².

Сразу начинаешь понимать, что для участников – это не просто географические наименования: «Кундуз, Баглан, Пули-Хумри, Термез – Маршрут над краешком судьбы. Из жизни молодой – живой отрез...»²²³.

В песнях очень редко можно встретить лирические описания красоты природы, разве только для подчеркивания контраста, что природа Афганистана несет в себе смерть:

«В зеленке, что вблизи Джелалабада,
Где мандаринов солнечных не счесть,
Среди гирлянд ветвистых винограда
В чалме душманской притаилась *смерть*»²²⁴.

Или:

«В Кандагаре зеленка, несомненно, богата,
Но дай силы нам, Боже, эту зелень спалить....
В Кандагаре зеленка нам несла только горе»²²⁵.

На фоне смертельной опасности еще более трогательно выглядят воспоминания о «синих туманах» в России, грубо нарушаемых реалиями войны:

«+ 50 в тени под Кандагаром,
И в воздухе трепещут миражи.
Мы видим в них свои березы, клены,

---

²¹⁹ 45 полк // *Автомат и гитара*. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz.html>

²²⁰ [Пришел тот день] // *Автомат и гитара*. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz7.html>

²²¹ [Целую неделю, целую неделю жили мы в поселке Кокайты] // *Автомат и гитара*. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz5.html>

²²² 45 полк // *Автомат и гитара*. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz.html>

²²³ Баллада о Сангиморе // *Автомат и гитара*. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz8.html>

²²⁴ Песня вертолетчика, погибшего в Афганистане // *Автомат и гитара*. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz2.html>

²²⁵ Что такое час жизни? // *Автомат и гитара*. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

Живительные струйки ручейка.
Но нам война жестокие законы
Напомнила стрельбой из кишлака»²²⁶.

Где найти опору в условиях войны, на кого положиться? И
песни «отвечают». Во-первых, на автомат:

«...Кто мне поможет, я не знаю.
Надежда лишь на автомат»²²⁷.

Или:

«С чего начнем давать советы?
Сначала подберем себе друзей.
Они все одинаково одеты,
Но ты «Макарова» бросать не смей»²²⁸.

Автомат для солдат – и верный друг, и опора:
«Автомат мой верный был другом в лихом бою,
Он смерть посылал душманам и жизнь отстоял мою!»²²⁹

И, конечно, можно положиться на верного друга:
«Здесь день за три не случайно нам считают,
Но для дружбы не подходит этот счет»²³⁰.

Тема мужской дружбы – проверенной в боях, а потому
настоящей и надежной, – красной нитью проходит через песни
афганской войны. В них четкий ответ, что такое настоящий друг:
«Тот не друг, с кем в праздник распевашь песни,
И не тот, с кем делишь чашу на пиру.
В трудную минуту с ним встречаешь вместе
Холод и разлуку, радость и жару».

Война и смерть неотделимы друг от друга. Самое страшное
– терять друзей: «Ах, как же потеря друзей тяжела!»²³¹.

Горечь от гибели друзей, камнем ложившаяся на сердце,
находит отражение в строках о третьем тосте. Встречается не-
сколько трактовок песни, но их суть очень близка:
«Наш первый тост о доме дорогом,

---

²²⁶ Бой под Кандагаром // Автомат и гитара. – URL:
<http://avtomat2000.com/afganraz6.html>

²²⁷ [Кто мне поможет, я не знаю] // Автомат и гитара. – URL:
<http://avtomat2000.com/afganraz5.html>

²²⁸ [С чего начнем давать советы?] // Автомат и гитара. – URL:
<http://avtomat2000.com/afganraz4.html>

²²⁹ Автомат и гитара // Автомат и гитара. – URL:
<http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

²³⁰ [Мы прощаемся со старыми друзьями] // Автомат и гитара. – URL:
<http://avtomat2000.com/afganraz6.html>

²³¹ Погиб вертолетчик в горах под Газни // Автомат и гитара. – URL:
<http://avtomat2000.com/afganraz4.html>

Второй – за милых жен, детей родных,
А третий тост – святой, как воздух, солнце,
За тех ребят, которых нет в живых...»²³².

Или:

«Третий тост за павших, за любовь не знавших,
За презревших мины, пули и броню,
Что своею смертью в этой круговерти,
Добавляли света вечному огню»²³³.

Трагизмом проникнуты строки от лица командиров и сослуживцев, чувствующих себя в ответе за гибель друзей:

«Черным крепом окутано знамя,
Знамя алое с нами скорбит.
Горечь в горле и рана на сердце –
Кто же гибель парней нам простит?»²³⁴.

Забыть погибших друзей, предать память о них воины-афганцы не могут, не имеют право:

«...Скатилась скупая мужская слеза,
Она пеленой застилала глаза.
И ноет в душе незажившая рана,
Храни память в сердце, все это храни,
Друзей, героев Афганистана....»²³⁵

Клятвы, что никогда не забудут погибших сослуживцев, являются неотъемлемым атрибутом афганских песен:

«И незримо присутствуют рядом
Те, кто больше назад не придет.
Только скорбная память об этом –
Взгляды, лица погибших ребят»²³⁶.

Перечитывая афганские песни невольно сравниваешь их с песнями Великой Отечественной войны, проникнутыми любовью к оставшимся ждать их невестам, женам. Афганская лю-

---

²³² Третий тост // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz7.html>

²³³ Третий тост // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

²³⁴ [Экипаж не вернулся на базу] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

²³⁵ Погиб вертолетчик в горах под Газни // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz4.html>

²³⁶ [Экипаж не вернулся на базу] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

бовь выглядит совершенно по другому, она далека от романтики: «Здесь любви не ищут, здесь запретов нет»²³⁷.

Или:

«А сколько женщин бродит там:
Здесь вам и «леди», и «мадам»...
Хоть это, право, ни к чему...»²³⁸

Нередко в песнях афганской войны поднимается тема из-мены:

«И, забыв в постель упрятать страх,
Бросила себя в чужие руки,
Как могла ты душу обокрасть
За два года горестной разлуки?»²³⁹

Лирических песен – единицы, и причина этого проста:

«...Нам не до любви и прочих разных дел,
Только б выжить, только бы остался цел...»²⁴⁰

Но эти немногочисленные лирические песни своей эмоциональной силой словно пытаются смягчить и горечь разлук, и тяготы потерь, и физическую, и душевную усталость:

«Любимый мой, ты помни, я с тобою,
На отдыхе или в горах, в бою.
Тебя любовью я своей закрою,
Тебе я силу всю отдам свою»²⁴¹.

Письма домой – отдельная тема. Ей посвящен целый ряд песен. Во всех них подчеркивается, что они редки, но очень значимы для солдат:

«Неровные строки в солдатском письме,
Такое нечасто домой.
Опять: «Здравствуй, мама!» и «Все хорошо!»
И снова обман святой...»²⁴².

Или:

«...Опять я вам урывками пишу,

---

²³⁷ Афганская любовь // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz2.html>

²³⁸ Пули-Хумринский гарнизон // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz3.html>

²³⁹ [Ты была со мной дружна] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz8.html>

²⁴⁰ [Осенью промозглой нам пришел приказ] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

²⁴¹ [Моя любовь сейчас в Афганистане] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz7.html>

²⁴² [Мама, прости, дорогая, что редко пишу] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

Привычны строчки: «Все в порядке, жив, здоров!»²⁴³

Почему же так редки письма? Потому что оберегают близких, понимают, что разделить чувства могут только те, кто пережил Афганистан, и мирному Союзу их не понять, даже близким:

«...И не напишешь, что погиб мой верный друг...

..Как болью сердце полоснуло вдруг...

...Как написать, что снится по ночам

Родной порог и отчий милый дом...

...Где взять слова, чтоб это объяснить?

Вот и приходится писать вам как всегда.

Что все в порядке, и что мне нормально, жив,

И что о вас не забываю никогда»²⁴⁴.

Но если сами солдаты редко пишут письма, то обратные весточки из дома представляют для них особую ценность: «Здесь, далеко от размеренной жизни, Письма твои, как живая вода»²⁴⁵.

Что означают весточки из дома для солдат:

«Ну а пока лишь писем наших строчки

Соединяют в этой жизни нас.

Конвертики твои и нашей дочки

Закрыли здесь от пуль меня не раз!

Мне возразят: листок не из металла,

Какая ж тут защита от огня?

Отвечу: коль письмо душа писала,

То стало оно крепче, чем броня»²⁴⁶.

Значительная часть песен затрагивает проблему необходимости пребывания в Афганистане. Отражением споров в Союзе о целях советских войск в Афганистане, выступают песни, в которых сравнивается военный долг Великой Отечественной войны и выполнение солдатского долга в Афганистане. Осознание того, что для своей страны воины-афганцы не только не ге-

---

²⁴³ [Опять я вам урывками пишу] //Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

²⁴⁴ Там же

²⁴⁵ [Письма твои меня в холод согреют] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

²⁴⁶ [Ты ждешь меня] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

рои, но и не понятно, что там делают, болью отдаются строками: «...и я тоже старик за тебя воевал»²⁴⁷.

Само название песен отражает драматизм ситуации: «Солдаты той и этой». Получается – той, праведной, героической, освободительной... А этой? В чем разница? – вопрошают солдаты, ведь

«Здесь, как на той войне, еще стреляют,
Хотя прошло так много — сорок лет.
Но юные виски седины убеляют,
А им и двадцати, пожалуй, нет»²⁴⁸.

При этом они верят в важность исполняемого долга:
«За этот мир, что деды нам вручили,
Сжимай покрепче в пальцах автомат.
В сороковых они свободу нашу защитили,
Теперь же дети их планету защитят»²⁴⁹.

И верят в нужность своего пребывания: «...как парнишки
восемнадцати годов продолжают славу дедов и отцов»²⁵⁰.

Но разница между войнами есть, и это чувствуют солдаты:
«Не забыты еще сорок первый...
А за ним сорок пятый с победной весной,
А в историю входит, наверное,
Окровавленный и беспримерный,
Восемьдесят восьмой»²⁵¹.

Одна из песен «Из письма дочки» выделяется на фоне остальных. Участие в афганской войне сравнивается с войной в Испании 1936 г.:

«Дед сказал: «Тяжело ваше бремя».
И еще, я никак не пойму,
Что нелегче тебе в это время,
Чем в Испании было ему»²⁵².

Солдаты Великой Отечественной войны были защищены с психологической точки зрения, они защищали свой дом, Родину,

---

²⁴⁷ Обычный автобус // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz19.html>

²⁴⁸ [Я еще не дома] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz3.html>

²⁴⁹ Там же
²⁵⁰ [Здравствуй, мама, возвратился я домой] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

²⁵¹ Восемьдесят восьмой // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz2.html>

²⁵² Из письма дочки // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz8.html>

семью. А что защищали солдаты в чужой стране в 1979-1989 гг. – нужно было доказывать. Последние воины-интернационалисты, служившие в Афганистане, вернулись в феврале 1989 г. Свой воинский долг они исполнили до конца. Исполнили в той мере, в какой испокон веков его понимали солдаты-защитники. Что в 1945 г., что в 1812 г., что в 1380 г. и многих других годах военной истории нашей страны. Он мало что имел общего с политическими ошибками страны, принявшей решение о вводе войск. Вернее ничего общего. Так их ли вина, что «Их потрепало не на той святой войне. Ушли – не в сорок первом, а пришли – не в сорок пятом»²⁵³.

И чем же встречал их Союз? Всем ли удалось найти свое место в мирной жизни:

«Теперь бойцы ошивок ходят по стране,
Кто без ноги, руки, а кто *душевно мятый*»²⁵⁴.

Афганский синдром – говорим мы сейчас. Как объяснить, почему, отслужив свой срок службы в Афганистане и вернувшись домой, к родным и близким, солдаты хотели вернуться?

Ответ в строках песен:

«..Глаза друзей, еще живых, мне как укор,
Надолго в сердце поселится ненастье»²⁵⁵.

Почему солдаты не могут приспособиться к мирной жизни?

«Там, где бой, там все проще,
Там все даже с руки,
Обнажаются души,
Как в оскале клыки.

....Рассказать, как он выжил,
Да вот только кому?

Не поймет, кто не трогал
Этой жизни струну...»²⁵⁶

Проблема, что гражданским не понять тех, кто воевал, сквозной нитью проходит через многие песни:

«Кто не был там, тот не поймет,
Как режет уши пулемет,
И как в ущелье, вспыхнув, рухнул вертолет,

---

²⁵³ *Афганский ветер // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>*

²⁵⁴ *Там же*

²⁵⁵ *А где-то там, среди афганских гор // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz7.html>*

²⁵⁶ *[За столом, в ресторане] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>*

как снайпер ловит на прицел,
Как вместе с танком друг сгорел,
Как рвутся мины под ногой,
Как трудно в бой...»²⁵⁷

Историй возвращения, как и песен, много, смысл примерно один:

«Медаль свою я получил,
Домой, на Родину прибыл,
И здесь лишь до меня дошло:
Не понимает здесь никто!»²⁵⁸

Солдаты не могут найти силы забыть ту войну, приспособиться к мирной жизни:

«...сон один и тот же
Я вижу по ночам, как будто наяву.
За что же мне такое наказание, Боже?
Не верится мне до сих пор, что все же я живу...»²⁵⁹

В этих условиях формируется осознание, что они нужны только боевым друзьям:

«Теперь, когда все в прошлом, ты списан на гражданку,
И нужен только боевым, лихим своим друзьям»²⁶⁰.

Оборотной стороной военного долга в Афганистане стали «усталость и раны неизраненной души....», «.... душевная мятость...» и постоянное чувство вины, что остался в живых:

«...Домой пришел...
Он вспоминал о не вернувшихся друзьях,
И все шептал: «Но почему погиб не я!»²⁶¹

Или:

«...Ах, ребята, простите,
Что вас нет, а я цел...»²⁶²

«Пароль-Афган» – это символ военного братства, которое не бросает своих, ни на войне, ни в мирной жизни. Так, в песнях

---

²⁵⁷ [Ах, сколько слез и горя ты принес, Афганистан!] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

²⁵⁸ [В руке держу я апельсин, его название Ф-1] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

²⁵⁹ [И вот уже я на прицеле] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

²⁶⁰ [Ущелье Саланг так гордо и красиво] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

²⁶¹ [Пришел приказ] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

²⁶² [За столом, в ресторане] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

встречаются слова поддержки тем, кто боится вернуться домой, не зная, что там его ждет:

«Тогда уж, мужчины, не прячьте седины,
Не в будничной драке мы их завели,
Мы были в Афгане, да где, в Кандагаре,
И что там видали, того не забыть»²⁶³.

Рассуждая об итогах войны, председатель Общероссийской общественной организации инвалидов войны в Афганистане Андрей Чепурной отметил, что ценой своих неимоверных усилий советские воины смогли отодвинуть угрозу терроризма и распространения наркотиков как минимум на десять лет²⁶⁴.

Надежды на новую жизнь, разделяемые воинами-афганцами, к большому сожалению, редко оправдывались, разбиваясь о непонимание и неуважение. Как отметил ректор Восточно-европейского института психоанализа М. Решетников, «у вчерашних воинов оставалось острое ощущение потерянной юности, они старались получить от жизни все, что было недополучено в военные годы, стремясь жить «и за себя, и за того парня, который не дожил до этих дней»²⁶⁵.

Само государство не сразу определилось с правовым статусом участников афганских событий²⁶⁶. В период с 1979 по 1983 гг., когда не признавался факт ведения войны, использовалась формулировка «выполнение воинских обязанностей по защите «интересов Отечества», выражавшихся, в том числе, и защите мирного населения Афганистана. В этих условиях понятие «война» применялось только к событиям 1941-1945 гг.

В период с 1983 по 1988 годы события в Афганистане назывались «боевыми действиями», в которых советские военнослужащие выполняли свои воинские обязанности. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 17 января 1983 г. N 59 «О льготах военнослужащим, рабочим и служащим, находящимся в составе ограниченного контингента советских войск на территории

---

²⁶³ [На этой гитаре, да там, в Кандагаре] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

²⁶⁴ Афганская война – 10-летняя отсрочка терроризма. – URL: <http://new-variant.ru/archives/7357>

²⁶⁵ Решетников М. «Афганский синдром» — это навсегда / М. Решетников. – URL: <http://www.rosbalt.ru/piter/2009/02/14/618431.html>

²⁶⁶ Подробнее о формировании правового статуса см.: Данилова Н. Мемориальная версия Афганской войны (1979-1989 годы) / Н. Данилова. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/dan17.html>; Формирование правового статуса афганцев // Российский союз ветеранов Афганистана. – URL: http://afganrass.ucoz.ru/index/afganskij_advokat/0-9

Демократической Республики Афганистан, и их семьям», большая часть которого впоследствии вошла в ФЗ РФ «О ветеранах» 1995 г., установило льготы для участников афганской войны как выполнявших воинские обязанности в «экстремальных» условиях. Вводя понятие «интернациональный долг» как «выполнение воинских обязанностей, «защиту интересов Отечества» на территории других государств, Постановление не распространяло его на Афганистан, где военнослужащие считались «временно находившимся на территории ДРА»²⁶⁷.

С 1988 по 1994 год стала использоваться формулировка «выполнение интернационального долга» для защиты интересов Отечества.

Правовой статус участников событий в Афганистане был закреплён в 1995 г. ФЗ «О ветеранах», введившем понятие «участники боевых действий на территории другого государства»²⁶⁸. До этого «ветеран» использовалось только для обозначения участников Великой Отечественной войны. В отношении инвалидов стала использоваться общая категория «инвалиды войны», включающая инвалидов Великой Отечественной войны и инвалидов боевых действий на других государствах. В 2008 льготы для участников афганской войны отменили Белоруссия, Украина, Казахстан. К 2014 году их так и не восстановили.

Сколько бы не рассуждали мы сегодня о степени праведности, справедливости и нужности советского участия в Афганистане, важно другое: подвиг солдат, стоящий далеко за пределами современных дискуссий. Память о погибших навсегда остается с ветеранами войны:

«Пусть сегодня нет вас рядом с нами,
Но все равно мы помнить не устанем,
Но все равно вы здесь, опять вы с нами,
С пробитыми, но верными сердцами...
Ребята. Солдаты...Солдаты, не пришедшие домой...»²⁶⁹

---

²⁶⁷ Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 17 января 1983 г. N 59 «О льготах военнослужащим, рабочим и служащим, находящимся в составе ограниченного контингента советских войск на территории Демократической Республики Афганистан, и их семьям» // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ». – URL: <http://base.garant.ru/178408/>

²⁶⁸ Федеральный закон «О ветеранах» от 12.01.1995 N 5-ФЗ // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/popular/veteran/31_1.html

²⁶⁹ [Давай-те как, ребята, разом встанем] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz8.html>

Более того, теперь эта память – и есть главный долг вернувшихся с войны:

«Между нами не стало хороших парней,
Самых лучших друзей...

....Только память о них,

Как о самых родных,

Пронесем сквозь года.

... На могилах ребят пусть не вянут живые цветы

И слова доброты...»²⁷⁰

И этот свой долг ветераны-афганцы выполняют до конца. А мы?... «..... Помню вечно, помните ли вы погибших в небесах Афганистана?!»²⁷¹ Этот самый важный вопрос и есть квинтэссенция афганских песен.

В.Н. Морозова

«.... Да, мы сражались не на праведной войне!»: по материалам песен афганской войны 1979-1989 гг.

В статье представлен анализ песен афганской войны 1979-1989 гг., позволяющих посмотреть на указанные события глазами их непосредственных участников. Отдельное внимание уделяется восприятию воинами-афганцами своих задач в Афганистане и проблеме афганского синдрома.

Ключевые слова: афганская война 1979-1989 гг., образ войны, афганские песни, афганский синдром, интернациональный долг.

V.N. Morozova

«... Yes, we were fighting not in a justified war» : on the materials of songs of 1979-1989 Afghan war

Article presents analysis of songs from 1979-1989 Afghan war, which let us look at the mentioned events through the participants' eyes. Tasks perception in Afghanistan by fighters and the problem of Afghan syndrome are separately emphasized in the article.

Keywords: 1979-1989 Afghan war, war image, Afghan songs, Afghan syndrome, international duty.

Библиографический список

Афганский ветер // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

45 полк // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz.html>

[Пришел тот день] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz7.html>

---

²⁷⁰ Небеса // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

²⁷¹ [Уходят вертолеты в синеву] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

[Целую неделю, целую неделю жили мы в поселке Кокайты] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz5.html>

Баллада о Сангиморе // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz8.html>

Песня вертолетчика, погибшего в Афганистане // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz2.html>

Что такое час жизни? // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

Бой под Кандагаром // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz6.html>

[Кто мне поможет, я не знаю] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz5.html>

[С чего начнем давать советы?] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz4.html>

Автомат и гитара // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

[Мы прощаемся со старыми друзьями] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz6.html>

Погиб вертолетчик в горах под Газни // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz4.html>

Третий тост // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz7.html>

Третий тост // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

[Экипаж не вернулся на базу] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

Афганская любовь // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz2.html>

Пули-Хумринский гарнизон // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz3.html>

[Ты была со мной дружна] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz8.html>

[Осенью промозглой нам пришел приказ] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

[Моя любовь сейчас в Афганистане] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz7.html>

[Мама, прости, дорогая, что редко пишу] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

[Опять я вам урывками пишу] // Автомат и гитара. – URL: <http://.com/afganraz9.html>

[Письма твои меня в холод согреют] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

[Ты ждешь меня] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

Обычный автобус // Автомат и гитара. – URL: <http://avtmat2000.com/afganraz19.html>

[Я еще не дома] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz3.html>

[Здравствуй, мама, возвратился я домой] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

Восемьдесят восьмой // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz2.html>

Из письма дочки // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz8.html>

А где-то там, среди афганских гор // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz7.html>

[За столом, в ресторане] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

[Ах, сколько слез и горя ты принес, Афганистан!] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

[В руке держу я апельсин, его название Ф-1] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

[И вот уже я на прицеле] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

[Ущелье Саланг так гордо и красиво] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

[Пришел приказ] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

[За столом, в ресторане] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

[На этой гитаре, да там, в Кандагаре] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

Афганская война – 10-летняя отсрочка терроризма. – URL: <http://new-variant.ru/archives/7357>

Решетников М. «Афганский синдром» — это навсегда / М. Решетников. – URL: <http://www.rosbalt.ru/piter/2009/02/14/618431.html>

Данилова Н. Мемориальная версия Афганской войны (1979-1989 годы) / Н. Данилова. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/dan17.html>

Формирование правового статуса афганцев // Российский союз ветеранов Афганистана. – URL: http://afganrass.ucoz.ru/index/afganskij_advokat/0-9

[Давай-те как, ребята, разом встанем] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz8.html>

Небеса // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

[Уходят вертолеты в синеву] // Автомат и гитара. – URL: <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>

Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 17 января 1983 г. N 59 «О льготах военнослужащим, рабочим и служащим, находящимся в составе ограниченного контингента советских войск на территории Демократической Республики Афганистан, и их семьям» // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ». – URL: <http://base.garant.ru/178408/>

Федеральный закон «О ветеранах» от 12.01.1995 N 5-ФЗ // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/popular/veteran/31_1.html

РИСКИ И УГРОЗЫ СЕПАРАТИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Уже очень много сказано о том, что процессы современного общественного развития определяется двумя противоположными тенденциями: центристскими, интеграционными, и центробежными. Последние проявляются в региональной локализации, одной из форм которой является сепаратизм. Практика свидетельствует о том, что сепаратизм часто становится причиной политических конфликтов разного масштаба. Это превращает его в одну из наиболее острых проблем современности и порождает внимание к тем угрозам и рискам, которые он создает. К ним можно отнести развитие неконвенциональных форм политической борьбы – экстремизма и терроризма, негативные социально-экономические последствия, и то, что сепаратизм в условиях отсутствия в мировой практике универсальных и достаточно действенных механизмов разрешения этого типа противоречий, часто становится основанием для длительных конфликтов, в том числе международных. Поскольку в обусловленные развитием сепаратизма конфликты зачастую оказываются вовлечены не только различные политические силы внутри государства, сталкивающегося с угрозой потери своей территориальной целостности, но и его соседи, а также порой и территориально отдаленные акторы мировой политики, то в результате эскалации подобных конфликтов создается угроза для безопасности всего мира.

Существуют различные концептуальные подходы к анализу феномена сепаратизма. Его рассматривают с точки зрения конфликтологической, глобализационной, модернизационной и институциональной парадигм, в свете теорий демократизации и национализма. Являясь политическим движением, выступающим за выход части территории из состава какого-либо государства, сепаратизм может отталкиваться как от этнической, так и от экономической, культурной, конфессиональной неоднородности общества, настаивая на том, что разрешение противоречий в рамках существующего государства невозможно. Дезинтеграционный процесс, как правило, является продолжительным. Поэтому выявить «границы» сепаратизма бывает достаточно сложно. Например, дискуссионным является вопрос о

том, следует ли рассматривать регионализм и автономизацию как своего рода подготовительные, начальные стадии процесса развития сепаратизма. Кроме того, политизированность связанных с сепаратизмом вопросов также затрудняет его определение, поскольку это слово часто используется в политической практике как негативный ярлык. Иногда мы видим закрепление однозначно отрицательного отношения к сепаратизму, сочетающееся с узкой трактовкой этого термина, в нормативно-правовых документах, например, в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом под сепаратизмом подразумевается «деяние, направленное на нарушение территориальной целостности государства, в том числе на отделение от него части его территории, или дезинтеграцию государства, совершаемое насильственным путем...²⁷²». Дискуссионным является и вопрос о том, следует ли рассматривать ирредентизм, целью которого является вхождение в состав другого, культурно «близкого» государства, и сецессию как две разновидности сепаратизма. Так, американский политолог Д. Горовиц считает, что ирредентизм следует отличать от сепаратизма, понимая под последним лишь стремление к независимости²⁷³.

Сепаратизм развивается в процессе конфликтного взаимодействия между регионом и центральной властью, стремящейся к сохранению территориальной целостности государства и политического суверенитета. Поэтому возникает вопрос о правовых рамках урегулирования подобных конфликтов. Здесь существуют определенные сложности. С одной стороны, закрепленные в нормах международного права принципы государственного суверенитета и нерушимости границ, выносят сепаратизм за пределы конвенциональных, приемлемых политических требований. С другой стороны, признание права наций на самоопределение предполагает возможность формирования независимой государственности и активно используется сепаратистами для обоснования справедливости и правомочности своих требований.

Если говорить о перспективах развития сепаратизма в современной Европе, то некоторые исследователи обращают внимание на волнообразный характер территориально-политических изменений, которые бывают обусловлены суще-

---

²⁷² Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом... 2002

²⁷³ Горовиц, 1993. С. 147.

ственными сдвигами в мировой политике. Последняя волна строительства новых государств была связана с распадом СССР и советского блока. Но можно ли считать ее законченной? События на Балканах и на Кавказе, ситуация в Приднестровье, а с недавнего времени и на Украине, свидетельствуют о том, что для Восточной Европы, где достаточно высокий уровень накала этнических и конфессиональных противоречий накладывается на социально-экономические проблемы, угрозы, связанные с развитием сепаратизма, являются одними из основных.

Существует мнение, что развитие сепаратизма в современном мире связано с «этническим ренессансом», с активизацией политизированного национализма²⁷⁴. И хотя отсылка к праву наций на самоопределение действительно часто используется сепаратистами, фактически с этой проблемой сталкиваются и те государства, в которых нет ярко выраженных межэтнических противоречий, а в современной Европе сепаратисты все чаще обосновывают свои требования независимости экономической целесообразностью. Диспропорции экономического развития заставляют заострять внимание на проблемах эффективности центрального управления, при этом этнокультурная специфика региона, в котором возникает сепаратистское движение зачастую отходит на второй план. Поэтому можно говорить о том, что угроза сепаратизма может стать актуальной, прежде всего, для государств, переживающих экономический кризис, особенно сопровождающийся политической нестабильностью.

Западной Европе также свойственны сепаратистские тенденции. Мировой экономический кризис усилил их и, одновременно, выявил специфику современного западноевропейского сепаратизма, которая заключается именно в его экономической подоплеке и связи с евроскептицизмом. Проведенные в 2012 году в Британии и Германии опросы общественного мнения показали, что существенная часть граждан, 56% в Великобритании и 49% в Германии, в той или иной степени разделяют мнение о желательности выхода своей страны из ЕС²⁷⁵. Что же касается очагов сепаратистских и автономистских настроений, то к уже традиционным добавляются новые, обновляется и аргу-

---

²⁷⁴ Макаренко, 2006.

²⁷⁵ По Европе бродит призрак сепаратизма, 21 января 2013

ментация сепаратистов, в которой усиливаются экономические требования.

Пожалуй, одним из самых заметных очагов сепаратизма является Каталония. В ноябре 2012 года после многочисленных митингов с требованиями большей независимости, сепаратистские силы получили почти две трети мандатов на местных выборах. Среди требований звучало уменьшение налогового бремени для Каталонии и участие Мадрида в финансировании антикризисной политики в этом регионе, представляющем 20% испанской экономики. Победа на выборах дала главе каталонского правительства Артуру Масу возможность говорить о проведении референдума о независимости осенью 2014 г. Новый каталонский парламент поддержал эту идею, но испанское правительство выступило против проведения референдума. Политическая борьба, сопровождаемая демонстрациями, переговорами и принятием заявлений ведется на протяжении двух лет.

Экономическая подоплека лежит в основе современного шотландского сепаратизма. Сторонники отделения ориентируются на опыт Норвегии, которая, являясь нефтедобывающей страной, проводит активную и успешную социальную политику. В отличие от Испании, правительство Великобритании не отказывает Шотландии в праве провести референдум по вопросу об отделении: соглашение об этом было подписано премьер-министром страны Д. Кэмероном и первым министром Шотландии А.Сэлмондом в октябре 2012 г. Во взаимодействии со сторонниками независимости Шотландии, Лондон избрал тактику убеждения, подчеркивая иллюзорность преимуществ и реальность сложностей, с которыми пришлось бы столкнуться новому независимому государству. Очевидно, что сложности будут, например, во взаимоотношениях с ЕС. При этом предполагаемые потери Великобритании в случае отделения Шотландии тоже весьма значительны, например, базирующееся там ядерное оружие придется перевозить на другие базы. В самой Шотландии поддержка идеи независимости ниже, чем в Каталонии: она колеблется на уровне 35%. А помимо преобладающей в региональном парламенте Шотландской национальной партии, слышен голос и других сил, выступающих за сохранение единства, например, консерваторов и лейбористов.

Пожалуй, наиболее значительное место среди факторов, обуславливающих сепаратизм, этнические противоречия занимают в Бельгии. Этнолингвистический раскол определяет ха-

рактер внутривнутриполитической борьбы в стране достаточно давно, он стал причиной федерализации ранее унитарного государства в начале 1990-х. Экономический кризис, как и в других странах, способствовал усилению сепаратистских настроений: в октябре 2012 г. правая сепаратистская партия Фламандский интерес победила на местных выборах. В Италии, напротив, сепаратизм в основном питается недовольством от несправедливого распределения доходов между регионами. Экономически сильный север страны дает значительную поддержку сторонникам федерализации. В партии Лига Севера, поддерживающей эти идеи, есть и более радикальные сторонники получения независимости.

Еще в 1981 году регионалисты, представленные в Европейском парламенте, сформировали собственное объединение - Европейский свободный альянс, в 2004 г. ставшее политической партией. В 2012 г. она была представлена семью европарламентариями. Самой сильной партией среди членов Альянса, пожалуй, является шотландская национальная партия, всего же в него входит 31 партия из 13 стран. В преддверии выборов в Европейский парламент в 2014 году, Альянс выдвигает манифест, в котором на первый план выносятся такие пункты как обращенное к ЕС требование признания новых членов, которые получают независимость в результате реализации права наций на самоопределение; повышение прозрачности процессов управления в ЕС как условие преодоления последствий кризиса; защита региональных языков и реализация принципов устойчивого развития в сфере энергетики и сельского хозяйства²⁷⁶. Первое требование действительно актуально для сторонников независимости, поскольку пока что руководство ЕС не выражает намерений принимать в союз страны, получившие независимость в результате подобных процессов, по какой-либо упрощенной схеме. Им придется проходить всю процедуру вступления, добиваясь единогласного одобрения всех действующих членов ЕС, для многих из которых успех сепаратистов может выглядеть как опасный прецедент. Председатель Еврокомиссии выражает сомнения в том, что Шотландия сможет вступить в ЕС, прежде всего, из-за несогласия Испании, руководство которой не намерено признавать требования каталонских сепаратистов²⁷⁷.

---

²⁷⁶ *European Parliament Election Manifesto, 2014*

²⁷⁷ Баррозу, 16 февраля 2014

Не смотря на различия между рассмотренными случаями выдвижения сепаратистских требований в современной Западной Европе, между ними есть существенная общая черта – это стремление к конвенциональным политическим действиям в рамках существующих демократических институтов. Сторонники независимости Шотландии, например, готовы искать легальный способ войти в ЕС в случае получения независимости. Они заявляют, что страна сможет вступить в ЕС за счет пересмотра Лиссабонского договора или же в результате переговорного процесса, который будет вестись на протяжении двух лет с момента проведения референдума до провозглашения независимости в 2016 г. Центральная власть, защищая территориальную целостность, также стремиться играть по демократическим правилам. Например, декларация о независимости Каталонии рассматривалась Конституционным судом Испании и только после этого была отвергнута. Отсутствие жесткого давления со стороны центра способствует маргинализации тех сепаратистских сил и лидеров, которые готовы выступать с наиболее радикальными требованиями. Мирные средства борьбы и преобладание прагматической, основанной на экономическом расчете, аргументации отличают основную массу современных западноевропейских сепаратистов как от их предшественников рубежа XIX-XX веков, так и от сепаратистов в других регионах, где нет консенсуса по поводу правил политической игры и ощущается недостаток механизмов разрешения противоречий, а также действующих институтов, в рамках которых могли бы вести диалог сторонники сепаратизма или автономизации и представители центральной власти.

Ю.И. Лаптева

Риски и угрозы сепаратизма в современной европейской политике

В статье рассматриваются тенденции развития сепаратистских движений в современной Западной Европе. Определяется роль различных факторов, способствующих развитию сепаратизма. Современный западноевропейский сепаратизм характеризуется стремлением действовать в рамках существующих демократических институтов и преобладанием прагматического подхода, основанного на экономических, а не этнокультурных требованиях.

Ключевые слова: Западная Европа, сепаратизм, этнический национализм, демократия

Yu.I. Lapteva

Risks and threats of separatism in modern European politics

The article examines trends in the development of separatist movements in modern Western Europe. The author attempts to determinate various factors that promote separatism. Modern Western European separatism can be characterized by intention to act within existing democratic institutions and the prevalence of a pragmatic approach based on economic rather than ethnic and cultural requirements.

Keywords: Western Europe, separatism, ethnic nationalism, democracy

Библиографический список

1. Bardos Gordon N. Spectre of Separatism Haunts Europe // The National Interest. - 01.17.13 (URL: <http://nationalinterest.org/commentary/spectre-separatism-haunts-europe-7979>)
2. Макаренко В.П Теория сецессии: послыки, аргументы и следствия // Вестник Московского Университета. Серия. 18: Социология и политология. - 2006. - № 2. – С.17-23
3. Национальная политика в Российской Федерации (материалы международной научно-практической конференции) / Под ред. В.А. Тишкова. М., 1993. - 184с.
4. Попов А. Национализм и сепаратизм в единой Европе // Космополис. - 2002. -№1. - С.23-33
5. Швейцер В. Сепаратистская активность в Евросоюзе // Сайт НП «Российский совет по международным делам. – 12.02.2013 (URL: http://russiancouncil.ru/ru/inner/?id_4=1518)

Л.Е. Мелкумян

ЗНАЧИМОСТЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОЙ АРМЕНИИ

В современных политических условиях, когда Армения является независимой республикой и наряду с другими постсоветскими государствами перестала быть частью единого многонационального организма, русский язык также перестал занимать главенствующее положение в государстве. Русский язык, владение которым в советскую эпоху позволяло относить себя к привилегированному классу, потерял свою роль второго родного языка, что привело к снижению мотивационных факторов его изучения и среднего уровня владения им в современной Армении.

В 1990-е гг. Армения наряду с другими постсоветскими государствами старалась укрепить позиции родного языка в стране посредством принятия закона «О языке» от 1993 года²⁷⁸. В законе четко прописано, что литературный армянский язык является единственным государственным языком страны, регламентируется использование языка в образовании, на работе и в повседневной жизни. Однако закон не запрещает использование языков национальных меньшинств в бытовом общении.

Существенная проблема армянского народа заключается в том, что литературный армянский язык значительно отличается от разговорного. Более того, в Армении и в армянской диаспоре существует огромное количество диалектов, которые затрудняют общение на родном языке, так как армяне из разных областей не могут понять друг друга. До 90-х гг. XX в. языком общения для них выступал русский, в 1990-е гг. официальные лица республики старались заменить его литературным армянским, не учитывая факт, что большинство населения, не проживающих в Ереване, не владеют им. Вышеуказанное заставило правящие круги пересмотреть свою языковую политику к концу 1990-х гг.

Наиболее конкретное отношение к статусу русского языка правительство республики выразило посредством принятия государственной концепции "Русский язык в системе образования и культурно-общественной жизни РА" от 16.09.1999 г., в ко-

---

²⁷⁸ Закон... 30 марта 1993 г. № 3Р-52

торой указано, что в современных условиях развития Республики Армения изучение русского языка служит не только приобщению к культурным ценностям других народов, но вместе с тем и более глубокому пониманию культурных ценностей своего народа²⁷⁹.

Таким образом, в отличие от других бывших советских республик Армения стремится стабилизировать языковую ситуацию. Российские газеты и журналы на данный момент публикуются в Армении, и программы основных российских телевизионных каналов, таких как «Первый», «Культура», «ВГТРК» транслируются в республике. А на официальных армянских каналах показывают советские и российские фильмы в большинстве случаев без синхронного перевода на армянский язык.

Следует отметить, что с возрождением исторически сложившихся отношений между народами в политической, военной, научно-технической, культурной областях сотрудничества, увеличивается спрос на специалистов, которые хорошо владеют русским языком. Данный спрос будет увеличиваться в связи с желанием Армении войти в состав Таможенного Союза в качестве постоянного члена и выполнением всех предписаний, указанных в дорожной карте.

В сфере образования русский язык также не утратил свои позиции, несмотря на то, что вначале 1990-х гг. большинство русских школ и классов были закрыты. Согласно армянской школьной программе ученики обязаны изучать два иностранных языка, первым из которых является русский. Школьники изучают его со второго по двенадцатый классы, тогда как английский язык вводится в школьную программу лишь с пятого класса. В большинстве армянских школ заново открывают русские классы, обучение по всем предметам в которых ведется исключительно на русском языке. Созданы эти классы для русскоговорящих жителей Армении, среди которых дети российских военнослужащих, беженцев из Азербайджана и Нагорного Карабаха.

Практически во всех высших учебных заведениях русский язык и литература являются обязательным на первых двух годах обучения.

Славянский государственный университет занимает особое положение среди вузов Армении, поскольку обучение в универ-

---

²⁷⁹ *Миносян, 2008.*

ситете по всем специальностям ведется на русском языке, а многие программы, планы и учебники больше соответствуют российским стандартам, чем армянским.

Более того, русский продолжает оставаться региональным языком и широко используется на региональных научных и политических форумах и конференциях, которые проходят между странами постсоветского пространства, а в частности Закавказья.

Незнание русского языка в Армении продолжает считаться позорным. Армения – мононациональное государство, где 97% населения – армяне. Конечно, не все в совершенстве владеют русским языком, но даже в отдаленных деревнях можно будет встретить человека, который способен изъясниться на русском языке.

Итак, изучение мировых языков, в том числе и русского, является основой развития культурного многообразия мира, сбалансированного межкультурного общения в атмосфере толерантности, доверия и сотрудничества народов и стран. Все это свидетельствует о том, что русский язык постепенно возвращает свои доминирующие позиции в армянском обществе, однако на современном этапе он рассматривается армянами не как второй родной, а как первый по значимости иностранный язык.

Л.Е. Мелкумян

Значимость русского языка в современной Армении

В статье представлен анализ современного положения русского языка в Республике Армения и отношение к нему представителями правящей элиты, а также армянского общества в целом.

Ключевые слова: Республика Армения, русский язык, статус, значимость, армянский язык, современность.

L.E. Melkumian

Importance of Russian language in modern Armenia

The article presents an analysis of modern state of Russian language at Republic of Armenia and the attitude toward the language of officials and the whole Armenian society.

Keywords: Republic of Armenia, Russian language, status, importance, Armenian language, modern times.

Библиографический список

1. Закон Республики Армения «О языке» от 30 марта 1993 г. № 3Р-52 (В редакции Законов Республики Армения от 01.06.2005 г. №3Р-95, 15.01.2011г. №3Р-31) – URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2942
2. Миносян Т. Русский язык в Армении / Т. Миносян // Информационно-аналитический центр. – 23 января 2008 г. – URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/264/>

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ф.В. ШТАЙНМАЙЕРА В 2005 – 2009 ГГ.

В ноябре 2005 г. после прихода к власти черно-красной коалиции под руководством А.Меркель пост федерального министра иностранных дел занял представитель социал-демократов Франк-Вальтер Штайнмайер, став первым членом СДПГ, занимавшим эту должность со времен Вилли Брандта²⁸⁰. Он сразу же заявил, что он намерен продолжать основные внешнеполитические приоритеты своего предшественника – Йозефа Фишера. Основой стал коалиционный договор между СДПГ и ХДС/ХСС, в котором внешнеполитическая часть была выдержана в самых «дипломатичных» тонах.

СМИ писали, что новый министр имеет все достоинства, которые положено иметь главному дипломату страны: предупредителен, умеет слушать и способен молчать о том, о чем не следует говорить, прагматик, дистанцируется от «идеологических эмоций», по сравнению с Фишером представляет собой более сдержанный тип политика. «Франк-Вальтер Штайнмайер, – писала «Берлинер цайтунг», – может все, знает все, решает любую проблему. Он предупредителен, умеет слушать и способен молчать о том, о чем не следует говорить»²⁸¹. Он прагматик и не поддается «идеологическим эмоциям». Обычно сдержанный в оценках солидный еженедельник «Цайт» назвал его «человеком без недостатков»²⁸².

К тому же его образ, да и сама биография в глазах широкого немецкого обывателя выступали в качестве своеобразного олицетворения «немецкой мечты». Сын столяра, получивший высшее юридическое образование, имеющий тридцатилетний стаж в СДПГ, но никогда ранее не занимавший партийных постов, негласно всегда рассматривался руководством СДПГ как

---

²⁸⁰ В ноябре 2007 года, после отставки Франца Мюнтеферинга, Штайнмайер стал вице-канцлером ФРГ, вторым лицом в государстве.

²⁸¹ Petersen F. Steinmeier im Sorge um Abruestung: Minister plaediert fuer Einbindung Russlands / F.Petersen // Berliner Zeitung. – 2006. – 10. November.

²⁸² Schnellboote fuer eine neue deutsche Außenpolitik. – URL: http://www.zeit.de/zeit_print/article1345608/Schnellboote-fuer-eine-neue-deutsche-Aussenpolitik.html (дата обращения: 23.12.2007).

человек, способный возглавить любое государственное ведомство²⁸³.

После прихода Г.Шредера на должность канцлера ФРГ, с ноября 1998 г. по июль 1999 г. Штайнмайер был статс-секретарем федерального правительства и координировал работу германских спецслужб. С июля 1999 г. он возглавлял ведомство бундесканцлера, был членом Совета безопасности ФРГ. Несмотря на значимость занимаемой должности, Штайнмайер не был популярным политиком, так как всячески избегал внимания прессы. Он не участвовал до этого в качестве кандидата ни в одной из избирательных кампаний. В правительстве Штайнмайер принимал участие в разработке большинства важных документов. Товарищи по партии вспоминали, что глава ведомства бундесканцлера и главный куратор немецких спецслужб за семь лет своей работы с Герхардом Шредером имел прямое отношение ко всем важнейшим решениям правительства ФРГ, в том числе, и к международным проблемам. Поэтому его часто называли «правой рукой Шредера» и «серым кардиналом». За эффективную работу ведомства и умелое ведение переговоров с союзником СДПГ по коалиции – партией Зеленых, Штайнмайер получил прозвище «серая эффективность» (Die Graue Effizienz)²⁸⁴.

В кабинете Шредера он участвовал в разработке российско-германского проекта «Северный поток». Ф.-В.Штайнмайер подчеркивал важность «стратегического партнерства с Россией». Это положение присутствовало и в «коалиционном договоре» между ХДС/ХСС и СДПГ. По словам Штайнмайера, это сотрудничество не должно ограничиваться экономикой, но и распространиться на культурную и гуманитарную сферы, особенно в вопросах касается молодежного обмена. Глава МИД видел в этом залог сохранения «тесных связей» между Россией и Германией и будущими поколениями жителей обеих стран.

Министр иностранных дел из всех сил старался гарантировать энергоснабжение Германии на десятилетия вперед. К этому относится и поиск альтернативных поставщиков из Северной Африки, Центральной Азии и региона Персидского залива. Но важнейшим поставщиком была и остается Россия, которую Штайнмайер хотел теснее привязать к Германии.

---

²⁸³ С октября 2007г. Штайнмайер стал вице-председателем СДПГ.

²⁸⁴ Eine Auszeit von der Wirklichkeit // Berliner Zeitung. – 2005. – 28.November.

В октябре 2006г. МИДом ФРГ был подготовлен стратегический документ о дальнейшей политике Германии и ЕС в отношении России. Новое определение отношений между Европейским Союзом и Россией было одним из важнейших проектов федерального правительства, тем более что в 2007г. истекал срок действия Договора о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС. Берлин сделал этот проект приоритетным на период председательства Германии в ЕС в первом полугодии 2007 года. Девизом «новой восточной политики» Штайнмайера стало «сближение через интеграцию». Документ, опираясь на который Штайнмайер и его коллеги из ЕС озвучили планы Берлина по будущей европейской политике в отношении России, предлагал тесную «политическую, экономическую и культурную интеграцию ЕС с Россией», призванную стать «необратимой»²⁸⁵. В нем были также поставлены вопросы о свободной экономической зоне, более тесном сотрудничестве в сфере безопасности и «энергетическом партнерстве» с Москвой.

Экспертам по внешней политике из ХДС/ХСС документ представлялся слишком лояльным. «В нем отсутствует аналитическая часть, в которой бы указывалось на значение свободы прессы и правового государства»²⁸⁶, – критиковал документ Рупрехт Поленц (ХДС), председатель комитета по внешней политике бундестага. По мнению критиков в документе, подготовленном министерством иностранных дел, лишь вскользь затрагиваются важнейшие проблемы России: например, там говорится, что Москва идет «собственным путем, который во многом не совпадает с путем ЕС». Такое положение не удовлетворяло ХДС/ХСС и ряд европейских стран, в частности, Польшу.

В качестве председателя Евросоюза Штайнмайер посетил Москву накануне саммита Россия – ЕС, который проходил в Самаре 17-18 мая 2007г. В ходе встречи с В.Путиным и С.Лавровым Штайнмайер 15 мая 2007 г. должен был найти общие позиции с Россией по спорным вопросам. «Нельзя занимать позицию ожидания там, где не хватает доверия, и нельзя молчать там, где есть конфликт интересов, – заявил Ф.-В. Штайнмайер на встрече с российским президентом. По его словам, он приехал в Москву именно для того, чтобы понять, «как

---

²⁸⁵ Стенограмма официальной встречи Федерального министра иностранных дел Франка-Вальтера Штайнмайера и Президента России Дмитрия Медведева на русском языке. – URL: <http://www.kremlin.ru/news/319-1/> (дата обращения: 15.01.2008).

²⁸⁶ Объективности хватило не всем. – URL: http://www.russia-today.ru/old/archive/2007/no_05/04_topic_4.htm (дата обращения: 18.01.2008).

преодолеть различия во взглядах в преддверии саммита или в ближайшие недели и положить им конец». По собственному признанию главы внешнеполитического ведомства Германии, в последнее время ситуация стала еще напряженнее «из-за единовременного нагромождения конфликтов»²⁸⁷.

Как писала немецкая газета Handelsblatt, Штайнмайер своим визитом в Москву должен был спасти то, что еще можно спасти, попытавшись снизить накал страстей хотя бы вокруг самых острых спорных моментов. По его словам целью визита явилась попытка «примирить Россию с Западом»²⁸⁸. По сути, Штайнмайер стал первым западным политиком, открыто заявившим о том, что отношения между Россией и Евросоюзом катастрофически ухудшились. В период председательства ФРГ в ЕС не удалось заключить нового соглашения о партнерстве и сотрудничестве между РФ и ЕС.

К списку проблем между Россией и ЕС добавились размещение элементов американской системы ПРО в Польше и Чехии, будущий статус Косово, а также споры вокруг иранской ядерной программы. Но все же главной проблемой был новый договор о стратегическом партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС. Еще в конце апреля по итогам встречи с «тройкой» ЕС в Люксембурге глава российского МИДа Сергей Лавров высказал мнение, что переговоры о новом соглашении могут начаться еще до самарского саммита. Однако верховный представитель ЕС по внешней политике и безопасности Хавьер Солана в интервью агентству РИА «Новости» заявил, что Евросоюз к переговорам не готов. «Мы надеялись начать переговоры о новом соглашении между ЕС и Россией на саммите, но, к сожалению, это оказалось невозможно, так как перед нами все еще стоит задача решить проблему, возникшую в связи с запретом России на импорт мяса и овощной продукции из Польши», – сказал Солана²⁸⁹.

Штайнмайер постоянно подчеркивал, что без тесного сотрудничества с Москвой Европа не сможет решать глобальные вопросы: «Такие серьезные проблемы, как борьба с междуна-

---

²⁸⁷ Medvedev Says Russia Will Retaliate to EU Sanctions. – URL: <http://www.themoscowtimes.com/news/article/medvedev-says-russia-will-retaliate-to-eu-sanctions-impact/498717.html> (дата обращения: 15.01.2008).

²⁸⁸ Putins wichtigster Botschafter. – URL: <http://www.handelsblatt.com/politik/international/steinmeier-putins-wichtigster-botschafter-seite-all/9564482-all.html> (дата обращения: 15.01.2008).

²⁸⁹ Евросоюз пока не готов к переговорам с Россией // Охрана.ру. – 2007. – 15 мая. – URL: http://www.oxpaha.ru/worldaround_102_26949 (дата обращения 19.03.2010).

родным терроризмом, обязательства по нераспространению оружия массового уничтожения, глобальные климатические изменения мы сможем решить только вместе с Россией... а также ситуации, связанные с международными конфликтами, такими как Косово, Иран и Ближний Восток», – заявил министр иностранных дел Германии 31 мая 2007 года²⁹⁰.

В 2008 году (в рамках действия группы друзей Генсека ООН по Грузии) Штайнмайером был предложен трехэтапный план урегулирования грузино-абхазского конфликта. Первый этап плана предусматривал годовичные меры восстановления доверия между грузинской и абхазской сторонами, подписание соглашения о неприменении силы и начало процесса возвращения грузинских беженцев в места их постоянного проживания в Абхазии. Второй этап плана – начало восстановительных работ на средства, собранные правительством Германии от стран-доноров. Третий этап – определение политического статуса Абхазии²⁹¹.

По мнению многих аналитиков план был не продуман. Максимум что можно было достичь по нему – он мог стать фундаментом для будущих переговоров. По сравнению с другими проектами урегулирования конфликта он был более либерален, и более приближен к реалиям с точки зрения отказа от идеи «территориальной целостности» Грузии, как истины в последней инстанции. Однако, в-целом, это был перечень плохо совместимых интересов сторон, которые уже много лет назад заявили, что они несовместимы.

План стал лишь отражением неких общих моментов конфликта, набором стандартных предложений и стандартных формул. Некоторые аналитики считали, что план, предложенный Штайнмайером являлся скорее некой пиар-акцией.

Однако Берлин, представив план в Грузии, Абхазии и России достиг некоторых целей. Первая, это участие Европы в урегулировании конфликта. Это был ответ Тбилиси, который ожидал от Европы более активной поддержки интересов Грузии. До этого участие Евросоюза в решении грузино-абхазского конфликта именно институционально не проявлялось. Были только общие призывы и заявления. Сам факт наличия плана урегули-

---

²⁹⁰ Штайнмайер Ф.-В. Европа не сможет решить глобальные проблемы без России. – URL: <http://ria.ru/world/20070530/66318200-print.html> (дата обращения: 20.03.2010).

²⁹¹ Беженцам, покинувшим Абхазию, пока некуда возвращаться – правозащитник. – URL: <http://ria.ru/politics/20080722/114623581-print.html> (дата обращения: 22.03.2010).

рования формулировал позицию европейского сообщества и его пожелания к контурам урегулирования.

Второй плюс для Германии от презентации документа – это демонстрация инициативы и заинтересованности в разрешении конфликта. ФРГ стала одной из стран, проголосовавшей на бухарестском саммите против включения Грузии в План действий по подготовке к членству в НАТО в апреле 2008 г. Главным аргументом стало наличие неурегулированных конфликтов. С появлением плана Штайнмайера у Германии появился серьезный козырь. Теперь Берлин было сложно упрекнуть в бездействии.

И третий момент состоял в том, что Германия лично для себя заработала ощутимые дивиденды, первой из европейских стран предложив план урегулирования грузино-абхазского конфликта. Однако все три стороны этот документ отвергли.

Для Абхазии в документе не хватило двух пунктов: «о выводе грузинских войск из верхней части Кодорского ущелья Абхазии, второй – подписание соглашения о невозобновлении военных действий и гарантии безопасности»²⁹².

Грузинские политики считали обязательным условием начало вывода из зоны конфликта российских миротворцев и их замену на миротворческие контингенты других стран. Однако в плане Штайнмайера об этом не было ни слова.

Ознакомившись с предложением немецкой стороны, министр иностранных дел РФ Сергей Лавров заявил: «План идет в правильном направлении, потому что урегулирование может быть только поэтапным, правильно, что в этом плане наконец-то поддержаны российские идеи о необходимости на самое первое место поставить требование к сторонам подписать соглашение о неприменении силы»²⁹³. Однако, предложение МИД Германии начать возвращение грузинских беженцев в Абхазию, Лавров назвал «абсолютно нереальным», так как поскольку сначала нужно «успокоить» ситуацию в регионе и восстановить доверие между сторонами²⁹⁴. Вопрос о возвращении беженцев, по мнению Лаврова, являлся одним из самых сложных в региональных конфликтах. В качестве предварительного условия для

---

²⁹² Абхазия не хочет быть Германией // Газета.ru. – URL: http://www.gazeta.ru/politics/2008/07/18_kz_2786586.shtml (дата обращения: 15.03.2010).

²⁹³ Лавров С. План Германии по урегулированию конфликта в целом правильный // РИА Новости. – URL: <http://ria.ru/politics/20080718/114385553-print.html> (дата обращения: 18.03.2010)

²⁹⁴ Абхазия: новый план мира с Грузией приведет к войне. – URL: <http://top.rbc.ru/politics/18/07/2008/203934.shtml> (дата обращения: 18.03.2010).

начала выполнения плана Москва назвала вывод грузинских воинских подразделений из Кодорского ущелья.

Это из немецкого МИДа еще в первые дни войны прозвучали слова о том, что авантюру начала Грузия. Как это ни странно звучит, но на фоне почти истерического вещания местных СМИ об опасности, идущей с Востока, а точнее из Москвы, уравновешенные слова и, главное, действия министра вызывали у населения симпатию.

Он поддерживал хорошие отношения с российскими президентами – В.В.Путиным и с Д.А.Медведевым. Штайнмайер стал первым зарубежным гостем, которого принял Д.Медведев после своего избрания президентом. В свою очередь, Германия стала первым государством Евросоюза, которое посетил Медведев.

Он продолжал развивать основные идеи российской политики Шредера, одновременно осторожно избавляясь от ее перегибов. Демонстративно продолжая дружественный России курс, Штайнмайер не оставлял без внимания вопросы прав человека и стремился увязать отношения с Россией с общеевропейским курсом, чтобы погасить недоверие соседей, в частности Польши.

Министр иностранных дел через некоторое время объяснил суть дела еще раз и всего одной фразой: «Россия — не безупречно демократическое государство»²⁹⁵. Поэтому Штайнмайер встречался в резиденции немецкого посла и с представителями российской оппозиции, в частности с экс-чемпионом мира по шахматам Гарри Каспаровым.

Критику Штайнмайера вызвало и заявление Д.Медведева о намерении разместить в Калининградской области ракетный комплекс «Искандер» в качестве защиты от американской системы ПРО. По словам Штайнмайера, инициатива Медведева – ошибочный шаг в неверный момент. Глава германского МИДа предостерегал от нового витка гонки вооружений²⁹⁶.

Факт принадлежности Штайнмайера к «шредеровской гвардии» был главной причиной его напряженных отношений с Ангелой Меркель, не стесняющейся показывать холодное отношение к министру иностранных дел – особенно когда речь шла об отношениях с Россией. Так, посещая в феврале 2009г. Сочи,

---

²⁹⁵ Independent Experts Blame Georgia for South Ossetia War. – URL: <http://abkhazworld.com/aw/current-affairs/346-eu-report-independent-experts-blame-georgia-for-south-ossetia-war> (дата обращения: 17.01.2010).

²⁹⁶ Германия назвала ошибкой размещение российских ракет в Калининграде. – URL: <http://lenta.ru/news/2008/11/07/steinmeier/> (дата обращения: 20.03.2010).

Меркель демонстративно отказалась включить в делегацию не только самого Штайнмайера, но и более или менее высокопоставленных сотрудников МИДа вообще.

В свою очередь, Ф.-В.Штайнмайер стремился предотвратить критику А.Меркель по поводу прав человека в России. Стратегическое сотрудничество Германии и Российской Федерации в сфере энергетики «не должно быть поставлено под угрозу из эмоциональных соображений»²⁹⁷. Бундесканцлер же упрекала СДПГ в том, что ее руководство имеет корыстные мотивы в партнерстве с Москвой. В выступлении, посвященном сокращению жалования руководителям частных компаний ФРГ она напомнила про «некого бывшего канцлера, работающего на российский газ» и получающего слишком большую зарплату. А.Меркель явно намекала на Г.Шредера, возглавляющего компанию «Северный поток», часть акций которой принадлежит Газпрому.

Отношение Штайнмайера к США также несколько отличалось от позиции фрау Меркель: сотрудники ФБР неоднократно жаловались, что германские спецслужбы курируемые Штайнмайером неохотно предоставляют им необходимую информацию²⁹⁸. В 2002г. именно Ф.-В. Штайнмайер руководил переговорами с США о поддержке Германией вторжения в Ирак и в 2003г. известил американское посольство, что ФРГ отказывается участвовать в военной операции. Посредничество Штайнмайера между Израилем и «Хизболлой» на Ближнем Востоке также не очень положительно воспринималось в США²⁹⁹.

После назначения министром иностранных дел Штайнмайеру нужно было убедить США в своей лояльности. Поэтому свой первый официальный визит он нанес в США в конце 2008г., посетив штаб-квартиру Организации Объединенных Наций. Перед ним была сложная проблема: с одной стороны, не нарушить заявленный А.Меркель курс на активизацию трансатлантического направления; с другой стороны, сохранить континуитет со внешней политикой правительства Г.Шредера. Перед поездкой в интервью газете «Бильд им Зоннтаг» Штайнмайер подчеркнул, что отношения ФРГ и США «не нуждаются в

---

²⁹⁷ Штайнмайер Ф.-В. Европа не сможет решить глобальные проблемы без России. – URL: <http://ria.ru/world/20070530/66318200-print.html> (дата обращения: 20.03.2010).

²⁹⁸ Araloff S. Frank Walter Steinmeier – Curator of Germany's Secret Services Will Shape Foreign Policy / S.Araloff. – URL: <http://www.state.gov/secretary/remarks/2005/02/222657.htm> (дата обращения: 17.01.2010).

²⁹⁹ Ibid.

новом начале», хотя некоторые моменты раньше вызывали разногласия, например, война в Ираке. Разногласия между партнерами по отдельным вопросам могут возникать, что не должно влиять на отношения в целом³⁰⁰.

Однако, оценка событий министром иностранных дел ФРГ отличалась от взглядов США. Например, Штайнмайер неоднократно выступал против увеличения числа военных баз США в Европе, и размещения американских систем ПРО в Чехии и Польше без соответствующего согласия Москвы. Дискуссия о размещении американских ПРО в Европе имеет стратегическое значение, подчеркивал Штайнмайер, отмечая, что это может привести к гонке вооружений и расколу Европы на «новую» и «старую»³⁰¹. Тем самым, министр показал, что не согласен с утверждениями Варшавы и Праги, считающими этот вопрос делом двусторонних отношений. Несколько раз подряд Штайнмайер повторил, что вопрос установки в Польше и Чехии элементов ПРО не может быть решен без участия России, за что уже через день был назван в Financial Times Deutschland «представителем русской мафии» и «путинским пособником», превращающимся из немецкого министра во внештатного сотрудника российского МИДа.

Политическое давление США на своих европейских партнеров по вопросу строительства газопровода Nord Stream вызывало раздражение в Германии. По данным немецкой газеты Handelsblatt, правительство ФРГ заявило посольству США в Берлине официальный протест в связи с призывами американского посла в Стокгольме помешать реализации проекта³⁰². Эксперты отмечали, что попытки США изолировать Россию начинают угрожать энергетической безопасности Европы. Скандал разгорелся после того, как посол США в Швеции Майкл Вуд в статье «Скажите «нет» ненадежной российской энергии», опубликованной 10 сентября в шведской газете Svenska Dagbladet, потребовал от Стокгольма воспрепятствовать проекту транспортировки газа из России в Германию по дну Балтийского моря. «Кризис на Южном Кавказе показал, что Европа и США не должны зависеть от России в энергетическом

---

³⁰⁰ Штайнмайер Ф.-В. Все еще может сорваться / Ф.-В.Штайнмайер. – URL: <http://imperiya.by/news.html?id=127330> (дата обращения: 18.01.2010).

³⁰¹ См.: Горностаев Д., Куранов А. Еж. П. Российская угроза убедила Чехию и Польшу / Д.Горностаев, А.Куранов, П.Еж. // Коммерсант. 2007. - № 29 (3605). – 26 февраля. – С. 3.

³⁰² ИТАР-ТАСС. –21 октября 2008. – URL: http://www.duel.ru/200843/?43_8_1 (дата обращения: 19.01.2008).

плане»³⁰³, – отметил Вуд. По его мнению, весь проект якобы является специальным соглашением между Германией и Россией, в то время как решение должна принимать вся Европа.

Выступление Майкла Вуда переполнило чашу терпения германского руководства. Министр иностранных дел ФРГ Франк-Вальтер Штайнмайер дал поручение заведующему одного из департаментов довести до посольства США в Германии недовольство Берлина по этому поводу, сообщила Handelsblatt со ссылкой на источники в правительстве. Комментируя ситуацию, газета отметила, что разногласия между американцами и европейцами по вопросу Nord Stream усилились: «Наш важнейший партнер по НАТО пытается остановить проект, который ЕС намерен реализовать. Мы уже не живем во времена конфронтации блоков, когда супердержавы с ядерным оружием стояли друг против друга, а европейцы должны были думать, как не угодить им под ноги»³⁰⁴.

В противовес Меркель Штайнмайер был против открытой конфронтации и изоляции Китая, Ирана и других стран на основании их «недемократичности».

Например, встреча 23 сентября 2007г. канцлера А.Меркель с Далай-ламой, которого Китай относит к сепаратистам, вызвала сокрушительное столкновение двух подходов. «Витринная политика» – в смысле показная», – не сдержался министр иностранных дел. Штайнмайер потребовал от Меркель «не превращать политику в шоу» и обвинил канцлера в том, что своим демаршем она «захлопнула двери Китая для германских инвесторов»³⁰⁵. Прием духовного лидера буддистов в официальной резиденции канцлера ФРГ вызвал большое недовольство Пекина. Ряд официальных визитов китайских делегаций в ФРГ был отменен. Ф.-В. Штайнмайер обвинил канцлера в попытке «изобразить» показное уважение к правам человека, отметив, что она «заигрывает с общественным мнением», пренебрегая влиянием этой встречи на улучшение политических и религиозных прав со стороны Китая.

Для прагматика Штайнмайера этот жест Меркель не привел к улучшению ситуации в Тибете, а немецким дипломатам пред-

---

³⁰³ Не учите Европу жить. Германия настоятельно попросила Вашингтон не вмешиваться в дела европейцев. – URL: <http://inosmi.ru/world/20080916/244035.html> (дата обращения: 20.01.2008).

³⁰⁴ Не учите Европу жить. Германия настоятельно попросила Вашингтон не вмешиваться в дела европейцев. – URL: <http://inosmi.ru/world/20080916/244035.html> (дата обращения: 20.01.2008).

³⁰⁵ Меркель и Штайнмайер перешли на личности. Министр просит канцлера не ссориться с Россией и Китаем. – URL: <http://www.hse.ru/news/1147227.html> (дата обращения: 20.03.2010).

стояло восстанавливать разрушенное в отношениях со страной, которая вот-вот вытеснит Германию с третьего места в списке крупнейших экономик мира.

В свою очередь, Штайнмайер отказался встречаться с Далай-ламой в мае 2008 года³⁰⁶. Министерство иностранных дел сообщило, что Штайнмайер очень занят. При этом он нашел время, чтобы посетить Россию и стать первым высокопоставленным европейским чиновником, который поздравил нового президента, Дмитрия Медведева, и нового премьер-министра, Владимира Путина.

Тем самым он дал понять Китаю и любому государству, которое систематически нарушает права человека, что Германия не может и не будет ничего делать. Если лидеры ведущих держав, таких как Германия, будут сторониться Далай-ламы, Пекину будет проще избавиться от него и отказаться от обсуждения соглашения по автономии с Тибетом³⁰⁷.

Борцы за права человека тут же обвинили главу МИД в трусости. Он своим поступком показывает Китаю, что интересы германского бизнеса в КНР важнее для ФРГ, чем защита прав человека. После сентябрьского визита далай-ламы в Германию Китай, обвиняющий его в сепаратизме, отменил в знак протеста ряд китайско-германских встреч на высоком уровне и пригрозил, что этот шаг ударит по деловым отношениям двух стран. Так что отказ министра от встречи с религиозным лидером Тибета в Германии расценили как знак того, что он поддался давлению Пекина. Больше других министра критиковали члены блока ХДС/ХСС, однопартийцы госпожи Меркель. Руководитель земли Гессе Роланд Кох, говорил, что из-за поведения господина Штайнмайера у Пекина возникнет ощущение, будто «права человека не являются для Германии центральным вопросом»³⁰⁸.

Сторонники Штайнмайера возражали, что «тихая дипломатия» лучше, чем публичные встречи, которые получают широкую огласку. Проводя встречи, лидеры проявляют симпатию к Далай-ламе, а министры иностранных дел должны стремиться стать посредниками между ним и Пекином. Штайнмайер в этом правительстве и в правительстве канцлера Герхарда Шредера

---

³⁰⁶ Меркель в это время находилась с визитом в странах Латинской Америки.

³⁰⁷ Далай-лама выступил в Европейском парламенте. – URL: <http://www.proza.ru/2008/12/05/178> (дата обращения: 23.03.2010).

³⁰⁸ Далай-ламу понизили в визите. Глава МИД Германии отказался от встречи с лидером Тибета. – URL: <http://www.portal-credo.ru/site/2index.php?act=news&id=62646&topic=550> (дата обращения: 25.03.2010).

и раньше проводил политику умиротворения – по отношению к Китаю, к Путину или к лидеру Узбекистана Исламу Каримову. Если он и прибегал к «тихой дипломатии», то подтверждение этому найти сложно.

Как отмечала DW-World, критики из ХДС/ХСС оставили без внимания тот факт, что в аудиенции Далай-ламе отказал не только социал-демократ Штайнмайер, но и консерватор Хорст Келер. Президент ФРГ также не нашел времени для встречи с лидером тибетцев³⁰⁹.

Несмотря на высказывания А.Меркель о важности отношений с США, социал-демократы во главе с Ф.-В.Штайнмайером настаивали на том, что главный партнер ФРГ – Франция. Поэтому первым в турне по европейским столицам уже в ноябре 2005г. стал Париж, потом шли Брюссель и Лондон.

В первой половине 2007 г. Штайнмайер занимал должность председателя Совета Евросоюза. Европейская безопасность, особенно энергетическая безопасность, была объявлена приоритетной темой для ФРГ страны на период председательства. Штайнмайер очертил ряд других направлений деятельности Федерального правительства. «Среди наших приоритетов – стимулирование роста и занятости, достижение прогресса в общей энергетической политике, укрепление сотрудничества по борьбе с терроризмом и преступностью, акцент на внешних отношениях»³¹⁰, – отметил министр страны-председателя ЕС.

Одной из важнейших целей Германии в период председательства в ЕС было продолжение дискуссии о реформе ЕС. Правительство Германии стремилось дать новый импульс Конституционному договору. Сначала все шло успешно. 23 июня 2007 г. главы государств и правительств ЕС достигли договоренности относительно мандата для заключения нового договора. Последний должен был быть доработан в 2007 г., на одной из межправительственных конференций. Штайнмайер активно поддерживал вступление в силу Лиссабонского договора: «Европа станет более демократичной. Европейский парламент, единственный из брюссельских институтов, который формируется в ходе прямых выборов, станет равноправным законодательным органом в ЕС. Национальные парламенты будут под-

---

³⁰⁹ Далай-лама не исключает, что может посетить Олимпиаду. – URL: <http://www.newsru.com/religy/16may2008/dalai.html> (дата обращения: 26.03.2010).

³¹⁰ Steinmeier F.W. Let's work for transparency and trust / F.W.Steinmeier. – URL: <http://www.transparency.org/steinmeier/21348> (дата обращения: 15.03.2010).

ключаться к законотворчеству Евросоюза на более ранних стадиях»³¹¹.

Он считал, что договор сделает Европу «более дееспособной», поскольку в ЕС сейчас 27 государств, а договоры, лежащие в основе Евросоюза, «на это не рассчитаны». «Тем более, если в ЕС вступят государства, которым мы пообещали европейскую перспективу. Лиссабонский договор позволит реформировать европейские институты: начиная от размера Еврокомиссии и кончая процедурой голосования в Совете ЕС. Все это позволит значительно повысить эффективность принятия решений в Евросоюзе»³¹².

Еще одно важное преимущество Лиссабонского договора Штайнмайер видел в том, что «у Европы появится весомый голос в мире. Национальные государства по-прежнему будут проводить собственную внешнюю политику, но вместе с тем улучшатся предпосылки для проведения общеевропейской внешней политики. И хотя «министр иностранных дел» ЕС будет именоваться по-другому, его позиции будут значительно укреплены благодаря тому, что он возглавит совет глав внешнеполитических ведомств стран ЕС и будет заместителем председателя Еврокомиссии»³¹³.

Он считал, что только Польша представляет препятствие для принятия Европейской Конституции, однако она фактически находится в политической изоляции в Евросоюзе.

Провал Лиссабонского договора на референдуме в Ирландии 12 июня 2008г. показал расхождение между политической элитой Евросоюза и населением, не разбирающемся в особенностях правовой интеграции, но чутко реагирующим на социальные проблемы. Ф.-В.Штайнмайер даже выдвинул предложение о приостановлении членства Ирландии в Евросоюзе, пока пройдет ратификация договора другими государствами.

Вместо полноправного членства в ЕС А.Меркель предлагала Турции «привилегированное партнерство» с Евросоюзом. Ее позицию не разделял министр иностранных дел ФРГ. Он выступал за принятие Турции в Евросоюз и создание суверенного государства Косово. В интервью газете «Ганноверше альге-

---

³¹¹ German Foreign Minister: Europe Needs Lisbon Treaty. – URL: <http://www.dw.de/german-foreign-minister-europe-needs-lisbon-treaty/a-3499044> (дата обращения: 18.03.2010).

³¹² German Foreign Minister: Europe Needs Lisbon Treaty. – URL: <http://www.dw.de/german-foreign-minister-europe-needs-lisbon-treaty/a-3499044> (дата обращения: 18.03.2010).

³¹³ German Foreign Minister: Europe Needs Lisbon Treaty. – URL: <http://www.dw.de/german-foreign-minister-europe-needs-lisbon-treaty/a-3499044> (дата обращения: 18.03.2010).

майне цайтунг» он высказался за скорейшее принятие Турции в ЕС. Этот шаг «оказал бы позитивное влияние на ситуацию в области безопасности в Европе», – отметил министр. «Если мы свяжем себя с Турцией, тогда уровень безопасности и стабильности в Европе возрастет». Проводимый Анкарой курс реформ должен получить «большее и однозначное признание», полагает Штайнмайер. «Я опасаюсь, что в противном случае мы льем воду на мельницу тех сил в Турции, которые стремятся затормозить движение этой страны к цивилизации»³¹⁴, – полагает Штайнмайер. Вступление Турции в ЕС имело бы позитивное значение для развития отношений между ЕС и исламским миром. В этом случае пример Турции мог бы служить доказательством того, что «ислам и демократия совместимы».

В 2006 г. Штайнмайер стал первым европейским министром иностранных дел, который посетил сразу все пять республик в Средней Азии: Казахстан, Узбекистан, Туркмению, Таджикистан и Киргизию. Его сопровождала большая группа чиновников, бизнесменов, журналистов. Министр встречался с президентами, парламентариями и – там, где это удалось, – с представителями общественности. С тех пор отношения ЕС с Центральной Азией вышли на новый уровень.

Германия в период своего председательства в ЕС, придавая стратегическое значение более тесным отношениям с государствами Центральной Азии, сделала выработку стратегии ЕС по этому региону одним из ключевых пунктов своей внешнеполитической повестки дня. На летнем саммите высшего уровня ЕС была принята стратегия ЕС в отношении государств ЦА, суть которой – задействование альтернативных источников энергоресурсов для Европы, для того чтобы снизить зависимость от России. Отцом этой стратегии стал Франк-Вальтер Штайнмайер.

Франк-Вальтер Штайнмайер символически заметил, что принятие стратегии сигнализирует о растущем интересе Европы к этому региону. В древности именно через Центральную Азию проходил Великий Шелковый путь – главная торговая и транспортная артерия, соединяющая Восток и Запад. И в XXI веке этот потенциал отнюдь не исчерпан. В данное время лишь один процент транспортных путей проходит через центрально-азиатский регион.

---

³¹⁴ Премьер-министр Баварии требует «заморозить» процесс вступления Турции в ЕС. – URL: <http://palm.newsru.com/world/08nov2006/kipr.html> (дата обращения: 20.01.2009).

«Надежды, которые мы связываем с Центральной Азией, состоят в том, чтобы здесь развивалось нечто подобное региональному сотрудничеству, не обязательно ориентированное на европейскую модель, но с учетом опыта, накопленного в Европе»³¹⁵, – заявил Франк-Вальтер Штайнмайер во время своего турне по Средней Азии в ноябре 2006 года.

По словам Штайнмайера, новая стратегия углубленных отношений открывает новую главу сотрудничества ЕС и Германии со странами этого региона, о чем, в частности, свидетельствует удвоение расходов ЕС, выделяемых на это направление. Установление мира в Афганистане, противодействие угрозам международного терроризма и наркоторговли невозможны без стабильности в Центральной Азии и соответствующего вклада в этот процесс центрально-азиатских государств и Европы. Жизненно важной задачей для ЕС является поддержка политической и экономической модернизации центрально-азиатских стран³¹⁶.

Таким образом, в 2005-2009гг. Ф.-В. Штайнмайер отстаивал преемственность, континуитет стратегии Германии на международной арене. Меркель и Штайнмайер представляли разные партии, и их служба в одном правительстве являлась результатом необходимости, а не предпочтения. А.Меркель – политик с опытом работы в правозащитных структурах. Ценности у А. Меркель имеют преимущество перед экономическими интересами. Тема соблюдения прав человека или свободы слова играет для нее определяющую роль. Ф.-В.Штайнмайер скорее прагматик и сторонник экономического партнерства с Россией и Китаем без учета уровня развития демократических прав и свобод в этих государствах. Глава МИДа выступал за осторожность, канцлер – за открытость.

В немецкой внешней политике периодически раздавалось два голоса – довольно разных. Министр публично критиковал канцлера за вмешательство во внешнюю политику, обвиняя Меркель в ухудшении германо-российских и германо-китайских отношений. Канцлер в свою очередь обвиняла социал-демократов, к которым принадлежит и Штайнмайер, в попусти-

---

³¹⁵ Интервью Ф.-В.Штайнмайера газете «Казахская правда». – URL: http://www.kazpravda.kz/index.php?uin=1151645457&act=archive_date&day=30&month=6&year=2007 (дата обращения: 23.03.2010).

³¹⁶ Интервью Ф.-В.Штайнмайера газете «Казахская правда». – URL: http://www.kazpravda.kz/index.php?uin=1151645457&act=archive_date&day=30&month=6&year=2007 (дата обращения: 23.03.2010).

тельстве Москве и Пекину. «Поиск диалога с иностранными державами, – заявила канцлер, – должен идти путем взаимного сближения, а не путем потакания»³¹⁷.

Однако говорить об однозначном прохождении линии фронта было бы неверно. Канцлеру Ангеле Меркель были также не безразличны экономические интересы Германии, как и права человека – министру иностранных дел Франку-Вальтеру Штайнмайеру. Они оба рассматривали как русских, так и китайцев в качестве важнейших партнеров в решении международных конфликтов.

В статье анализируется деятельность представителя социал-демократической партии Германии Франка-Вальтера Штайнмайера на посту министра иностранных дел ФРГ в первом правительстве Ангеле Меркель (2005-2009).

Ключевые слова: Франк-Вальтер Штайнмайер, внешняя политика, дипломатия, министр иностранных дел, Германия, Лиссабонский договор, ЕС, Социал-демократическая партия Германии, СДПГ

The article examines the activities of the representative of the social democratic party of Germany Frank-Walter Steinmeier, Minister of foreign Affairs of Germany in the first government of Angela Merkel (2005-2009). **Keywords:** Frank-Walter Steinmeier, foreign policy, diplomacy, Minister of foreign Affairs, Germany, Lisbon treaty, EU, the social democratic party of Germany, SPD

---

³¹⁷ Меркель и Штайнмайер перешли на личности. Министр просит канцлера не ссориться с Россией и Китаем. – URL: <http://www.hse.ru/news/1147227.html> (дата обращения: 22.03.2010).

ОТ «ОРАНЖЕВОЙ РЕВОЛЮЦИИ» К «УПРАВЛЯЕМОМУ ХАОСУ»: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

Украина представляет собой государство, находящееся в стадии становления, с несформировавшейся в силу глубокого социокультурного раскола наций³¹⁸, с не завершившей демократический транзит политической системой³¹⁹, лежащее в зоне цивилизационного разлома между православной и западной цивилизацией³²⁰. Поэтому при анализе внутренних и внешних факторов того политического кризиса, который она переживает на настоящем этапе, следует исходить из их комплексной взаимосвязи.

Особенностью мирополитического процесса последних десятилетий является его глобализация, сопровождающаяся демократизацией и усилением влияния международных и негосударственных акторов³²¹. Существенной особенностью демократизации является использование таких инструментов, как: 1) осуществляемые правящими элитами реформы, направленные на осуществление рыночных преобразований и «демократического транзита»³²², и 2) «бархатные» («цветные») революции, в ходе которых при участии народных масс происходит сравнительно бескровное отстранение от власти недемократических режимов³²³.

Применительно к Украине, получившей независимость в 1991 году, процессы демократического транзита идут непросто, сопровождаясь как реформами, так и революциями. Первой такой революцией была «оранжевая революция» 2004 г., приведшая к власти прозападную «оранжевую коалицию». Она имела все признаки классического типа «цветных революций», отличающихся от «бархатных», прежде всего, тем, что они ограничиваются сменой одного псевдодемократического режима другим, не осуществляя смены социального строя³²⁴:

---

³¹⁸ Неменский О. Украинский раскол

³¹⁹ Слинько, 2011.

³²⁰ Хантингтон, 2005.

³²¹ Archibugi, 2008. Красавцева 2007; Наумов, 2009; Хантингтон, 2003.

³²² Gill, 2000.

³²³ Кара-Мурза, 2006.

³²⁴ Лэйн 2010; Почепцов, 2005; Сальников, 2013.

1. Как революция эпохи постмодерна, где акцент делается не столько на захвате политической власти, сколько на свержении культурной и коммуникативной гегемонии правящего режима, «оранжевая революция» победила в умах активной части украинского общества еще до ее политической победы. Что в значительной степени способствовало мобилизации ее сторонников.

2. При ее осуществлении активно использовались политические технологии манипуляции массовым сознанием: постоянное повторение магических слов-заклинаний типа «Мы – не быдло!», «Украина может все!», помогающее закреплению внушаемых толпе установок; игра на чувствах людей, которых не впечатляет логика аргументов, но завораживают ясные образы типа «Ющенко – борец с коррупцией», «Украина идет в Европу»; замалчивание подлинных целей оппозиции, которая меньше всего думает о благе народа; нагнетание антивластной и анти-российской истерии.

3. Как и все «цветные революции», «оранжевая революция» во временном плане была приурочена к выборам, результаты которых заранее объявлялись сфальсифицированными. Это и послужило формальным поводом организовать массовые многонедельные акции протеста на Майдане независимости, закончившиеся лишь после победы в третьем (дополнительном) туре президентских выборов «правильного» кандидата – В. Ющенко.

4. Она носила подчеркнуто ненасильственный характер в духе рекомендаций Дж. Шарпа, чему помогало западное дипломатическое давление на власть, чтобы та не применяла силу против оппозиционеров.

5. Ее характерной чертой часто является театральность, помогающая сочетать протест и развлечение. Неслучайно Майдан независимости посещали не только политики, но также представители творческих профессий, превращая его в яркое шоу, привлекающее толпы киевлян.

6. Отсутствие класса-гегемона и революционной партии, способной взять власть. Ведущую роль в мобилизации масс на протестные действия сыграли социальные сети и ИКТ-технологии, в силу чего «цветные революции» нередко называют «твиттер-революциями». Мобилизованная соцсетями массовка из студенческой молодежи, футбольных фанатов, «креативного» и среднего классов и прочих «пассионариев», выполнив роль «митингового мяса», мирно вернулась к своим преж-

ним занятиям после победы «оранжевого» кандидата, чья революционность не выходила за пределы PR-акций.

7. Большая роль «внешних сил» в ее подготовке и реализации. Практически все «бархатные» и «цветные» революции в Центральной и Восточной Европе и на постсоветском пространстве осуществлялись при активной поддержке Запада, стремящегося с их помощью привести к власти более лояльные режимы. Не стала исключением и Украина в 2004 г., когда Запад, как на официальном уровне, так и через структуры гражданского общества (Freedom House, PAUCI, Фонд Сороса, Фонд «Евразия» и др.) оказал значительную поддержку «оранжевой» коалиции.

8. Активное использование этнонационального фактора для политической мобилизации сторонников революции. Во время «оранжевой революции» активно использовался ресурс Западной Украины и идея создания новой евроатлантической украинской политической нации.

Что касается «евромайданной революции», то она осуществлялась по иной логике – с учетом опыта т.н. «Арабской весны», революции которой уже осуществлялись по другим технологиям³²⁵. В них также активно использовались социальные сети, в их организации активную роль также сыграл Запад, но в отличие от «цветных революций» на постсоветском пространстве, где применялись политические технологии, связанные с выборами, технологии «Арабской весны» были направлены на силовой захват власти с участием боевиков и фундаменталистов. А тот факт, что данные революции, поддержанные США и их союзниками, способствовали дестабилизации Ближнего и Среднего Востока – говорит в пользу того, что их осуществление вполне вписывается в логику концепции «управляемого хаоса», активно используемую США для реализации их геополитических интересов³²⁶.

Все это произошло на Украине 2013-2014 гг., где наряду с массовой делегитимизацией правящего режима, русофобией в подконтрольных олигархам СМИ, майданной массовой мобилизацией протестующих через социальные сети, активно использовались фашиствующие боевики в масках, захваты административных зданий, вооруженные провокации с гибелью десятков людей, мощная поддержка Западом оппозиционеров

---

³²⁵ Манойло 2014.

³²⁶ Манойло А. Цветные революции...; Стегний 2012.

при одновременном давлении на власти Украины с целью помешать им пресечь массовые беспорядки³²⁷.

В итоге мы имеем свержение законной власти, социально-экономическое положение страны близкое к коллапсу, резкое ухудшение отношений с Россией, политический и правовой хаос, провоцирующий политическое насилие, сецессию Крыма и сепаратистские устремления на Юго-Востоке Украины, приведшие к полномасштабной гражданской войне и к многотысячным потокам беженцев. Прошедшие в мае 2014 г. выборы нового президента, лишь способствовали легитимации новых киевских властей, но не политической и социально-экономической стабилизации в стране. Скорее, наоборот, те, кто посеял хаос на Украине, - попытаются перенести его в Россию, Беларусь и другие страны постсоветского пространства, чтобы под видом демократизации ограничить их суверенитет и обеспечить контроль над их ресурсами³²⁸. Поэтому политическое руководство нашей страны должно сделать все возможное, чтобы воспрепятствовать распространению «управляемого хаоса» на Россию, а российский народ должен проявить присущую ему мудрость и не поддаваться на ложные посулы и провокации.

Тем более, что обогащенные ближневосточным опытом «цветные революции» на постсоветском пространстве могут привести к террористической войне, являющейся «высшей формой политического экстремизма, связанной с формированием террористических армий и экстремистских властных структур в масштабах или отдельных регионов, или целых стран»³²⁹. Эта война уже охватила Ближний Восток и перекинулась на Украину, терроризируемую «Правым сектором» и их зарубежными соратниками, власти, которой при помощи силовых структур и частных армий Коломойского, Ляшко и др. ведут под видом «антитеррористической операции» самую настоящую террористическую войну против населения самопровозглашенных Донецкой и Луганской республик³³⁰.

Чтобы хаос этой войны, имеющей целью не победу, а разрушение страны, против которой она ведется, не охватил Россию – ее власти, по мнению автора, должны предпринять следующие меры:

---

³²⁷ См.: Свободная мысль. – 2014. - №2: тема номера «Украина». – М.: ООО ИПФ «Гарт», 2014. – 224 с.

³²⁸ Стариков

³²⁹ Слинько, 2006. - С.8.

³³⁰ Война будущего на примере Сирии и Донбасса

1. Сделать все возможное, чтобы не быть втянутыми в военные действия на территории Украины, что чревато не только вводом туда войск НАТО, но и объявлением России агрессором со всеми вытекающими отсюда последствиями. При этом Россия не должна оставлять русскоязычное население Юго-Востока на произвол судьбы, обеспечивая дипломатическую поддержку мирного урегулирования вооруженного конфликта, оказывая гуманитарную помощь и обращая внимание мирового сообщества на массовые нарушения прав человека на Украине. Оказание военной помощи возможно, но только в рамках международного права и в случае массового геноцида мирного населения.

2. Не допустить российского «евромайдана» – для чего пресекать несанкционированные антиконституционные митинги и шествия со всей строгостью закона, обеспечить действие законодательства об «иностранных агентах»³³¹, что позволит перекрыть источник финансирования политической оппозиции из-за рубежа через неправительственные организации, предотвращать противозаконные действия, направленные на дестабилизацию обстановки.

3. Распространять правдивую информацию о том, что действительно несет «демократизация» по американским рецептам странам, ее принявшим, и что ждет Россию в случае победы такой «демократии». Для этого необходимо привлечь не только государственные СМИ, но также патриотично настроенных здравомыслящих работников науки и образования, журналистов и блогеров.

4. Способствовать самоорганизации населения, чтобы оно могло быстро соорганизоваться в случае угрозы со стороны экстремистов и террористов для ее отражения или предотвращения.

5. Чтобы устранить причины, порождающие радикальные настроения масс, необходимо осуществить реальную модернизацию экономической, политической и социальной системы, способствующую не только нашей интеграции в мировую экономику и «мировую цивилизацию», но прежде всего создающую возможности защитить страну и ее граждан от внешних и внутренних угроз.

---

³³¹ См. Федеральный Закон РФ от 20.07.2012 №121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента».

В.И. Сальников

ОТ «ОРАНЖЕВОЙ РЕВОЛЮЦИИ» К «УПРАВЛЯЕМОМУ ХАОСУ»: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

Аннотация: В данной статье автор анализирует политический кризис в современной Украине и радикализацию политического процесса в результате «оранжевой революции» и «евромайдана», что, по его мнению, чревато не только угрозой распада страны, но и распространением «управляемого хаоса» на Россию, Белоруссию и другие страны постсоветского пространства, где не завершены процессы демократического транзита. Отмечая влияние опыта т.н. «Арабской весны» на радикализацию политического процесса на постсоветском пространстве, автор дает рекомендации российским властям по противодействию этим угрозам.

Ключевые слова: демократический транзит, «цветные революции», «оранжевая революция», «евромайдан», «управляемый хаос», «Арабская Весна», политический процесс, террористическая война, Украина, постсоветское пространство.

V.I. Sal'nikov

FROM THE "ORANGE REVOLUTION" TO "CONTROLLED CHAOS": SOME ASPECTS OF POLITICAL PROCESSES IN CONTEMPORARY UKRAINE

Abstract: In this article, the author analyzes the current political crisis in Ukraine and the radicalization of the political process as a result of the «Orange Revolution» and «Evromaydan» that, in his opinion, is fraught with the threat of the collapse not only this country but also the spread of «controlled chaos» in Russia, Belarus and other post-Soviet countries, where the processes of democratic transition are still not completed. Noting the impact of the experience of the so-called «Arab Spring» in the radicalization of the political process on the post-Soviet space, the author makes recommendations to the Russian authorities to counter these threats.

Keywords: democratic transition, «the color revolutions», «The Orange Revolution», «Euromaydan», «controlled chaos», «The Arab Spring», political processes, terrorist warfare, Ukraine, The Post-Soviet Space.

Библиографический список

1. Федеральный Закон РФ от 20.07.2012 №121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента».
2. Война будущего на примере Сирии и Донбасса // URL: <http://ttolk.ru/?p=20851>
3. Глобальное управление в XXI веке : инновационные подходы = Global Governance in the XXI Century : Innovative Approaches / [ред. Ал.А. Громыко]. – М.: Ин-т Европы РАН : Нестор-история, 2013. – 100 с.
4. Кара-Мурза С.Г. Революции на экспорт / С.Г. Кара-Мурза, А.А. Александров, М.А. Мурашкин [и др.]. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – 528 с.
5. Красавцева А.В. Роль транснациональных корпораций в мирополитических процессах глобализирующегося мира : дис. канд. полит. наук : 23.00.04 / А.В. Красавцева. – СПб., 2007. – 171 с.
6. Лэйн Д. Оранжевая революция : «народная революция» или революционный переворот? / Д. Лэйн // Полис. – 2010. - №2. – С. 31-53.
7. Манойло А. Цветные революции на Ближнем Востоке и в Северной Африке: технологии управляемого хаоса / А. Манойло // URL: <http://andreymanoylo.vov.ru/cvetrevol.html>
8. Манойло А.В. Украинский кризис и «управляемый хаос» : след «цветных революций» Арабской Весны / А.В. Манойло // Власть. – 2014. - №4. – С. 25-28.
9. Наумов А.О. Международные неправительственные организации в современном мирополитическом процессе / А.О. Наумов. – М.: КРАСАНД, 2009. – 272 с.
10. Неменский О. Украинский раскол / О. Неменский. – URL: <http://www.apn.ru/publications/print17537.htm>
11. Оранжевые сети : от Белграда до Бишкека / [отв. ред. Н.А. Нарочницкая]. – СПб. : Алетейя, 2008. – 208 с.
12. Почепцов Г. Революция.com. Основы протестной инженерии / Г. Почепцов. – М.: Европа, 2005. – 532 с.
13. Сальников В.И. «Цветные революции» на постсоветском пространстве : специфика и проблемы управления / В.И. Сальников // Политические процессы в России и в мире в условиях глобального кризиса : монография. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2013. – С.28-50.
14. Свободная мысль. – 2014. - №2: тема номера «Украина». – М.: ООО ИПФ «Гарт», 2014. – 224 с.
15. Слинько А.А. Политический экстремизм и террористическая война в панораме истории : монография / А.А. Слинько. - Воронеж: Научная книга, 2006. – 108 с.
16. Слинько А.А. Украина : особенности становления политической системы : монография / А.А. Слинько, Е.А. Слинько. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2011. – 116 с.
17. Стариков Н. Американцы зажгли Украину, чтобы огнем ее пожара дотла спалить весь Русский мир / Н. Стариков // URL: <http://xn--b1aecn3adibka9mra.xn--p1ai/blog/43753079023/Zachem-amerikantsyi-zazhgli-Ukrainu-ili-pomogaet-li-Rossiya->

Novo?utm_campaign=transit&utm_source=main&utm_medium=page_0&pad=1&mid=4353D9AC0CE795B106794AEBBA65A46E

18. Стегний П. Большой Ближний Восток : «Большая Ближневосточная Весна» или война? / П. Стегний // Россия в глобальной политике. – 2012. – Т.10. - №1. – С. 68-78.

19. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2005. – 603 с.

20. Хантингтон С. Третья волна : Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. – М.: РОССПЭН, 2003. – 365 с.

21. Archibugi D. The Global Commonwealth of Citizens. Toward Cosmopolitan Democracy / D. Archibugi. – Princeton : Princeton Univ. Press, 2008. – 320 p.

22. Gill G. The Dynamics of Democratization : Elites, Civil Society and the Transition Process / G. Gill. — N.Y.: St. Martin's Press, 2000. – 287 p.

Е.В. Бадалова

СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ФРГ

Развитие социальной роли высшего образования, обеспечение его доступности являются одними из ключевых целей Болонской декларации. В Германии данное направление реформы реализуется особенно успешно, что доказывается многочисленными инициативами федерального правительства, направленными на укрепление социальной роли высшего образования.

В Германии действует, пожалуй, одна из самых развитых на сегодняшний день систем поддержки студентов во время учебы. Главным государственным механизмом в этой области является Закон о содействии в получении образования (Bundesausbildungsförderungsgesetz) или сокращенно BAföG, вступивший в силу 1 октября 1971 г. По данным различных социологических исследований, около 67 % немецких студентов вынуждены заниматься различными подработками, чтобы самостоятельно финансировать свою учебу. Для того чтобы сосредоточить студентов на учебе, а не на поиске средств к ее осуществлению и был принят BAföG³³². Зачастую сокращение BAföG используется как обозначение самой стипендии-ссуды, выдаваемой студентам, чтобы уравнивать шансы и дать возможность всем желающим, отвечающим определенным критериям, получить образование в Германии.

Эта программа финансируется из средств федерального правительства и федеральных земель. По данным Федерального статистического управления в 2010 г., например, бюджет BAföG составил более 2,9 млрд. евро, из которых 65 % выделяется из средств Федерального бюджета, а 35 % средств поступает из бюджетов земель³³³.

При рассмотрении возможности получения BAföG основное внимание уделяется материальному положению студента, т.е.

---

³³² BAföG или стипендия-ссуда студентам в Германии / Блог об образовании в Германии и Австрии: [сайт]. – URL: <http://germanblog.ru/obrazovanie/v-germanii/bafoeg-ili-stipendia-ssuda-studentam-v-germanii> (дата обращения: 24.02.2012).

³³³ Bundesausbildungsförderungsgesetz: [сайт]. – URL: <http://de.wikipedia.org/wiki/Bundesausbildungsf%C3%B6rderungsgesetz> (дата обращения: 03.03.2012).

его заработкам, доходам его родителей или супруги/а, условиям проживания (живет он с родителями или самостоятельно) и т.д. Как правило, получить ссуду BAföG могут граждане ФРГ, в возрасте до 30 лет, обучающиеся на бакалавриате, и до 35 лет – в магистратуре. Кроме того, на BAföG могут претендовать студенты из стран Евросоюза, если:

- хотя бы один из родителей соискателя – гражданин ФРГ;
- муж или жена студента является обладателем немецкого гражданства;
- он является беженцем;
- у него имеется бессрочный вид на жительство;
- он имеет право на получение убежища;
- он – официальное лицо без гражданства.

Для лиц, не являющихся гражданами ЕС, существует отдельный ряд условий для получения BAföG:

• О
ни должны до начала учебы непрерывно проработать в Германии не менее 5 лет;

• И
ли один из их родителей находился на территории ФРГ как минимум 6 лет, 3 года из которых он посвятил трудовой деятельности.

Иностранные студенты, приехавшие учиться в Германию, но не отвечающие требованиям BAföG, претендовать на получение ссуды не могут³³⁴.

Что касается размера выплат, то он варьируется в зависимости от таких показателей как доходы родителей, количество детей в семье, стоимость аренды жилья и др. На сайте данной программы (<http://www.studis-online.de/>) размещен специальный счетный механизм (BAföG-Rechner), который запрашивает все необходимые данные, учитываемые при расчете BAföG, и затем выдает сумму ссуды, на которую может претендовать каждый конкретный студент в зависимости от условий его проживания. В настоящий момент максимальные выплаты, которые могут осуществляться студентам, живущим отдельно от родителей, составляют около 670 евро в месяц. Средний размер став-

---

³³⁴ Зарянка В. BAföG – стипендия-ссуда на выгодных условиях / В. Зарянка: [сайт]. – URL: <http://www.dw.de/dw/article/0,,4145450,00.html> (дата обращения: 25.02.2012).

ки финансовой помощи составляет 436 евро в месяц. Дополнительные выплаты осуществляются студентам, у которых есть дети в возрасте до 10 лет (113 евро на первого ребенка, и по 85 на каждого следующего). Финансовая помощь в рамках BAföG предоставляется на весь период обучения студента (как правило, это 9 семестров), однако по истечении 4 семестров обучения, во время которых студент получал выплаты, он должен представить документ, отражающий прогресс в обучении, достигнутый им за эти 4 семестра. Это делается для того, чтобы доказать серьезное отношение студента к учебе и обеспечить успешное окончание им высшего учебного заведения³³⁵.

Гранты и ссуды BAföG распределяются Федеральным ведомством управления (Bundesverwaltungsamt), они предоставляются на льготных условиях, и подлежат выплате в течение 20 лет с момента предоставления (начинаются эти выплаты только на 5 год после получения студентом ссуды), процентные ставки к ним не предусмотрены. Более того, студенты обязаны вернуть только половину полученной суммы, а другая половина выплачивается им в качестве дотации. Минимальная месячная выплата составляет сейчас 105 евро, а общий размер возвращаемой суммы не должен превышать 10 000 евро³³⁶. При этом высокая успеваемость позволяет уменьшить беспроцентную часть государственной ссуды:

- На 25%, если вы сдали итоговый экзамен, не выходя за рамки самого длительного возможного срока финансирования;
- На 20%, если итоговый экзамен был сдан не позднее 6-ти месяцев после истечения самого длительного возможного срока финансирования;
- На 15%, если итоговый экзамен был сдан не позднее 12-ти месяцев после истечения самого длительного возможного срока финансирования;
- На 20% для учащихся академий независимо от длительности их обучения;
- На 20% для учащихся, вошедших в 30% лучших студентов своего потока (это положение действительно до 31.12.2012);

---

³³⁵ BAföG – FAQ: [сайт]. – URL: <http://www.bafoeg-rechner.de/FAQ/ueberhaupt.php> (дата обращения: 27.02.2012).

³³⁶ Introduction to BAföG: [сайт]. – URL: <http://www.bmbf.de/en/18228.php> (дата обращения: 27.02.2012).

- На 2 560 евро, если вы сдали итоговый экзамен, по крайней мере, за 4 месяца до окончания самого длительного возможного срока финансирования³³⁷.

За годы своего существования BAföG неоднократно подвергался реформированию. Так, в ходе реформы 2008 г. был существенно расширен круг иностранцев, имеющих право на государственное содействие в получении образования, в результате чего число иностранных граждан, получающих такое содействие, за последние три года возросло почти на 42 % и превысило 60 тыс. человек. С этого же года стало возможным предоставлять выплаты лицам, которые полностью получают образование в странах ЕС или Швейцарии, что позволило довести число получающих государственную помощь до 16 % из общего числа студентов, обучающихся за рубежом³³⁸.

В 2010 году была принята 23-я поправка к Закону о содействии в получении образования, направленная на увеличение числа студентов, претендующих на получение BAföG. В соответствии с ней, была повышена предельная возрастная граница (до 35 лет) для финансового содействия молодым людям, которые намереваются повысить свою профессиональную квалификацию и продолжить обучение в магистратуре. Более гибкой стала и возрастная граница при уходе за ребенком. Стипендии до размера 300 евро в месяц одаренным и успешно обучающимся лицам освобождены от причисления к налогооблагаемым доходам, вновь повышены ставки нуждаемости и не учитываемые при предоставлении финансовой помощи суммы доходов. Была разрешена выплата BAföG студентам, находящимся в зарегистрированном однополном браке³³⁹.

Эта реформа закона BAföG существенно улучшила положение дел со стимулированием одаренных студентов и учащихся и предоставлением ссуды на их образование, что сделало этот закон важнейшим инструментом в деле индивидуального финансирования образования. По данным Федерального статистического ведомства, количество студентов, получивших кре-

---

³³⁷ BAföG или стипендия-ссуда студентам в Германии / Блог об образовании в Германии и Австрии: [сайт]. – URL: <http://germanblog.ru/obrazovanie/v-germanii/bafoeg-ili-stipendia-ssuda-studentam-v-germanii> (дата обращения: 03.03.2012).

³³⁸ 40 лет BAföG – инвестиции в будущее Германии: [сайт]. – URL: <http://ru.exrus.eu/> (дата обращения: 04.03.2012).

³³⁹ The new BAföG: [сайт]. – URL: <http://www.bmbf.de/en/892.php> (дата обращения: 06.03.2012).

диты на образование BAföG, в 2010 году составило 592 тысячи человек, и этот показатель продолжает расти³⁴⁰.

Однако, несмотря на все усовершенствования, нередко закон BAföG подвергается критике, прежде всего, со стороны студентов, которые выражают недовольство суммами выплат, считая их недостаточными для финансирования их обучения. Кроме того, иногда студенты получают BAföG нечестным путем, предоставляя фальшивые документы, что создает дополнительную нагрузку на бюджет ФРГ, и, как правило, в таких случаях предоставленные BAföG не достигают ожидаемых результатов³⁴¹.

В целом, оценивая результаты функционирования закона BAföG по прошествии 40 лет со дня его вступления в силу, федеральный министр образования ФРГ Аннете Шаван (которая, кстати, сама в студенческие годы была получателем государственной помощи согласно этому закону) отметила: «Закон BAföG есть и остается историей успеха, потому что этот закон создает больше шансов для справедливости в системе образования страны...С помощью закона BAföG все молодые люди, независимо от своего происхождения, социального и финансового положения, могут получить финансовую возможность завершить образование, которое соответствует их способностям и интересам. Сегодня хорошее образование еще важнее, чем прежде, как для каждого молодого человека в отдельности, так и для общества в целом. Ведь нам срочно необходима квалифицированная рабочая сила. Поэтому закон BAföG является важнейшей инвестицией в будущее нашей страны и остается основной составной частью нашей политики образования»³⁴².

Еще одной инициативой в области выполнения высшим образованием своей социальной роли является «Пакт о высшем образовании 2020», принятый федеральным правительством в 2007 г. и ставящий своей целью существенное увеличение числа студентов, поступающих на первый курс в немецкие вузы и, наряду с этим, создание более благоприятных условий для проведения научных исследований в университетских стенах.

---

³⁴⁰ 40 лет BAföG – инвестиции в будущее Германии: [сайт]. – URL: <http://ru.exrus.eu/> (дата обращения: 04.03.2012).

³⁴¹ Kritik an neuen BAföG-Regeln / Das Physikportal: [сайт]. – URL: http://www.pro-physik.de/details/news/1119133/Kritik_an_neuen_Bafög-Regeln.html (дата обращения: 10.03.2012).

³⁴² BAföG ist “bis heute eine Erfolgsgeschichte” (Annette Schavan im Gespräch mit Tobias Armbrüster): [сайт]. – URL: http://www.dradio.de/dlf/sendungen/interview_dlf/1543692/ (дата обращения: 13.03.2012).

Все мероприятия, проводимые согласно Пакту, должны осуществляться в два периода: первый с 2007 до 2010 гг., второй – с 2010 до 2015 гг. В первой фазе проекта федеральное правительство выделило 565 млн. евро на создание дополнительных учебных мест для 91 тыс. студентов-первокурсников, инвестируя соответственно 22 тыс. евро в каждого нового студента-первокурсника³⁴³.

Во время осуществления второй фазы федеральное правительство намерено довести число поступающих в вузы до 275 тыс. человек, выделив на эти цели 5 млрд. евро из расчета около 26 тыс. евро на каждого студента (13 тыс. при этом поступает из федерального бюджета). Должен расширяться доступ абитуриентов к так называемым MINT специальностям (математике, инженерии, естественным наукам и технологии). Ответственность за финансирование университетов возлагается на федеральные земли. При этом особое внимание уделяется восточногерманским землям, где, по прогнозам Конференции министров культуры и образования земель, ожидается сокращение числа поступающих в вузы на 63 000 человек в период 2010 – 2015 гг. В связи с этим западногерманские земли должны направлять новым землям 5 % средств, которые они получают по этому Пакту. Для того чтобы сократить нагрузку, которую это накладывает на бюджеты западногерманских земель, федеральное правительство дополнительно выделяет 179 млн. евро.

Что касается увеличения ассигнований на научные исследования, также предусмотренных этим пактом, то научно-исследовательские проекты, реализуемые под эгидой Германского научно-исследовательского общества (DFG), финансируются на 20 % из федерального бюджета, что дает дополнительные 1,7 млрд. евро в распоряжение университетов (так называемое overhead funding).

Помимо вопросов финансирования Пакт о высшем образовании затрагивает и такую проблему как создание равных возможностей для женщин в науке. Надо отметить, что в этом направлении ФРГ наметился определенный прогресс. Как уже упоминалось выше, в 2011 г. доля женщин, получающих высшее образование, составила 47 %, а количество женщин-профессоров в высших учебных заведениях возросло на 11 %

---

³⁴³ Germany is gaining more profile as a location for science / Die Bundesregierung: [сайт]. – URL: <http://www.hightech-strategie.de/en/273.php> (дата обращения: 14.03.2012).

по сравнению с 1995 годом. Тем не менее, распределение женщин по различным дисциплинам по-прежнему весьма неравномерно: больше всего женщин-профессоров в таких сферах, как лингвистика и культурология (30 %), 12 % преподают математику и естественные науки, и лишь 9 % женщин – профессоров представлены в инженерных специальностях³⁴⁴.

В рамках Пакта о высшем образовании в 2007 г. была учреждена специальная программа для женщин-профессоров (Professorinnen-Programm), предполагающая создание 200 дополнительных рабочих мест для женщин-профессоров в университетах. На эти цели было выделено 150 млн. евро, которые финансировались наполовину федеральным правительством и правительствами земель. Ранее в 2000 г. был создан Centre of Excellence Women and Science, который представляет собой группу немецких экспертов, занимающихся разработкой различных проектов в сфере создания равных возможностей для женщин в науке, а также инициированием всевозможных изменений для повышения статуса науки в стране в целом. Деятельность центра полностью финансируется федеральным министерством образования и научных исследований ФРГ³⁴⁵. С 2003 г. раз в два года центр осуществляет мониторинг высших учебных заведений Германии на предмет существования в них равных возможностей для женщин и мужчин и затем публикует рейтинг вузов по данному показателю, который является очень важным инструментом контроля данного аспекта немецкого образования.

И, наконец, в завершение несколько слов стоит сказать о концепции «образования в течение всей жизни» (Lifelong learning), которая была принята на вооружение Федеральным правительством в апреле 2008 г. и которая также является важным инструментом реализации социальной функции образования. Эта концепция предполагает принятие мер для улучшения возможностей получения образования для детей до 6 лет, проведение обширного круга мероприятий для улучшения качества подготовки специалистов и все то же создание дополнительных учебных мест для поступающих в вузы, привлечения большего внимания к проведению научных исследований и разработке новых технологий и создание равных возможностей для жен-

---

³⁴⁴ Higher Education Pact / Bundesministerium für Bildung und Forschung: [сайт]. - URL: <http://www.bmbf.de/en/6142.php> (дата обращения: 16.03.2012).

³⁴⁵ Centre of Excellence Women and Science: [сайт]. – URL: <http://www.gesis.org/cews/home/> (дата обращения: 18.03.2012).

щин в высшем образовании³⁴⁶. Интересным в данной инициативе представляется подход к интеграции иммигрантов в немецкое общество за счет проведения специализированных языковых тренингов и семинаров в сферах осваиваемых ими профессий.

В целом, анализируя процесс внедрения основных положений Болонской декларации 1999 г. в систему высшего образования Германии следует отметить, что преобразования, которым немецкая высшая школа подверглась в 90-е гг., в некоторой степени, привели к переосмыслению подходов к организации высшего образования, его основных задач и принципов, и создали все необходимые предпосылки для активного вовлечения страны в процесс строительства общеевропейского образовательного пространства, начало которому положило подписание Болонской Декларации в 1999 году.

В ФРГ успешно реализуется огромное количество программ, направленных на претворение в жизнь основных положений Болонской декларации 1999 г., что уже сейчас позволяет говорить о возможности завершения основных преобразований к намеченному 2015 году.

Главной отличительной особенностью осуществления Болонской реформы в Германии является тот факт, что основные полномочия в этой сфере находятся в руках федеральных земель, что, однако, нередко становится причиной внесения путаницы в процесс реформирования и его чрезмерной бюрократизации.

Одним из приоритетных направлений образовательной политики государства является реализация социальной функции образования, главным образом направленная на расширение доступа к высшему образованию для всех категорий населения.

---

³⁴⁶ Lifelong Learning / Bundesministerium für Bildung und Forschung: [сайт]. – URL: <http://www.bmbf.de/en/lebenslangeslernen.php> (дата обращения 22.03.2012).

Резюме: В статье анализируется реализация социальной функции образования в ФРГ по обеспечению его доступности. В Германии данное направление реформы реализуется особенно успешно, что доказывается многочисленными инициативами федерального правительства, направленными на укрепление социальной роли высшего образования.

Ключевые слова: система образования, социальная политика, Германия, BAföG, Болонская система, Болонский процесс

Summary

The article examines the implementation of the social function of education in the Federal Republic of Germany to ensure its availability. In Germany this direction of reform is implemented particularly successful, as evidenced by the numerous initiatives of the Federal government, aimed at strengthening the social role of higher education.

Keywords: education system, social policy, Germany, BAföG, the Bologna system, Bologna process

ПЕРЕВОДЫ

М.В. Курчанов

РЕГИОНАЛЬНОЕ В УКРАИНСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Известный российский историк В.А. Бердинских в одной из своих монографий пожаловался на то, что в российской исторической науке утвердилась негативная, но стойкая, тенденция игнорирования или небрежного отношения к провинциальной историографии, местных исторических школ³⁴⁷. Именно игнорирование регионального измерения исторических знаний (региональной, локальной истории³⁴⁸) игнорирует не только важную часть исторического мнения, но и локальное измерение истории, сводя национальную историю к истории политического центра. Если такую ситуацию в России можно попробовать объяснить ее значительными территориальными размерами, то игнорирование регионального дискурса в украинской истории кажется обидным упущением.

Украинская история в большей степени чем история других европейских государств развивалась как история региональная и локальная. Эта региональная перспектива дала о себе знать уже на самых ранних этапах существования украинского государства. В период Киевской Руси тенденция на постепенную регионализацию государственности, деление государства на отдельные княжества принадлежала к тенденциям, которые определяли развитие государства. Комментируя такую особенность

---

³⁴⁷ Бердинских, 2003. С. 283.

³⁴⁸ Под локальной историей я понимаю не просто краеведение или местную историю, а национальную, но локализованную историю, изучение которой открывает новый дискурс в понимании истории национальной. В России на вопрос «Что такое локальная история?» попробовала ответить М.Ф. Румянцева: «в новой ситуации появилась потребность в “новой локальной истории”, предмет которой – субъект исторического действия, не тождественный государству, и его существованию как в историческом, так и в экзистенциальном пространстве» - см.: Румянцева, 2003. С. 203. В западной, например – в норвежской, историографии под локальной историей понимают историю локальных общин и институтов, которая по своему статусу не так популярна как национальная история – Alsvik, 1993. Р. 2.

украинской государственности Михайло Грушевський писал, что это «большая негативная роль украинской территории»³⁴⁹. Он не избежал в своем научном творчестве от обращения к региональной проблематике. Грушевський вероятно и представления не имел о генезисе регионализма в теоретической перспективе, но он описал такие факты, которые исторически обусловили развитие Украины как страны с сильными региональными тенденциями. Для него описанные факты были событиями почти исключительно политической истории. Книги историка полны интересных «региональных» наблюдений и предположений. Например, описывая канву исторических событий, М. Грушевський вспоминает и о военных столкновениях между антами и словенами в VI веке, которые обусловили раскол территорий Восточной Европы, заселенной славянами, на Север и Юг, где возникли независимые центры развития украинской государственности³⁵⁰.

Сложение собственно отдельных территорий, которые регионально отличались одна от другой, имея свои исторические и политические особенности Грушевський связывал с распадом Киевской Руси³⁵¹. Истоки такого распада Грушевський был склонен видеть в социальных и экономических отношениях – таким образом, в концепции процессов регионализации для Грушевського доминировала социально-экономическая парадигма. Начало Литовско-Польской поры в украинской истории Грушевський связывал с политическими изменениями, сокращением роли и влияния украинских княжеств и политическим усилением соседей, которые смогли взять под свій контроль украинские территории.

На тенденции децентрализации и регионализации повлияло и то, что новые украинские государства стали развиваться в разных условиях, испытывая влияние с одной стороны разных политических центров – нового государства, которое возникло на восточной окраине Руси-Украины (Владими́ро-Суздальское княжество, которое позже уступило своей государственной инициативой Московии), Польши и Литовского государства. В такой ситуации разные украинские земли вошли в состав разных государств, что привело к тому, что развитие (языковое, культурное, политическое, экономическое) этих территорий пошло разными пу-

---

³⁴⁹ Грушевський, 1991. Т.1. С. 8.

³⁵⁰ Грушевський, 2003. С. 26.

³⁵¹ Грушевський, 2003. С. 98 – 99.

тями. Дальнейшее региональное разнообразие в концепции М. Грушевского тоже имела политический характер. Таким чином, региональный показатель в общей схеме истории Украины, который был предложен М. Грушевским, имел подчиненное значение. Первыми и самым важными показателями были для него политические, социальные и культурные процессы.

Эту регионализацию надо понимать не в упрощенном значении развития украинской государственности между вызовами двух полюсов Востока и Запада, Европы и Азии, которые характерны, например, для некоторых популярных исследований Н. Яковенко. Регионализация - это именно локализация истории, ее дробление на региональные и мелкие локальные дискурсы. Такой регионализации способствовало и то, что украинская государственность никогда не была единственной, будучи лишь совокупностью территорий, где ранее существовали племенные княжения. Вероятно население этих территорий отличалось не только в языковой перспективе (что подтверждается письменными источниками), но и имело разные предпочтения в еде и одежде, отличаясь и антропологически. Исторические судьбы украинских территорий с XIV по XVII века начали различаться - их объединяло лишь то, что там жили носители разных украинских диалектов, которых объединяли нормы украинской народной культуры. Завоевание части украинских территорий Россией в середине XVII века и то, что другие украинские территории продолжали развиваться в рамках Речи Посполитой только усилило существующие различия между украинскими регионами. Ликвидация Польского государства, превращение России в Империю, интеграция западных украинских территорий в Империю Габсбургов - все эти факторы способствовали росту числа различий между украинскими территориями.

Выше я широко и часто использовал понятие «локальный», «локальная», «дискурс», «региональная история», «регионализация». Ева Домански, комментируя языковой дискурс современного гуманитарного знания, пишет о том, что историк-исследователь уже не в силах «схватить действительность», но сам загоняет себя в «языковую тюрьму». Постоянное жонглирование словами и терминами ведет к тому, что в исторических исследованиях установился «эпистемологический хаос»³⁵². Российские историки С. Маловичко и Т.А. Булыгина, комментируя аналогичную проблему в российской историографии, пишут,

---

³⁵² Domanska, 1998.

что исторические исследования нередко в такой ситуации деградируют до уровня «языковой игры»³⁵³.

Перед модернистской украинской историографией, которая возникла в XIX столетии и не испытывала подобных языковых затруднений, никогда не было задачи написания украинской истории в региональной перспективе. Украинские историки такой задачи никогда не декларировали. Перед ними стояла другая важная задача - написание украинской истории вообще, что было связано с полемикой как с польской, так и русской историческими традициями, которые отказывали Украине в праве иметь свою историю, а украинцам - быть отдельной и самостоятельной нацией.

Но как бы ни стремились украинские историки создать и утвердить в украинской историографии схему единой украинской истории, они неизбежно столкнулись с регионализацией исторического прошлого в Украине. Они объективно были вынуждены сначала описывать процесс формирования Киевской Руси-Украины, анализировать проблемы ее политического и, как результат, регионального дробления. Когда они писали о современной истории Украины, то объективно они понимали, что есть две Украины, принадлежащих двум империям. Уже сама такая ситуация ставила перед украинской исследовательской средой задачу если не объяснения такой ситуации, то хотя бы ее научного описания и изучения. Украинские историки того времени, по словам российского исследователя С. Маловичко, писали такую историю, которую он определяет как «обычную» - историю, которая традиционно связывалась с центром, историю, которая базировалась на изучении процессов формирования национального государства.

Политика империй относительно Украины, украинцев и украинского национального движения в значительной степени базировались на различных политических моделях и это способствовало регионализации украинских земель. Эти территориальные и региональные различия не были изжиты и преодолены и в XIX веке усилиями деятелей украинского национального движения которые были связаны с историческими студиями и написанием национальной истории, которые я упоминал выше - они пытались писать украинскую историю как национальную. Поэтому в XX веке, когда возникает УССР, как форма украинской государственности, не все украинские территории оказыва-

---

³⁵³ Маловичко, Булыгина, 2003. С. 9.

ются подконтрольными правительству Советской Украины. То, что в начале 1940-х годов Советскому Союзу удалось присоединить западные украинские территории вовсе не означало того, что все исторически возникшие территориальные различия были забыты и преодолены.

В украинской историографии еще была сильной школа Грушевского, хотя многие ее представители были исключены из исследовательской среды. Например, Наталья Полонска-Василенко (которая начинала в Советской Украине и затем продолжала свою научную деятельность в изгнании), как и М. Грушевский, писала историю Украины как политическую историю. Продолжая традиции украинской национальной историографии, заложенные Грушевским, украинская история была для нее историей Украины - ее интересовали политические и культурные события, она руководствовалась стремлением доказать, что Украина имеет свою историю. Такой подход автоматически исключал региональный фактор. Региональные различия в книгах Н. Полонской-Василенко всплывают только тогда, когда она пишет о различиях в украинских политиках государств, владевших украинскими территориями. Но и в этом случае региональная специфика подчинена целям написания именно политической истории.

И хотя советская историография решительно декларировала свой отказ от старой украинской исторической науки - советские историки нередко продолжали развивать нарративы старой, национальной, историографии, изменив тон исторического нарратива с национального на социально ориентированный. Мы можем предположить, что над украинскими историками того времени господствовал своеобразный «культурный фон» - те знания, умения и навыки исторического исследования, вокруг которых и «протекл творческий потенциал»³⁵⁴. С другой стороны, советская политика унификации и колонизации Украины, попытки полной интеграции Украины в советское политическое пространство и творческих потенциалов в советский научный канон не привели к ликвидации локальных различий. В советский период стали отчетливо заметны политические, экономические и культурные различия, которые существовали между западными, центральными и восточными украинскими территориями. Советские украинские интеллектуалы в такой ситуации попытались развить единую схему украинской истории, как исто-

---

³⁵⁴ Topping, 2003. P. 226.

рии одной из союзных республик³⁵⁵. Эта своеобразная «родовая травма» советской украинской исторической науки очевидна в исследованиях генерального плана, посвященных истории Украины.

Сама концепция подачи истории ее потребителям (представителям профессиональной исторической среды - степень востребованности фундаментальных трудов среди неисториков была минимальной) развивалась как дихотомия. С одной стороны, все украинские земли интегрировались в советский исторический нарратив. С другой стороны, украинские историки просто не могли игнорировать многочисленные факты, свидетельствующие о том, что развитие украинских земель шло неравномерно. И хотя в советской украинской историографии были сделаны попытки написания истории / историй отдельных украинских регионов, объяснение таких разных уровней развития развивалось в форме ритуальных утверждений о нескольких веках польского гнета или антинародной политике царского режима, которые и привели к появлению такой разнообразной региональной специфики.

Загнанные в рамки советской цензуры, украинские историки просто не решались интегрировать в число разрешенных тем изучение локальной истории, довольствуясь разрешенным краеведением. Но и в такой ситуации краеведение постепенно деградировало до украинской истории, например, во Львове или Харькове³⁵⁶. Другими словами, украинские историки были вынуждены доказывать, что такая «актуальная» и принципиально важная для Украины первая русская революция с одинаковой силой заявила о себе во всех украинских регионах. В такой ситуации, краеведческие студии выполняли двойную функцию - они были какой-то загородкой для историков-любителей, не интегрированных в официальную иерархию, но, с другой стороны, они были еще одним каналом, который использовался украинскими интеллектуалами, чтобы подчеркнуть свою верность и лояльность Москве.

На фоне такой политической ангажированности историографии, много принципиально важных вопросов украинской истории так и остались без ответов. На региональные различия смотрели как на факт, недостойного внимания со стороны про-

---

³⁵⁵ Касименко, 1965.

³⁵⁶ История..., 1956; Харьков в 1917 году... 1957; Харьков и Харьковская... 1957; Харьков и Харьковская губерния в годы..., 1955.

фессиональной исторической среды. Поэтому, в пору независимости Украина вступила не только как государство регионов, как страна, регионы которой в значительной степени отличались друг от друга, но и как страна, где историки не нашли ответа на вопрос об истоках и генезисе регионализма и локальности истории. На протяжении 1990-х годов украинские интеллектуалы неоднократно пытались найти ответ на вопрос о причинах и характере таких значимых территориальных различий и локальных особенностей Украины. Но как бы ни старались украинские историки, как бы ни пытались они писать историю Украины учитывая и новейшие методики - неизбежно выходила история государства, которое выливалось во внешнюю историю - историю истории политического центра. Неудивительно, что в такой концепции истории регионов отводилась второстепенная и подчиненная роль.

Такая ситуация в украинской историографии на том этапе была вызвана тем, что еще не сложилась устойчивая связь между такими исследовательскими категориями, которые в англоязычной историографии обозначаются, как «inside» и «outside». Украинская историческая схема в XIX - первой половине XX века была историографией именно «outside». «Внешняя» сторона (смены правящих династий или смены правителей на троне, политические процессы, войны, история великих деятелей) исторического процесса находилась под постоянным исследовательским прицелом. В XX веке наметилась тенденция к постепенному отказу от такой методологии. «Inside» медленно начал проникать на страницы исторических исследований и интегрироваться в методологические инструментари.

То, что украинская история имеет свой «outside» стало очевидно уже в первой половине XX века. Но осознание этого факта не вело к тому, что этот региональный и локальный дискурс истории автоматически вписывался в национальный исторический контекст. О нем робко и не решительно писали как национально ориентированные, так и советские историки. И для первых и для вторых было очевидно, что история, например Буковины или Закарпатья значительно отличается от истории остальных украинских земель. Но и тогда в советской и диаспорной историографии (вспомним хотя бы книгу Ореста Субтельного «Украина: история»³⁵⁷ с ее пространственным разделом, посвященным Закарпатья) поиски ответа на вопрос, почему возни-

---

³⁵⁷ Субтельний, Київ, 1993.

кла такая ситуация, не шли дальше политической и культурной истории, попыток объяснить такой своеобразный исторический розвиток периферийным характером территорий, удаленностью от культурных центров Украины.

Будучи детьми советской историографии, историки в современной Украине оказались запертыми в своеобразном интеллектуальном гетто, где они были вынуждены выбирать между «текстом» и «контекстом»³⁵⁸. Иными словами, блестящая методологическая подготовка, умение читать и понимать источник, любовь к активной архивной работе (те качества, которые характерны далеко не для всех историков младшего поколения, которые пришли в науку уже в независимой Украине) автоматически влияли на то, что такие историки были восприимчивыми к тем методам, которые они усвоили на стадии своего профессионального становления. Приоритетом для этой группы историков был текст, а историографический контекст в такой ситуации казался лишь дополнением к первичному поиску и анализу источников. Поэтому, западные методологии казались им маргинальными, а региональные студии с их интересом к локальным дискурсам чем-то лженаучными или в лучшем случае - околонуучными. Современный российский историк П. Уваров³⁵⁹ прокомментировав эту ситуацию своеобразно, указав, что эти две группы историков «молчаливо дрейфуют в разные стороны» - первые пишут, а вторые их или не понимают или игнорируют.

Но опасения представителей интеллектуального сообщества перед западными исследовательскими практиками и недоверие новым методам исследования (со слов Ф. Анкерсмита – «distrust historical theory»³⁶⁰) оказались явно завышенными и преувеличенными. Именно «контекст» создал условия для перехода исторических исследований на новый этап, который мы можем определить как «контекстуализацию»³⁶¹. Контекстуализация текста, источника находящегося в центре внимания историка, интеграция его (источника) в региональный или даже локальный контекст, приложение методов смежных наук - все эти методы превращают региональные исторические исследования в региональные только по названию, но глобальные по интеллектуальному содержанию и смыслу. Таким образом, локальная

---

³⁵⁸ Modern Intellectual History. – 2004. – Vol. 1. – No 1. – P. 1 – 2.

³⁵⁹ Уваров, 2003. С. 303.

³⁶⁰ Ankersmit, 1998.

³⁶¹ La Carpa, 2004.

история может стать той площадкой, где могут применяться методы, использование которых возможно и при изучении национальной истории в общей перспективе.

Для историков, получивших образование в советской Украине, историю, которую они изучали, и та история, которую они преподают - безусловно дисциплина. Что касается региональной истории, локальной истории, то среди историков старшего поколения отношение к этим направлениям исторической науки варьируется от прохладного к настороженному. Как бы ни стремились энтузиасты локальной истории доказать, что история как наука должна развиваться и как «улица с двусторонним движением»³⁶² - эти усилия пока не увенчались очевидным успехом. Сферы национальной истории и локальной истории четко разделены и своеобразные границы между ними кажутся незыблемыми. Ситуация осложняется и тем, что историки старшего поколения со значительной настороженностью относятся к самим терминам «локальная история» и «региональная история», отдавая предпочтение старому термину «краеведение».

В этом контексте уместно вспомнить и концепцию израильского исследователя М. Чаута, который метафорически писал о том, что научное знание, в том числе и историческое, предлагает «сжатые образы мира»³⁶³. И национальная история и краеведение - это тоже своеобразные сжатые образы исторического прошлого, но факт их краткости превращает их в концепты, применение которых весьма ограничено. В такой ситуации региональные исторические студии и локальная история могут стать теми инструментами, которые помогут преодолеть эту замкнутость. Использование этих методов не исключает возможности выхода к более широкой национальной исторической проблематике, а различные исследовательские практики локальной истории, в центре которых пристальное внимание и детальное изучение различных дискурсов исторических событий, могут существенно расширить исследовательские горизонты традиционной истории, как университетской дисциплины.

Но то, что ответ не найден еще и то, что в период новейших политических потрясений региональный вопрос из плоскости интеллектуальных дебатов переместился в сферу политики - это подчеркивает актуальность региональных исследований. Поэтому актуальным становится изучение комплекса проблем,

---

³⁶² Маловичко, 2005. С. 25.

³⁶³ Chayut, 1999.

связанных с региональными дискурсами украинской истории. Украинская историография имеет двухсотлетнюю историю, за эти годы исследовано немало проблем, вышло огромное количество разнообразных исторических исследований - вероятно сейчас перед украинской исследовательской средой встанет задача проанализировать как региональные дискурсы развивались в украинской исторической науке, трансформируясь в различных украинских историографиях. С утверждением украинской независимости, после того, как украинско-русская полемика потеряла свою актуальность, после того, как украинская история подверглась значительной национализации - в такой ситуации украинские историки встретились с методологическим, а не конкретно историческим вопросом: сколько историй имеет Украина при таком разнообразии региональных тенденций - одну общую украинскую историю или комплекс локализованных региональных украинских историй.

Значительные перспективы для развития региональных исторических исследований в Украине открываются после тех фундаментальных изменений, которые прошли в украинской историографии после краха советской модели исторического знания и советской исторической науки. Получив доступ к западным методикам в начале 1990-х годов, украинские историки начали осваивать западные методы с опозданием. Тогда как в Европе и США «клиометрия пришла и ушла, новая социальная история перестала быть новой, а тотальная история уступила место микроистории»³⁶⁴, в Украине эти методы казались откровением и панацеей. Гибель советской историографии привела к тому, что на смену модели «история - рассказ» приходит новый метод написания истории - «история - проблема»³⁶⁵.

Это совсем не означает, что ранняя национальная и советская историография не знали категории проблемности. С другой стороны в условиях современного плюрализма исследовательских методик, сама проблема в истории становится дискуссионным понятием. Поэтому, регион, региональная история, локальная история становятся теми полями исторического знания и познания, где есть место не только для классических методов изучения прошлого, но и для «модных» новых методик. Региональные исторические исследования, по словам Ф. Анкерсми-

---

³⁶⁴ Spang, 2003. P. 119.

³⁶⁵ Маловичко, 2005. С. 5.

та³⁶⁶, могут оказаться не просто полезными, но и продуктивными - они помогут интегрировать в единый исторический контекст не только локальные дискурсы национальной истории, но и репрезентации о национальном прошлом, которые возникли в регионах и с самого начала развивались как территориально локализованные.

В такой ситуации региональная и локальная перспективы исторического исследования не деградируют до уровня механической фиксации фактов прошлого той или иной территории. Региональные студии могут способствовать расширению наших представлений о прошлом. Иными словами тот инструментарий, который предлагается нам в рамках локальных и региональных исторических исследований, помогает нам лучше констатировать что было и как это прошлое было мифологизировано в историографии³⁶⁷. С другой стороны, сама локальная история таит в себе немалый потенциал для мифологизации исторических событий. Хотя - это уже другая проблема, вопрос личной ответственности и компетентности историков.

Вероятно, когда один из методов (или комплекс близких методов) исторической науки будет признан методологической почвой региональных или локальных исследований, профессиональный историк будет идеализировать эту методологию. Таким интеграционным методом может стать микроистория. С другой стороны, микроистория, прекрасно зарекомендовавшая и показавшая себя в Европе с ее архивами, дающими возможность проследить историю, например, отдельных крестьянских семей на протяжении нескольких поколений под региональной точкой зрения, может оказаться менее производительной в Украине. Приступая к подобным исследованиям в Украине историк неизбежно встретится с трудностями в поиске источников и его внимание со Средневековья сместится на Новую или Новейшую историю.

Подводя итоги, вернусь к вопросу сформулированному выше о том, сколько историй имеет Украина. Ответ, что Украина имеет одну украинскую историю звучит не только банально, но и патетически. С другой стороны, более чем десятилетнее развитие украинской историографии не привело к тому, что в Украине была создана принципиально новая схема национальной истории. Изменение советской власти на новую демократичес-

---

³⁶⁶ Ankersmit, 1983.

³⁶⁷ Nugent, 1994.

кую означало автоматическую замену советской концепции на национальную, которая не стала изобретением тогдашнего поколения историков, а была ими заимствована у своих предшественников. Исторические студии развиваются по старой инерции, пользуясь старым советским, потенциалом, иногда приправляя его инъекциями западных методов. В такой ситуации любая западная историческая теория на первых порах кажется панацеей и только потом становится очевидным, что новое поколение историков не в силах преодолеть инерцию и пассивное и скептическое отношение старших коллег.

Таким образом, мне остается повторить замечание Джеффа Эли о том, что современная украинская историческая мысль - это своеобразный поезд, где едут украинские историки - одни из них являются сторонниками старой традиционной методологии, а другие - апологетами последовательной модернизации истории - ее методов, инструментария и понятийного аппарата. Первые с удовольствием избавились бы от других. Главное не то, кто победит. Главное, что украинский историографический поезд движется. И чем дальше он будет удаляться от своего советского прошлого, тем активнее будут использоваться новые, в частности - локальные и региональные исторические исследования.

М.В. Курчанов

Региональное в украинском историческом процессе: теоретические и методологические аспекты

Автор анализирует проблемы региональных измерений в украинской национальной истории. Автор полагает, что в украинской историографии доминируют большие нарративы. Украинский историк Михайло Грушевский стал создателем современной украинской историографии. Грушевский был среди первых украинских историков, которые начали анализировать региональные уровни исторического процесса. Советская модель украинской историографии была моноцентричной и преимущественно социально-экономической и описательной. Региональные исторические исследования развиваются в современной украинской историографии.

Ключевые слова: Украина, история, региональная история, историография, методология

Maksym W. Kyrchanoff (Kyrchaniv)

Regional in Ukrainian historical process: theoretical and methodological aspects

The author analyzes problems of the regional dimensions in Ukrainian national history. The author believes that *grand narratives* dominated in Ukrainian historiography. Ukrainian historian Myhaylo Hrushevs'kyi became the founder of modern Ukrainian historiography. Myhaylo Hrushevs'kyi was among the first Ukrainian historians who started to analyze the regional levels of historical processes. The Soviet model of Ukrainian historiography was monocentric and predominantly socio-economic and descriptive. Regional historical studies develop in actual Ukrainian historiography.

Keywords: Ukraine, history, regional history, historiography, methodology

Библіографічний список

1. Alsvik O. The Norwegian Institute of Local History and Local History in Norway. – Oslo, 1993.
2. Ankersmit F. Hayden White's Appeal to the Historians // History and Theory. – 1998. – Vol. 37. – No 2. – P. 182 – 193.
3. Ankersmit F. Narrative logic. – Hague, 1983.
4. Chayut M. Tragedy and Science // History of European Ideas. – 1999. – Vol. 25. – No 4. – P. 163 – 177.
5. Domanska E. Hayden White: Beyond Irony // History and Theory. – 1998. – Vol. 37. – No 2. – P. 173 – 181.
6. La Carpa D. Tropisms of Intellectual History // Rethinking History. – 2004. – Vol. 8. – No 4.
7. Nugent W. Western History, New and Not So New // OAH Magazine of History. – 1994. – No 9.
8. Spang R. Paradigms and Paranoia: How Modern is French Revolution // American Historical Review. – 2003. – Vol. 108. – No 1.
9. Topping G. Utah Historians and Reconstruction of the Western History. – Norman, 2003.
10. Бердинских В.А. Уездные историки. Русская провинциальная историография. – М., 2003. – С. 283.
11. Грушевський М. Ілюстрована історія України. – Донецьк, 2003. .
12. Грушевський М. Історія України-Русі. – Київ, 1991. – Т.1.
13. История Львова. Краткий очерк. – Львов, 1956.
14. История Украинской ССР: в 10 тт. – Киев, 1981 – 1985.
15. Касименко А.К. История Украинской ССР. – Киев, 1965.
16. Маловичко С.И. Тип исторического знания в провинциальном историописании и историческом креведении // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. – Ставрополь, 2005. – Вып. 7.
17. Маловичко С.И., Булыгина Т.А. Современная историческая наука и изучение локальной истории // Новая локальная история. – Ставрополь, 2003. – Вып. 1.
18. Новая локальная история. – Ставрополь, 2003 – 2004. – Вып. 1 – 2.
19. Румянцева М.Ф. Субъект исторического действия: к вопросу о предмете новой локальной истории // Новая локальная история. – Ставрополь, 2003. – Вып. 1.

20. Субтельний О. Україна: історія. – Київ, 1993.
21. Уваров П. Думают ли историки? А если думают, то зачем? // Одиссей. Человек в истории. – М., 2003.
22. Харьков в 1917 году. Воспоминания участников Великой октябрьской социалистической революции. – Харьков, 1957.
23. Харьков и Харьковская губерния в годы Великой Октябрьской социалистической революции. – Харьков, 1957.
24. Харьков и Харьковская губерния в годы первой русской революции. – Харьков, 1955.

Публикується по: Кирчанів М.В. Регіональні дискурси української історії / М.В. Кирчанів // Регіональна історія України. Збірник наукових статей / гол. ред. В. Смолій. – Київ: Інститут Історії України НАН України, 2007. – Вип. 1. – С. 79 – 88. Перевод с украинского М. Казариновой.

М.В. Курчанов

СОЦИАЛЬНЫЙ И ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРСЫ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИИ

Одной из отличительных черт современной украинской гуманитарной традиции в сфере исторических исследований является то, что в исследовательском дискурсе доминирует история, которая была описана и написана в социально-экономических или политических категориях. Это - история страны, государства, иногда региональная история, но и в этом своем региональном измерении украинская история несет в себе все признаки социально-экономической травмы, которую она по неосторожности родителей получила при своем рождении - в период упадка и исчезновения советской гуманитарной традиции. Как бы украинские интеллектуалы ни стремились преодолеть эти последствия, как бы ни был важен и ценен опыт исторической традиции украинской диаспоры, как носительницы принципиально и качественно второй традиции исторического восприятия и исторического воображения - в современном исследовательском поле Украины продолжает доминировать история, выдержанная ее создателями в социально -экономических категориях, одетых в канву политических событий. Академический «Украинский исторический журнал» - сфера полного доминирования именно такой концепции украинской истории.

В период независимости в Украине появились новые периодические издания, которые пытаются расшатать принципы парадигмы социально-экономического восприятия истории, но и современное восприятие украинского прошлого нередко сводится к политической истории, истории национального движения и сопротивления. Это - большая и общая история, своеобразная генеральная линия развития восприятия прошлого. Автор этой статьи не отрицает необходимость такого большого исторического нарратива. С другой стороны, очевидно, что украинская история - это не только история великих исторических эпох, великих исторических деятелей и движений. История Украины - это история пространства, колонизации и освоения пространства (которое в XX веке стало Украиной) украинскими крестьянами. Кроме крестьянской перспективы в украинской истории существ-

вует и городской, не локальный и не региональный, а микро-исторический дискурс. Украинская история, как и истории европейских стран, должна найти свою микро-историческую перспективу.

В схеме украинской истории, которую предложил Михаил Грушевский, фигурируют обе эти сферы и не так просто понять, какая из них доминирует. Советские историки эксплуатировали нарратив Грушевского, сместив акценты с национального компонента на экономику и социальные отношения: менялись интерпретации, но факты и пространство, где эти исторические события происходили, оставались прежними. Такая ситуация повлияла и на развитие высшего исторического образования.

Студент-историк (или аспирант-историк) может объяснить, как протекала украинская революция, например, в бывшей Харьковской губернии. Среднестатистическая интерпретация этого события сведется им к категориям, среди которых: даты - место - деятель / деятели - процесс / процессы. Фактическую сторону при изучении и преподавании истории никто не отменял. Но нередко эти факты ограничиваются историческим центром и крупнейшими городами. В такой ситуации возникает вопрос: а что было вне Киева и Харькова, как развивались исторические процессы на локальном и периферийном уровне? Другими словами, какую роль играли локальные, иногда - традиционные или почти традиционные, институты в украинской истории.

Почему «героями» украинской истории могут быть легендарно летописные князья, абстрактные казаки, менее абстрактные националисты, но почему в ней не фигурируют народные дома, ветчины и трактиры, церкви и костелы? И где в такой ситуации украинская периферия, которая возникла в результате украинской колонизации и эмиграции? Не пришло ли время «опустить» украинскую историю от истории политической к истории местной, локальной и повседневной? Эти вопросы автоматически возникают из ситуации, когда в национальных историографиях на постсоветском пространстве сосуществуют различные методы научного анализа прошлого - макро-исторические и микро-исторические концепции, по мнению некоторых исследователей³⁶⁸, нормально сосуществуют, находясь в состоянии взаимного игнорирования и / или конфронтации. В этой перспективе методы микро-истории становятся перспективными и интересными тем, что интерес исследователя направлен не по tradi-

---

³⁶⁸ Knorr-Cetina, 1981; Alexander, 1987.

ционным для исторического анализа проблем, а, по словам итальянского историка Карло Гинзбурга³⁶⁹, к «низовым социальным потерям» - к носителям народной культуры.

Автор статьи предусматривает первый вопрос: а как же быть с источниками? Согласен, что в украинской (как и в русской) истории существует масса проблем с конструированием повседневного исторического нарратива на локальном и повседневном уровне. С другой стороны, мы можем обратиться к истории украинской периферии, истории украинских колоний в Канаде и Соединенных Штатах. Существование многих украинских центров в Америке уже стало историей. Но в процессе их существования среди украинских интеллектуалов диаспоры возник нарратив об украинском опыте покорения американских и канадских прерий. В такой ситуации исследовательский нарратив может развиваться в русле локальной и интеллектуальной историй.

В этой статье, автор попытается наметить возможные направления исследования таких традиционных и привычных институтов, на примере «народных домов» в контексте украинской локальной (колониальной) перспективы. Это будет печальная история, история постепенной ассимиляции и отмирания украинских институтов, но, с другой стороны, это - и уникальный локальный дискурс украинской истории. Хотя в американской украинской традиции попытки интерпретировать историю американских украинцев на американской периферии (например, в Северной Дакоте) в категориях чисто американской традиции восприятия истории - как истории «адаптации, ассимиляции и успеха»³⁷⁰. Автор статьи понимает, что институты, которые он намерен проанализировать, относятся в большей степени к социологии, а не к истории. Но в такой ситуации мы можем обратиться к опыту Фернана Броделя³⁷¹, у которого микро-история находилась в соседстве с микро-социологией.

«Народные дома» (narodni domy) - интересная социальная организация, которая существовала в Украине в начале XX века³⁷² и в украинском изгнании между двумя мировыми войнами³⁷³. Первые «народные дома» возникли в Албери - в поселках Вер-

---

³⁶⁹ Ginzburg, Poni, 1981. P. 133 – 136.

³⁷⁰ Pedeliski, 2002. P. 19.

³⁷¹ Braudel, 1969. P. 97 – 122.

³⁷² Мармазова, 1995. С. 29 – 31.

³⁷³ Makuch, 1988. – P. 202 – 211; Prokop, Kostash, 1975.

джевилл (Vergeville) Леньюк (Lanuke) Мандере (Mundare) и в Эдмонтон (Edmonton). В американо-канадской украинистике «народные дома» нередко интерпретируются в контексте истории институционализации украинской общины (community³⁷⁴) в Америке. «Народные дома» в Канаде были объединены в «Союз украинских народных домов»³⁷⁵. «Народные дома» были своеобразными центрами, призванными сохранить среди американских украинцев память о «staryi krai»³⁷⁶. Последние «народные дома» в Канаде прекратили свое существование, уступив место современным формам организации досуга - спортивным обществам и клубам. Кризис и исчезновения народных домов стало результатом последовательной интеграции украинского общества в канадское общество. Кроме этого, после второй мировой войны на смену интеграции пришла ассимиляция. «Народные дома» в Украине были тем институтом, в эволюции которого прослеживаются тенденции характерные для генеральной линии украинской истории, что превращает их изучение в перспективное направление развития исторических исследований в Украине. С другой стороны, автор этой статьи не претендует и даже не пытается оспаривать у носителей так называемой макро-истории «монополию на общий исторический дискурс»³⁷⁷. Я только считаю, что анализ локальных и региональных, микро-исторических, проявлений великого исторического дискурса поможет выяснить, как развивались низовые социальные институты в украинской истории.

Сами «народные дома» сложно вписать и ментально интегрировать в тот ландшафт, в котором существовали первые украинцы в Канаде и США. Земли, где они расселялись, например - на территории Северной Дакоты, были открытыми ветрам пространствами с почти полным отсутствием деревьев. Таким образом, новый ландшафт очень отличался от того, к которому

---

³⁷⁴ Pedeliski, 2002. P. 28.

³⁷⁵ Батицкий, 1949.

³⁷⁶ Понятие “*Staryi Krai*” стало устойчивым выражением в английском языке американских и канадских украинцев, оно широко используется для подчеркивания связи между украинской диаспорой и Украиной. Использование украинских слов в разговорном и в письменном языке (Mike Kulish: I was born in Ukraine. I was 14 years when I came to America. I never traveled much in *Staryi Krai*, but I remember some things.... Див.: Palanuk, 2002. P. 36.) через транслитерацию свидетельствует о формировании особого украинского американского локального идентичностного дискурса.

³⁷⁷ Meier, 1990. – S. 111.

они привыкли в Украине. Это подчеркивали и сами украинцы, описывающие Северную Дакоту очень лаконично: «... this was nothing, but prairie, rocks, hills, and snakes ...»³⁷⁸. Вероятно, первые американские украинцы решили, что они попали в пустыню. Во второй половине XX века их потомки в Северной Дакоте собрали интересную коллекцию устных и письменных свидетельств о первых шагах дакотских украинцев. Проанализировав эти источники, мы можем предположить, что Северная Дакота была не просто крайней и отдаленной украинской периферией, окраинные зоны колонизации - Северная Дакота была и американской периферией того времени. Среди собранных свидетельств есть перевод (который подчеркивает изолированность украинских центров в Дакоте³⁷⁹) семьи Клим, по рассказам членов которой, жители небольших украинских поселений видели паровозный дым в пятнадцати милях³⁸⁰. В такой ситуации полной периферийности и изолированности, с одной стороны, и полного доминирования традиционной культуры социальных низов³⁸¹, с другой стороны, возникновение местных локальных институтов было неминуемо.

Триумфу «народных домов» предшествовала монополия церкви на осуществление функций социализации и формирования идентичности. На раннем этапе существования украинских поселений в Северной Америке именно католические или православные церкви были основными факторами социализации и трансляции тех ценностей и традиций, которые принесли с собой украинские крестьяне-переселенцы из Галиции и Буковины. «Народный дом» - продукт развития высокой культуры западноевропейских интеллектуалов, более того - это была городская культура. Первый «народный дом» возник в 1887 году в Лондоне, как результат сознательной попытки «опустить» высокую культуру, приблизив ее к народным традициям. Народный дом в Англии был интеллектуальным литературным проектом - его инициатором стал сейчас почти забытый писатель Уолтер Безант³⁸². В английском варианте народные дома были той институцией, которая была призвана способствовать постепенной модернизации традиционной культуры городских низов, прос-

---

³⁷⁸ Palanuk, 2002. P. 37.

³⁷⁹ Dubovy, 1983.

³⁸⁰ Pedeliski, 2002. P. 20.

³⁸¹ Palanuk, 2002. P. 37.

³⁸² Bezant, 1885.

тых городских обывателей, которые могли сохранять социальные и культурные связи с сельской периферией через идентичность и мировоззрение.

Украинские «народные дома» существовали как на украинских территориях в европейских империях, так и в украинских колониях в Америке. Феномен «народных домов» был характерен и для некоторых российских губерний³⁸³. Вероятно, структурно и функционально российские и украинские народные дома были близки. Один из теоретиков и инициаторов «народных домов» в южных российских губерниях Е.Н. Мединский писал, что «под именем народного дома надо понимать такое учреждение», в котором реализуются культурные и просветительские мероприятия - «библиотека-читальня, аудитория для народных чтений и лекций, народный театр, школа для взрослых, музей»³⁸⁴. Большинство из перечисленных атрибутов характерно и для «народных домов» в Украине.

«Народные дома» в украинских компактных поселениях в Канаде и США появляются после завершения первой мировой войны. Кроме «народных домов» украинцы в Северной Дакоте, по словам Т. Педелиски³⁸⁵, имели незначительное число поводов для совместного времяпрепровождения, для употребления именно украинского языка. Такими мотивами могли быть религиозные праздники, свадьбы, дни рождения и похороны. В такой ситуации интуиция, в которой аккумулировалась бы энергия украинцев, была просто необходима. Таким институтом и стали «народные дома». Как правило, это были скромные здания, которые строились недалеко от церквей или украинских школ. Это были такие дома ставшие на время местными центрами украинских традиций, украинской политической и культурной жизни. Вероятно, появление народных домов в Канаде было своеобразной реакцией украинских крестьян на новую, совершенно чужую и непонятную, для них действительность. «Народные до-

---

³⁸³ Ашихминова, 2004. С. 25 – 32. Стаття А.В. Ашихминовой является интересной попыткой проанализировать «народные дома» в российском контексте, но ее текст страдает излишним этноцентризмом. «Народные дома» анализируются как российские институты, хотя известно, что население южных губерний России было смешанным – украинским и российским. Кроме этого, автор утверждает, что «народные дома» были проявлением городской культуры. А.В. Ашихминова считает, что сельские «народные дома» существовали только в Дании. Украинский аспект в истории «народных домов» в ее статье не фигурирует.

³⁸⁴ Медынский, 1913; Дьяковъ, 1915; Александровъ, 1915; Данилевский, 1918.

³⁸⁵ Pedeliski, 2002. P. 23.

ма» как низовые социальные институты пытались локализовать традиционную культуру, обычаи, принесенные из Украины, на канадскую почву. Нередко «народные дома» поддерживали связи и контакты с Церковью (20 процентов) или светскими политическими кругами, например, прокоммунистической украинского Рабочей фермерской ассоциацией (35 процентов).

В этой ситуации сложно реализовать призыв немецких сторонников микро-истории, которые указывали на перспективность последовательного отделения в рамках микро-исторического анализа (по словам Шульце «микрофеноменов») собственно исторической, повседневной истории («обыденной жизни»³⁸⁶) от политической истории. Поэтому, изучая и анализируя существование и функционирование «народных домов» надо принимать во внимание и то, что по самому факту наличия в украинских селениях этих институтов стоял определенный политический бэкграунд (*background*). С другой стороны, то, что «народные дома» были связаны с различными, диаметрально противоположными, политическими партиями и движениями позволяет исследователю проанализировать различные дискурсы исторической реальности в микро-историческом и локальном контекстах. Это, по словам классика микро-исторических исследований Жака Ревеля, дает возможность «реконструировать множество контекстов ... необходимых для изучения поведенческих типов»³⁸⁷.

Истоки «народных домов» мы можем искать в «читальнях» (*chytalni*)³⁸⁸, которые могли быть филиалами «Просвіти»³⁸⁹ или другими украинскими организациями, созданными для народа, для изучения народной культуры и традиций. Таким образом, первыми потребителями того культурного продукта или проекта, который предлагался в рамках читален, были крестьяне - носители народной культуры, которая редко попадала на страницы исторических источников. Примечательно то, что инициаторами создания «читален» - учреждений для народа - были носители не народной, а «высокой» культуры. В этом контексте Иван Франко, Михаил Павлик³⁹⁰, Кость Левицкий, Кироло Труловский, Михаил Грушевский поступали так, как в XVIII веке французские

---

³⁸⁶ Schulze, 1988. S. 319 – 341.

³⁸⁷ Ревель, 1996. С. 247.

³⁸⁸ Himka, 1982.

³⁸⁹ Нарис історії... 1968.

³⁹⁰ Павлик, 1959. С. 416 – 549.

аристократы, которые пытались изменить дискурс и вектор развития народной культуры через приобщение крестьян к грамотности и чтению. Сама идея создания «народных домов» в Канаде органично вытекала из той идентичности, носителями которой были канадские украинцы в первой половине XX века. Аналогичные институты с такими же названиями существовали и в Украине. Таким образом, появление «народных домов» среди украинских эмигрантов было своеобразной попыткой трансплантации украинской народной культуры на канадскую почву.

С другой стороны, не будем забывать, что среди создателей и инициаторов появления народных домов были украинские интеллигенты, которые стремились привить украинским крестьянам ту культуру, которая принципиально отличалась от той, в которой они существовали и которая безраздельно доминировала в сельской украинской среде и на украинской периферии - в Канаде и США. Модернизационный эффект от «народных домов» был, вероятно, очень незначительным. Об этом, например, свидетельствуют воспоминания украинцев (которые помнили не только первые годы в Америке, но и последние в Украине), записанные в середине 1980-х годов. Перл Басараба, например, был склонен говорить, постоянно ссылаясь на текст Библии, уподобляясь украинцам первопроходцам-пуританам, одиноким отшельникам и пустынникам.

Среди первых украинцев в Канаде и Северной Дакоте господствовал коллективизм и стремление сохранить связи, которые объединяли их в Украине. Эмигранты нередко приносили с собой связи на уровне одной деревни, в первых дакотских украинских поселениях, по воспоминаниям Вилльяма Ангелука, доминировал коллективизм и совместное проживание нескольких семей в одном доме³⁹¹. Появление такого института как «народные дома» среди украинских переселенцев подчеркивает то, что уже в начале XX века (через два десятилетия после переселения в Америку) они обладали развитой коллективной идентичностью.

С самого начала своего существования «народные дома» были, вероятно, призваны изучать и сохранять украинскую народную культуру, но постепенно культурный дискурс, который наблюдали и потребляли, посетители «народных домов» меняется. «Народные дома» превращаются в основном светскую организацию, в рамках которой протекал процесс формирования

---

³⁹¹ Pedeliski, 2002. P. 37.

новой украинской канадской культуры и идентичности. Традиционная архаика постепенно теряла свои позиции и вытеснялась на периферию культурной жизни. «Народные дома» стали предлагать новую культуру, обновленную, соединенную с местными (западными) культурными нарративами. Таким образом, народная культура украинских крестьян постепенно трансформировалась в современную, почти канадскую, но с украинским колоритом и антуражем «старой родины», которая традиционно была представлена «kraïovyd"ом» в виде декораций на сцене в «народном доме».

Украинские «народные дома», которые существовали в компактных поселениях (Ukrainian bloc settlements) не выдержали напряженной конкуренции с городом и в результате, после сельской депопуляции второй половины 1940-х - начала 1950-х годов, исчезли и последние «народные дома». Тогда канадские украинцы уже не имели особой и жизненно важной потребности в сохранении народных домов. По словам Андрея Макуха, «... in short, Ukrainians in Canada had finally arrived...»³⁹². Закрытие и завершение функционирования «народных домов» не означало полного исчезновения этого исторического феномена. «Народные дома», которые уже успели превратиться в «narodni domy» существовали в Канаде и в 1980-е годы. Но это были уже не народные дома в том значении, которое им придавалось их посетителями между двумя мировыми войнами. Они стали музейными проектами, где демонстрируется законсервированный срез украинской локальной культуры, один из ее периферийных дискурсов.

Но и после того, как «народный дом» потерял свои социальные функции он продолжал волновать и интересовать украинских интеллектуалов в диаспоре, хотя сам образ «народного дома» в литературном дискурсе Украины появился еще между двумя мировыми войнами. Вспомним, например, Богдана Кравцова («І знов весна... вже нарік двадцять літ минеться з часу, як весняним шумом, невтишним гулом у серця хлоп'ячі і в вікна шкільних залів в Народнім Домі прорвався так нагадано, нежданно світ березня сімнадцятого року»)³⁹³, для которого сам феномен «народных домов» четко ассоциировался с процессами национального возрождения, с надеждами украинских интеллектуалов на создание независимого украинского государства. Но и

---

³⁹² Makuch, 2005.

³⁹³ Кравців, 1999. С. 428.

для Богдана Кравцова «народный дом» является низовым, точнее - локальной или локализованной, социальной организацией. В эмиграции многим украинским поэтам сам институт народных домов казался архаичным институтом, хотя некоторые и видели в его деятельности немало положительного. Но и в такой ситуации украинские интеллектуалы в изгнании сделали своеобразную демифологизацию народного дома. Вероятно, в стихах Богдана Бойчука «Где-то суть была», который уже стал хрестоматийным, чувствуется и боль украинского эмигранта по утраченным «народным домам»: «Где-то суть была, остались отгадки, где-то дом стоял, и как его найти?»³⁹⁴. Хотя с Бойчуком в этом контексте сложнее, чем с Кравцовым.

Другой американский украинский писатель Аскольд Мельничук сам, когда был подростком, посещал местный «народный дом» в Элизабетпорте (штат Нью-Джерси). По словам Аскольда Мельничука, в этом здании находились кафе и несколько больших комнат. В доме собирались участники различных украинских организаций, действовала Украинская субботняя школа, которую посещал Мельничук и где преподавала его мать. По воскресеньям «народный дом» использовался для проведения различных общественных и просветительских мероприятий, приуроченных, например, к годовщине со дня рождения или смерти Тараса Шевченко. Кроме этого, в «народном доме» могли работать американские студенты украинского происхождения. Аскольд Мельничук вспоминает, что «несколько десятилетий народный дом выполнял центральную роль в жизни украинского общества»³⁹⁵, пока не уступил свои позиции Украинской Католической Церкви, которая открыла свои школы и общественные учреждения.

---

³⁹⁴ Бойчук, 2003. С. 67.

³⁹⁵ Аскольд Мельничук пишет: «...don't have much to tell you except that there was a Ukrainian National Home in Elizabethport, New Jersey. It had a tavern in the basement, and several large rooms, including an auditorium above. And it was in constant use throughout my youth – as a gathering place for Plast, for Ukrainian Saturday School classes (both of which I attended, and in which my mother and grandfather taught). On Sundays the auditorium was used regularly for cultural events such as celebrations of Shevchenko's birthday, and so on. Later, while I was in college I worked one or two evenings a week tending bar in the basement tavern. Yes, for several decades the Home played a central role in the life of the community. Later, as the Ukrainian Catholic Church grew, and opened its own school, with its own halls and facilities, people began using those and the home fell into disuse and was eventually sold...». Письмо Аскольда Мельничука Максиму Кирчанову, 27 июня 2007 г. (архив автора).

Аскольд Мельничук доказывает деконструкцию мифа о «народном доме» до максимально возможного уровня. В его англоязычном романе «Посол мертвых» народный дом превращается в место горького разочарования украинцев. Народный дом, который для многих украинцев был центром украинской культуры, показался совершенно чужим после того, как они посетили литературный вечер, где выступал «известный украинский поэт Антон». Разочарованию украинцев, которое настигло их в их же собственном «народном доме», не было предела: Антон выступал на английском языке³⁹⁶. В такой ситуации народный дом не выполнил своей первоначальной функции - сохранение устойчивой связи между американскими украинцами и украинской культурой и языком.

Подводя итоги, этой небольшой статье надо брать несколько факторов. Эта статья - лишь одна из попыток микро-историзировать украинскую социальную историю. Изучение украинской истории должно понести свою регионализацию. Речь не идет о формировании региональных школ (в некоторых регионах) они уже возникли. Речь идет о том, что сам процесс изучения и написания украинской истории должен найти региональный дискурс. Такая регионализация должна в идеале привести к локализации исторического анализа.

Вероятно, нужно пересмотреть иерархию исследовательских приоритетов и в круг проблем, которые изучаются должны войти не просто проблемы политической истории в государственном масштабе, но и локальные проявления исторических процессов. Иными словами, украинская история должна найти свой локальный, микро-исторический, дискурс. В рамках этого нового дискурса возможно изучение локальных и низовых социальных институтов, например - народных домов и связанных с ними учреждений. Когда мы приступаем к анализу подобных институтов, нам может казаться, что они были незначительны, а роль, которую они сыграли в период своего существования, была минимальной. С другой стороны, в этих «народных домах» задавались большие вопросы в малом масштабе - народные дома оказались вовлечены в различные процессы - формирование украинской интеллигенции, распространение грамотности, привлечение украинских крестьян к достижениям высокой украинской культуры

---

³⁹⁶ Мельничук, 2004.

Какой важной ни была бы история диаспоры, особенно - для самой диаспоры, нам, вероятно, надо отказаться от своеобразного диаспороцентризма и перенести акценты на украинскую почву. Украинская история, локальная украинская история, разворачивалась и развивалась в пространственных пределах Украины. «Народные дома» - только один из интересных локальных социальных институтов в украинской истории. Но в украинском историческом ландшафте могли доминировать и другие социальные институты - кабак, завод, церковь. В советский период набор таких институтов, которые выстраивали исторический ландшафт, определяя политическую и интеллектуальную жизнь эпохи, был совершенно другим. Надеюсь, что «народные дома» станут только первым шагом на пути к написанию низового региональной социально-идентичностной, частично - интеллектуальной, истории Украины. Готовность представителей исторического профессионального сообщества начать слом нарративной историографии - это уже другой вопрос. Но и в такой ситуации, несомненно, дальнейший анализ подобной проблематики может положительно повлиять на развитие исторических исследований в Украине.

Вероятно, изучение «народных домов» приведет к тому, что мы будем вынуждены радикально пересмотреть свое отношение к украинской истории, поняв, что все важные явления в украинской истории были макроисторическими, но все основные - микроисторическими (локальными или региональными) проявлениями исторического процесса.

М.В. Курчанов

Социальный и локальный дискурсы в региональном измерении украинской истории

Украинская история характеризуется мощным региональным измерением. Автор анализирует проблемы региональной истории в контексте истории украинской диаспоры в Северной Америке. Народные дома как уникальный институт анализируются в статье. Народные дома играли социальные и экономические роли в жизни диаспоры, содействуя сохранению и развитию украинской идентичности в целом и ее различных региональных локализованных вариантов и форм.

Ключевые слова: Украина, история, украинская диаспора, социальная и экономическая история, социальные институты, идентичность

Maksym W. Kyrchanoff (Kyrchaniv)

The social and local discourses in regional dimension of Ukrainian history

Ukrainian history is characterized by a strong regional dimensions. The author analyzes the problems of regional history in the context of the Ukrainian diaspora history in North America. *Narodni domy* as the unique institution are analyzed in the article. *Narodni domy* played the great role in the social and economic life in the diaspora. They assisted to the preservation and development of Ukrainian identity in general and its different regional variations and localized forms in particular.

Keywords: Ukraine, history, Ukrainian diaspora, social and economic history, social institutions, identity

Библиографический список

1. Bezant W. All Sorts and Conditions of Man. – L., 1885.
2. Braudel F. Histoire de sociologie // Braudel F. Ecrits sur l'histoire. – Paris, 1969. – P. 97 – 122.
3. Dubovy A. Pilgrims of the Prairies: Ukrainian Pioneers in North Dakota. – Dickinson, 1983.
4. Ginzburg C., Poni C. La micro-histoire // Le debat. – 1981. – No 117. – P. 133 – 136.
5. Himka J.P. The Background to Emigration: Ukrainians in Galicia and Bukovyna, 1848 – 1914 // A Heritage in Transition: Essays in the History of Ukrainians in Canada / ed. M. Lupul. – Toronto, 1982.
6. Knorr-Cetina K.D. The Micro-Sociological Challenge of micro-sociology: towards a reconstruction of social theory and methodology // Advances in Social Theory and Methodology / eds. K.D. Knorr-Cetina, A.V. Cicourel. – Boston, 1981.
7. Makuch A. *Narodni Domy* in East Central Alberta // Continuity in Change. The Cultural Life of Alberta's First Ukrainians / ed. M. Lupul. – Edmonton, 1988. – P. 202 – 211.
8. Makuch A. Ukrainian-Canadian Life in the 1960s and the 1970s: an Examination of Key Aspects. Unpublished paper presented in Nizhyn, 2005.
9. Meier C. Notizen zum Verhältnis von Makro- und Mikrogeschichte // Teil und Ganzes. Zum Verhältnis von Einzel- und Gesamtanalyse / hrsg. K. Acham, W. Schulze. – München, 1990.
10. Pedeliski Th. The Ukrainian Ethos in the Life of Ukrainian Settlements in North Dakota // North Dakota Ukrainians / eds. A. Palanuk, L. Remele. – Dickinson, 2002.
11. Pedeliski Th. Ukrainians on the Prairies: Old World Cultural Values and the Demands of a New Land // North Dakota Ukrainians / eds. A. Palanuk, L. Remele. – Dickinson, 2002.
12. Prokop D., Kostash W. *National Homes or Narodni Domy* // Ukrainians in Alberta. – Edmonton, 1975.
13. Schulze W. Mikrohistorie versus Makrohistorie? Anmerkungen zu einem aktuellen Thema // Historische Methode / hrsg. Ch. Meier, J. Rüsen. – München, 1988. – S. 319 – 341.
14. The micro-macro link / eds. J.A. Alexander and others. – Berkley, 1987.

15. Who Are We?. A North Dakota Ukrainian Oral History / collected by Agnes Palanuk // North Dakota Ukrainians / eds. A. Palanuk, L. Remele. – Dickinson, 2002.
16. Александровъ А. Земство и народныя дома // Новый журналъ для всехъ. – 1915. – № 6.
17. Ашихмина А.В. Народные дома – центры культурно-просветительской работы южнороссийского села // Новая локальная история. – Ставрополь, 2004. – Вып. 2. Новая локальная история: пограничные реки и культура берегов: Материалы второй Международной научной Интернет-конференции, Ставрополь, 20 мая 2004 г. – Ставрополь, 2004. – С. 25 – 32.
18. Батицький В. Союз Українських Народних Домів // Пропам'ятна книга українського народного дому к Вінніпегу. – Вінніпег, 1949.
19. Бойчук Б. Десять була // Поети «Нью-Йоркської групи». Антологія / упоряд. О.Г. Астаф'єв, А.О. Дністровий. – Харків, 2003. – С. 67.
20. Данилевський В.Я. Задачи и общественное значение народных домовъ // Народныя дома какъ культурно-просветительныя центры. – Харьковъ, 1918.
21. Дьяковъ Ф.Я. Народныя дома – очаги духовной и материальной культуры. – М., 1915.
22. Кравців Б. Сімнадцятого року // Над рікою часу. Західноукраїнська поезія 20 – 30-х років / упоряд. М. Ільницький. – Харків, 1999. – С. 428.
23. Мармазова О.И. Земские народные дома и музеи в Екатеринославской губернии // Богдан Хмельницкий: жизнь, деятельность, история и современность. Доклады научной конференции, Донецк, 14 – 15 декабря 1995. – Донецк, 1995. – С. 29 – 31.
24. Медынський Е.Н. Внешкольное образование, его значение, организация и техника. – СПб., 1913.
25. Мельничук А. Посол мертвых // Дружба народов. – 2004. – № 5.
26. Нарис історії матірнього товариства Просвіти. – Вінніпег, 1968.
27. Павлик М. Про русько-українські читальні // Павлик М. Твори. – Київ, 1959. – С. 416 – 549.
28. Ревель Ж. Микроанализ и конструирование социального // Современные методы преподавания новейшей истории. – М., 1996. .

Публикується по: Кирчанів М.В. Проблеми історії української периферії: соціальний і локальний дискурси / М.В. Кирчанів // Регіональна історія України. Збірник наукових статей / гол. ред. В. Смолій. – Київ: Інститут Історії України НАН України, 2008. – Вип. 2. – С. 113 – 124. Перевод с українського М. Казариновой.

М.В. Курчанов

СОЦИАЛЬНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ФОРМИРОВАНИЕ УКРАИНСКОЙ МО- ДЕРНОВОЙ НАЦИИ

XIX век стал периодом формирования современной, современной, украинской культуры и украинского литературного языка. Этот процесс не протекал стихийно, и становления литературной нормы было связано с деятельностью нескольких поколений украинских исследователей и писателей - первые исследовали язык, другие ее развивали, превращая из народного говора в язык литературы. Этот процесс, который мы можем определить как воображение или конструирование нации националистами-интеллектуалами, протекал неравномерно и хронологически затянулся до начала XX века, когда украинский язык стал похож на современный литературный украинский язык, что было связано с достижением своеобразного националистического компромисса относительно путей дальнейшего развития той новой политической нации, которая получила название "украинцы". Быстрее всего и активнее этот процесс постепенной модернизации³⁹⁷, разрушение традиционной культуры протекал в Империи Габсбургов и Империи Романовых - на территориях, которые условно можно назвать украинскими тем, что здесь жил самый большой процент крестьянских носителей традиционной культуры и диалектов, которые усилиями немногочисленных националистов - интеллектуалов стали украинской политической нацией. Комментируя процессы развития империй, русский Алексей Миллер подчеркивает, что «процессы эволюции империй, усвоение ими новых методов правления и контроля имели много аспектов ... империи менялись, становились непохожими на классические образцы»³⁹⁸. На украинской периферии, на границе украинской колонизации, где украинцы были преимущественно крестьянами³⁹⁹ и контактировали с русскими и другими нациями, этот процесс шел замедленными темпами. Те,

---

³⁹⁷ Гайндль, 1996.

³⁹⁸ Миллер, 2008. С. 33.

³⁹⁹ Molenda, 1999; Papierzynska-Turek, 1995; Obrębski, 1936. S. 412 – 442; Stępień, 1995; Vakar, 1956.

кто до начала XX века стал украинцами, почти не интересовали носителей высокой культуры, которые были склонны видеть в них неграмотных крестьян. Такое игнорирование масс со стороны представителей правящих классов привело к тому, что многие аспекты традиционной домодерной культуры крестьянских сообществ не были зафиксированы и умерли под натиском модернизации, что лишило историков эпохи постмодерна возможности анализировать процессы украинского национального строительства в категориях микроистории. Микроисторические подходы могут оказаться продуктивными для изучения региональной украинской истории⁴⁰⁰. На это влияло отсутствие сильной национально ориентированной украинской интеллигенции, которая могла бы способствовать развитию украиноязычной школы и церкви. С другой стороны, украинский язык не признавался как независимый, и значительная часть российских исследователей была склонна интерпретировать его как диалект русского, стремясь интегрировать украинское в большой канон имперской (политической) нации. Но и в такой ситуации украинские интеллектуалы развивали и культивировали язык, чем заложили основу для активизации национального украинского движения в начале XX века.

Иная ситуация сложилась на территории Венгрии и Балкан, где в XVIII веке появились украинские переселенцы. Развиваясь в относительной изоляции, оторванные от остальных украинских территорий, украинцы установили контакты с местным населением, что оказало значительное влияние на развитие украинского языка, изменило ход развития культуры украинцев. Изоляция и удаленность от украинских исторических земель привели к тому, что принесенные язык и традиции словно законсервировались. Оставшись украинскими, будучи преимущественно традиционными, они значительно стали отличаться от тех традиций, которые развивались в Западной Украине и в Империи Романовых.

Восточная периферия украинских этнических территорий, расположенная на границе с массивом русскоязычных губерний, Восточная Слобожанщина, как и украинские территории в Венгрии и на Балканах, из этого процесса языкового и политического строительства украинской современной нации «выпала». Здесь не было ни украинской интеллигенции, ни украиноя-

---

⁴⁰⁰ Davis, 1990. P. 23 – 34; Гинзбург, 1996. С. 207 – 236; Леви, 1996. С. 167 – 190; Шлюмбом, Кром, Зоколл, 2003. С. 7 – 26.

зычной школы, ни украинской церкви - тех факторов и социальных институтов, гарантирующих не только развитие, но и широкое использование украинского языка в условиях существования общества, переживало не только процесс модернизации, но и национализации - политического представления нации. Попытки немногочисленных местных украинских интеллектуалов внести свой вклад в языковое строительство на таком фоне выглядит интересным. История Воронежской губернии, в отличие, например, от истории Кубани, не знает значительного числа украинских национально ориентированных деятелей, а украинские районы всегда были периферией, на которые смотрели как на случайные островки украинской колонизации.

Активность украинских интеллектуалов в Восточной Слобожанщине имела эпизодический характер, а сами они были не в силах изменить вектор политического, этнического и культурного развития региона. С другой стороны, они и не ставили перед собой такой амбициозной задачи. Украинское движение на территории периферийных регионов было слабым, имело советнический характер и не могло иметь значительное влияние на процессы политического и культурного воображения пространства. Поэтому заезжие украинские интеллектуалы-исследователи, собиратели народного фольклора были редкими гостями, а их местные коллеги, представители немногочисленной интеллигенции были не в силах что-либо серьезно изменить. Поэтому украинская история XX века была и историей двух противоречивых процессов. С одной стороны, украинским национальным деятелям стало очевидно, что Украина, которую они строили далека от единства - политического, экономического, культурного и языкового. XX век - это время существования нескольких Украин. Раскол между ними проходил не только по линии «Восток - Запад», но и в сфере современности и архаичности, модерности и традиционной отсталости. В XX веке от исторических украинских земель постепенно отпадают периферийные территории, где украинская колонизация столкнулась с мощными неукраинскими национальными общинами, но и региональными версиями традиционной культуры, носители которой тоже не имели ни малейшего желания уступать современности и отказываться от традиционных социальных институтов и коммуникативных практик, которые доминировали на региональном уровне. В результате этого откола украинскими перестают быть Восточная Слобожанщина и Кубань, значительно сокращается

украинское влияние на Западе, в Словакии, на юго-востоке, в Сербии и Хорватии: украинская традиционность периферии не выдерживает исторической конкуренции с новыми современными идентичностями, которые предлагались интеллектуалами доминирующих наций. Поэтому XX век вошел в историю как эпоха разрыва некогда единого украинского культурного пространства.

Но это украинское единство оставалось условной, воображаемой, категорией. Украинцы Империи Габсбургов и Империи Романовых говорили на разных украинских диалектах. Еще более различались и отличались диалекты украинцев Хорватии и Кубани, Словакии и Восточной Слобожанщины. Но и в такой ситуации украинцы все же смогли сохранить языковое единство. Как бы ни варьировались украинские локальные диалекты, все они были диалектами украинского языка, переживающего процесс националистической институционализации, стандартизации, перехода от народной стадии, крестьянского языка к языку современной нации, которая обладала всеми, присущими нации, добродетелями. Кроме этого между украинцами существовало немало религиозных различий. Социальная специфика Российской Империи и Австро Венгерской империи наложила свой отпечаток на развитие украинцев. Но и в такой ситуации широкой географии украинского населения, не сама география, с характерными для нее огромными пространствами, которые стимулировали различия, была противником украинской народной культуры. Напротив, она только стимулировала и закрепляла патриархальные основы, которые исторически развивались в украинских поселениях Украины, Галиции, Хорватии, Кубани, Восточной Слобожанщины.

Народная традиционная украинская культура и язык, далека от литературной нормы, которую так усиленно культивировали и пропагандировали украинские националисты-интеллектуалы в империи Романовых и Габсбургов, имела надежного союзника в лице восточной европейской географии. Однако украинские националисты основательно перекроили эту карту, заново представляя и конструируя политические, культурные и исторические границы. Процессом, у истоков которого стояли украинские националисты и который так существенно изменил территорию украинского населения, стала модернизация. Политическая программа украинского национального движения отличалась значительными модернизационными импу-

льсами. Украинские националисты, как и любые другие националисты, стремились привлечь свой народ не только к чисто внешней стороне европейской культуры, которая была для них не просто важнейшим синонимом самой модернизации, но и самым радикальным способом перестроить его жизнь и быт, вытеснив патриархальный крестьянский уклад, и заменить его современной, модернистской культурой серийности, которая автоматически исключала региональные и локальные вариации в развитии идентичности. В этом контексте украинский современный национализм играл деструктивную роль, создавая свою «воображаемую географию»⁴⁰¹, фрагментируя традиционное культурное пространство, создавая новую систему культурных и интеллектуальных координат, которые имели не только национальное, но и региональное измерение. Такая культура, по мнению интеллектуалов-националистов, должна была быть украинской - национальной унифицированной культурой украинской нации. Ее напору уже не могла противостоять никакая география - даже восточно-европейская.

В такой ситуации перед нами раскрывается еще одно измерение украинской истории XX века. Украинская история - это и история разрушения народной культуры, отдельные носители и представители которой мучительно и вероятно болезненно для себя выстраивали новую идентичность, открывая мир украинской современной культуры, которая так активно рождалась. Этот процесс имел всеукраинский характер, но не все украинские интеллектуалы, связанные с украинским периферийными общинами, приняли в нем участие. Одни просто не дожили до триумфа украинского национализма в первой четверти XX века, когда украинское национальное движение ставило вопрос не просто о национальной автономии и национальной школе, но о политической институционализации - о создании независимого украинского государства. Другим повезло больше - они вписались в украинский проект, смогли найти свое место в рамках украинской культуры. В такой ситуации между такими интеллектуалами-маргиналами существует важная параллель: они постепенно усваивали тот идентичностный продукт, который предлагался в рамках националистического воображения украинскими националистами в империи Романовых и Габсбургов. Вся их «украинизация» свелась к поиску своего места среди украинских интеллектуалов.

---

⁴⁰¹ Вульф, 2003.

История украинской модернизации знает немало имен периферийных интеллектуалов, многие из которых забыты. Среди таких маргиналов и не востребуемых интеллектуалов были Владимир Гнатюк, Митрофан Дикарев и Гавриил Костельник. В центре внимания в этой статье - проблемы интеллектуального измерения региональной (локальной) трансформации традиционного типа условно украинской культуры в направлении формирования модернистской политической украинской нации.

«Казусы» В. Гнатюка и М. Дикарева, безусловно, украинские. Оба жили в непосредственной близости от массива украинских территорий. Гнатюк вообще жил во Львове - одном из регионов, который динамично украинизировался. Этот процесс украинизации имел несколько уровней и измерений, что придает актуальности его изучению / попыткам анализа в рамках микроисторических практик по той причине, что «в центре внимания микроистории находятся не изолированные индивиды, а социальные связи и отношения, в рамках которых они осуществляют свои стратегии»⁴⁰². Вместе с этими случаями конструирования и трансляции украинской идентичности история украинцев из периферийных территорий демонстрирует нам и другие варианты развития событий. Гнатюк и Дикарев пришли в украинскую культуру из культуры, которая была народной, крестьянской. В такой ситуации исследователь может задать вопрос: а были ли в истории Украины такие интеллектуалы, пришедшие в украинскую национальную культуру из культуры традиционной, но в меньшей степени украинской? Да, таким интеллектуалом был Гавриил Костельник - украинский деятель, который начал как провинциал и маргинал, но стал знаковой фигурой в украинской истории. Личные / собственные истории Владимира Гнатюка, Митрофана Дикарева и Костельника - истории людей второго плана, выходцев из периферии. Анализ их политической и культурной деятельности представляется перспективным потому, что дает исследователю пространство для междисциплинарного синтеза, позволяя анализировать украинских региональных маргиналов в рамках региональной истории, исторической антропологии, интеллектуальной истории.

Региональная география на заре эпохи модернизации столкнулась с новым, качественно новым, вызовом - печатным словом, центром существования которого был город. Развитие книгопечатания, распространение книжной продукции в пери-

---

⁴⁰² Шлюмбом, Кром, Зоколл, 2003. С. 15.

ферийных регионах, развитие школьного образования стали ощутимыми ударами для традиционных идентичностей тех, кто был просто крестьянами и не обладал четкой идентичностью. Традиция украинского книгоиздания в Воронежской губернии имела маргинальный характер. Украинская литература всегда осознавалась местными русскими деятелями как некое случайное этнографическое явление, а украинские деятели жили в таких условиях, которые автоматически выставляли их за пределы литературной жизни. На Балканах и в Венгрии сложилась иная ситуация: украинцы были одной из многочисленных этнических групп, которая не встречалась с такими вызовами ассимиляции, с которыми сталкивались украинцы в Российской Империи. Поэтому, украинская культура и украинская традиция имели гораздо больше каналов для проявления своей уникальности, для трансляции своих особенностей другим, не украинским, общинам.

Крупнейшим украинским деятелем Воронежской губернии (и, вероятно, всей Восточной Слобожанщины) можно назвать Митрофана Дикарева, который в 1891 году издал в Воронеже «Очерк воронежского мещанского говора»⁴⁰³. Книгу Дикарева, представителя восточной украинской традиции, можно оценивать и интерпретировать по-разному. Ее автор не был профессиональным филологом, чего он сам и не скрывал. Его общественный и социальный статус не был постоянным - не принадлежал он ни к интеллигенции, ни к дворянству - он не был и священником, но он не является крестьянином. Этого выходца из крестьян можно назвать своеобразным народным интеллектуалом. Мы заимствуем этот термин из французской историографии, где он широко используется для изучения истории народной и традиционной крестьянской средневековой и современной культуры⁴⁰⁴. С другой стороны, творчество Дикарева можно проанализировать в категориях микроистории - на фоне других деятелей украинского национального движения он - фигура менее значительная, деятель локальной, периферийной, а не украинской национальной истории. Он - типичный носитель украинской национальной, но не классической националистической, идеологии. Поэтому, его творчество - лучший источник для анализа в рамках именно микроисторичних студий⁴⁰⁵. Поэ-

---

⁴⁰³ Кирчанов, 2006.

⁴⁰⁴ Бахтин, 1965; Гуревич, 1981; Гуревич, 1990.

⁴⁰⁵ Davis, 1990; Ginzburg, 1994.

тому, в этой статье автор попытается проанализировать «Очерк воронежского мещанского говора»⁴⁰⁶ и фигуру Дикарева именно в таком контексте и в окружении его современников.

Подобно Дикареву балканские украинские деятели оказывали немалое внимание изучению местных украинских традиций, языка и народной культуры. Но в отличие от Дикарева, они склонны интерпретировать, понимать и позиционировать местную украинскую культуру как однозначно украинскую и как только украинскую. Развитие вне Украины, существование в регионе, который не имел непосредственной границы с массивом этнических украинских земель - все эти факторы значительно влияли на развитие местной украинской идентичности в сторону ее маргинализации. Если в России украинский идентитет ослабевал в условиях постоянной политики игнорирования со стороны властей, которые стремились ассимилировать украинцев и деградировал от собственно украинского к малорусскому, то на Балканах украинская идентичность нашла местные локальные черты. Поэтому, среди сербов и хорватов украинская идентичность постепенно слабела, становясь статичной. В результате возник особый русинский дискурс украинской идентичности, который мы можем наблюдать в произведениях Владимира Гнатюка - современника Дикарева - который, как и он, занимался изучением языка, культуры и традиций местных украинцев.

Дикарев, как В. Гнатюк⁴⁰⁷, не являлся представителем культурной и политической элиты, его «социальная родина» - это угнетенные и угнетаемые классы. И хотя нас от момента издания его книги отделят относительно небольшой срок на том этапе в России социальная группа, выходцем из которой был Дикарев, признавалась способной только на пассивное усвоение культуры, создаваемой интеллигенцией. Иногда звучали голоса о том, что такие, как Дикарев могут быть культурно самостоятельными, но их надо направлять. С другой стороны, существовала тенденция вывести подобных Дикареву за рамки культуры⁴⁰⁸. В результате все эти три модели были реализованы: статус и положение Дикарева отличались меньшей стабиль-

---

⁴⁰⁶ Дикаревъ, 1891.

⁴⁰⁷ Гумецька, 1971; Дзендзелівський, 1976; Панькевич, 1926; Роль Володимира Гнатюка... 1991; Сімович, 1981; Чабаненко, 1991; Шелепець, 1967; Яценко, 1964; Мороз, Мушинка, 1992.

⁴⁰⁸ Mandrou, 1964; Bolleme, 1965.

льностью и он почти всегда был маргиналом на фоне окружающих его русских и русскоязычных интеллигентов.

Появление исследований Дикарева было реакцией на неприятие его обществом: он писал в то время, когда украинская литература переживала процесс политизации, что вело и к своеобразной литературизации политики⁴⁰⁹. В такой ситуации Дикарев - «невостребованный интеллект»⁴¹⁰. Его все равно не поняли русские интеллигенты, которые смотрели на украинцев с восхождением и пренебрежением. Дикарев казался им собирателем фольклора племени, обреченного на ассимиляцию. С другой стороны, украинские интеллектуалы не видели в нем «своего». В этом и заключается его трагедия - невостребованного интеллектуала, который оказался на грани двух культур и идентичностей.

Книги Дикарева и Гнатюка вышли если не поздно, то их появление было тем событием, которое явно запоздало. Такая ситуация подтверждает предположение Джорджа Грабовича о том, что украинская культура в России (но в других периферийных районах) была обречена на постоянную и непрерывную маргинализацию⁴¹¹. Выходцы из крестьянства из украинской периферии пришли в национальное движение и культурную жизнь Украины поздно. То, что они пришли в украинскую культуру, свидетельствует о том, что большинство крестьян, представителей «культуры которая молчала», проснулось, но они не смогли быстро адаптироваться к новой культуре. Поэтому, они остались маргиналами. Они были носителями народной культуры, которые пытались эту культуру описать и проанализировать в категориях вовсе не народной, а «ученой», культуры. В такой ситуации их нарративы не «исчерпали всего разнообразия и многообразия представлений, которые существовали среди крестьянства»⁴¹².

Сам Дикарев признавался, что в своей книге пытался проанализировать особенности воронежского мещанского диалекта, предоставив внимание, в первую очередь, фонетическим аспектам. Комментируя роль языкового фактора в развитии национализма, А. Миллер подчеркивает, что «язык является одним из наиболее важных элементов в символике этничности, а

---

⁴⁰⁹ Шартъе, 2001. С. 21.

⁴¹⁰ Curtis, 1962.

⁴¹¹ Grabowycz, 1995.

⁴¹² Савицкий, 2002. С. 49.

шрифт и алфавит - многозначным символом, который часто играл и играет ключевую роль в процессах формирования идентичности»⁴¹³. Описывая диалект украинцев Восточной Слобожанщины, Дикарев констатировал его переходный характер: «в ряде случаев говор приближается к литературному языку, в других - к сельскому языку». Дикарев для обозначения местного диалекта предложил использовать термин «воронежский мещанский говор»⁴¹⁴. Такая ситуация свидетельствует, что Дикарев пытался конструировать свой тип идентичности, опираясь на язык потому, что язык является одним из важнейших факторов не только конструирования, но и элементарного сохранения идентичности⁴¹⁵.

Для Владимира Гнатюка язык тоже имел большое значение в том проекте идентичности, который он предлагал своим украинским соотечественникам. Именно в плоскости языка мы можем найти существенные различия между двумя вариантами идентичности, которые развивались в Восточной Слобожанщине и на Балканах. Если для Дикарева речь представляла преимущественно научный интерес, то Гнатюк добавлял языку и национальное и даже политическое значение. Язык позиционировался им как проявление идентичности. Он предполагал, что речь должна быть именно такой, какой он ее видел. Поэтому языковой проект Гнатюка - это сознательное конструирование языковой идентичности, которое было отделено от другого дискурса украинской идентичности, который развивался в Украине Романовых.

Дикарев предполагал, что слободской диалект отличается от других русских диалектов, но близок к украинским диалектам, распространенным в районах Новочеркасска, Ростова-на-Дону и Харькова. В такой ситуации он был склонен интерпретировать его как «тип мещанского юго-великорусского говора». Дикарев ставит вопрос и о распространении этого украинского диалекта на территории Воронежской губернии, предполагая, что «украинское влияние в городе должно было сказаться сильнее, чем в селе»⁴¹⁶. Это дает нам возможность отказаться от предположения российской историографии о том, что история города Воронежа является частью только русской истории. В такой ситуации

---

⁴¹³ Миллер, 2008.С. 78.

⁴¹⁴ Дикаревъ, 1891. С. 2 – 3.

⁴¹⁵ Берк, 1999.

⁴¹⁶ Дикаревъ, 1891.

мы можем писать о Воронеже, как об одном из неудачных центров украинской национальной жизни. С другой стороны, используя терминологию канадского украинского историка Мирослава Шкандрия в этом регионе мы наблюдаем феномен «анархического пограничья»⁴¹⁷, когда культурные нарративы и нормы не сформированы окончательно, а идентичность развивается в условиях постоянной эволюции, результат и возможные последствия которой неясны.

Язык трудов самого Гнатюка и литературных памятников, которые были опубликованы по его инициативе, значительно отличается от того языка которым писал не только Дикарев, но и значительная часть украинских интеллектуалов и деятелей украинского национального движения того времени. Если Дикарев при записи украинского фольклора руководствовался фонетическим принципом, то Гнатюк пытался внести в украинский язык, которым он пользовался, некоторые элементы оформленного языка и литературной нормы. Но и в такой ситуации его украинский язык не был языком Ивана Франка или Леси Украинки. Он не был и языком Тараса Шевченко. На примере наследия Гнатюка мы наблюдаем развитие альтернативного правописания регионализированной языковой нормы, которая сознательно позиционировалась как правильный украинский. Иными словами, Гнатюк способствовал развитию альтернативного украинского проекта.

Книга, изданная М. Дикаревым, интересна своим приложением, которое состоит из трех частей. В первой части он опубликовал записанные им и его корреспондентами русские народные пословицы и поговорки. Вторая часть, «Пословицы, поговорки, приметы и поверья Воронежской губернии» имеет подзаголовок «Малороссийский сборник». Она представляет наибольший научный интерес потому, что демонстрирует то, что украинское население на территории Воронежской губернии было значительным, сохраняло и использовало украинский язык, и показывает то, что единые нормы украинского правописания тогда отсутствовали.

Анализируя и сравнивая научные исследования и поиски Дикарева и Гнатюка становится очевидным фактом и то, что они различно подходили к самой проблеме научного творчества. Дикарев - классический маргинал, дилетант и любитель. Гнатюк имел больше с академической наукой. Публикация его

---

⁴¹⁷ Шкандрій, 2004. С. 28.

произведений в бывшей Югославии, вылившийся в пять томов, стала чуть самым значительным событием в жизни русинского течения в украинской диаспоре. Читая Дикарева и Гнатюка заметны различия в самой манере. Гнатюк в этом контексте более научный, даже академический. Его язык - язык популярной научной литературы. Этим он отличается от Дикарева. Но он отличается и тем, что и норма, которой он пользовался, не утвердилась в языковом дискурсе Украины, но так и осталась интересным, но маргинальным, проектом, которому было не суждено состояться.

Написание украинских слов Дикарева явно отличается от современного украинского литературного языка. Записывая украинские пословицы и поговорки, он применил фонетический принцип - он записывал их так, как слышал, но использовал при этом и украинские буквы. Дикарев использовал некоторые русские буквы, которые передают отдельные звуки украинского языка. Это свидетельствует о смешении русской и украинской нормы правописания и превращает книгу в интересный источник по истории развития украинского правописания и изучению украинского народного фольклора. С другой стороны, записывая пословицы украинской периферии, он зафиксировал и русское (как правило, лексическое) влияние на украинский язык, что превращает его книгу в источник по истории украинских миграций и украино-российских этнических контактов.

Материал, представленный в книге М. Дикарева, интересен в контексте анализа истории и поведения крестьянского населения в том, что историки неизбежно сталкиваются «с незначительностью свидетельств о угнетении классов прошлого»⁴¹⁸. Поэтому книга Дикарева позволяет представить себе, как говорили украинские крестьяне. Большинство слов, записанных Дикаревым, и отличных от современного украинского правописания - это глаголы. Например, им записана поговорка «Байда пїе, в Байды йе», которая в современном украинском языке может быть записана так: «Байда пьет, у Байды есть». Кроме того, в ряде случаев Дикарев использует в украинских словах русские буквы вместо украинских, что превращает их написание в его варианте не похожим на современные украинские литературные нормы.

Вернемся к наследию Владимира Гнатюка. Он писал без использования российских букв, хотя русские буквы встреча-

---

⁴¹⁸ Гинзбург, 2000. С. 31.

лись в текстах народных песен и сказок, которые он выдал. Но речь таких записей, где мы находим смешение русской и украинской буквенной нормы, нельзя определить ни как русскую, ни как украинскую. Это - своеобразная смесь языков, языковых норм, литературных традиций. Научная публицистика Гнатюка демонстрирует нам несколько иной вариант развития украинского языка, его использование в научном тексте. Если то, что писал Дикарев можно прочесть и понять, но эти записи не так доступны как современный украинский текст, научное наследие Гнатюка легко читаемо и кажется незнакомым только своими языковыми нюансами. Например, открывающая фраза труда озаглавленного «Финно-русские духовные стихи» в понимании Гнатюка выглядит так: *«хоч наша старинна література зовсім не убога, хоч деякі її пам'ятки визначаються не аби якою красою з кожного боку і могли-б навіть нині вдоволити не одного вигабливого критика, то в цілості вона дуже мало знана, спеціально в нас у Галичині, де крім спеціалістів ніхто нею не интересується»*⁴¹⁹. Современная украинская литературная норма трансформирует выше приведенный фрагмент в несколько иной текст: «хотя наша старинная литература вовсе не убогая, хотя некоторые ее памятники отличаются не абы какой красотой с каждой стороны и могли бы даже сейчас удовлетворить не одного взыскательного критика, то в целом она очень мало известна, специально у нас в Галичине, где кроме специалистов никто им не интересуется».

Записи украинских пословиц и поговорок Дикаревым интересны в контексте географии украинского населения на территории Воронежской губернии. В некоторых записанных пословицах фигурируют и географические названия. Например, Дикарев опубликовал такую пословицу как *«Богучарці п'ють по чарці, а на залимані бувають і п'яні»* («Богучарці п'ють по чарці, а на залимані бувають і п'яні»). Им издана и такая поговорка *«На сирдитих у Мандреву їздять»* («На сердитых в Мандреву їздять»), где упоминается селение в Валуйском уезде. Дикарев опубликовал притчу *«В Нагуті собаки гнуті»*, что свидетельствует о том, что украинское население в Воронежской губернии впитало в себя выходцев и из Херсонской губернии. В пословицах упоминается и Дон (*«На Дону було – губи надуло»*)⁴²⁰, кото-

---

⁴¹⁹ Гнатюк, 1988. Т. 1. С. 1.

⁴²⁰ Пословицы, поговорки, приметы и поверья Воронежской губернии. Малорусскій сборникъ. – С. 273, 274, 279.

рый можно рассматривать как одну из естественных границ украинской колонизации.

Если Дикарев пытался записывать украинские слова и даже тексты украинцев Воронежской губернии, руководствуясь фонетическим принципом, то Гнатюк опубликовал несколько десятков текстов, записанных им от русинов. Если тексты, записанные и изданные Дикаревым, имеют российское влияние, то в текстах, выданных усилиями Гнатюка, заметно влияние со стороны языков южных славян. Так под хорватским или сербским влиянием в языке балканских украинцев появляется смягчение звуков «л» и «н» - «Алье» вместо «але», «нье» (от хорватского «nje»). Некоторые слова могут быть интерпретированы как заимствования - «красавиц» (от хорватского «kralj»).

Книга М. Дикарева уникальная и особенно интересна для историка тем, что она дает возможность доступа в мир народной культуры. По словам российского историка А.Ф. Кудрявцева, доступ в этот закрытый мир народной культуры «совсем не простой» потому, что сфера ее бытования почти исключительно народная устная традиция, которая крайне редко (почти никогда) не попадала на страницы доступных нам источников. С другой стороны, она не часто привлекала внимание современников⁴²¹. Поэтому, дикарь фиксирует не народную культуру в ее классической форме, а ее ослабленный поздний вариант, который в условиях модернизации, которая уже началась, распадается.

Дикарь опубликовал и *«Расказъ про хахлацьку свальбу»*, автором которого был Т. Луценко, отставной солдат из Верхнего Карабута Острогожского уезда Воронежской губернии. Луценко написал этот текст сам, что свидетельствует о том, что он был грамотным. Грамотность Луценко может быть проанализирована в контексте теории американских историков о том, что распространение грамотности является не только индикатором, но и важнейшим элементом процесса модернизации⁴²². Публикация этого текста превращает книгу Дикарева в еще важнейший и интереснейший источник. Это небольшое произведение демонстрирует нам трудности модернизации украинской этнической периферии, показывая, что «искоренение старой и насаждение новой культуры»⁴²³ протекало здесь в замедленном темпе. Об-

---

⁴²¹ Кудрявцев, 2000. С. 5.

⁴²² Street, 1984; Cipolla, 1969.

⁴²³ Шартъёб 2001. С. 17.

ъединение в рамках одного издания «научного» исследования М. Дикарева, записей фольклора и произведения «народного» писателя Т. Луценко подтверждает предположение Карло Гинзбурга о том, что в рамках любой культуры существует несколько культурных уровней⁴²⁴, не все из которых попадают в сферу интересов исследователя из-за незначительности источников. Поэтому, книга, изданная М. Дикаревым, позволяет значительно расширить наши представления об истории украинской этнической периферии.

Гнатюк опубликовал несколько десятков текстов, записанных в украинских селениях на Балканах. Некоторые из них дают нам возможность представить каким было и как сменяется народное традиционное мировоззрение украинских крестьян. Отличительной чертой такой народной психологии была значительная религиозность. Примечательно то, что религиозные устремления крестьянства были далеки от той религиозной традиции, культуры и нравственности, которые предлагались крестьянам со стороны официальной церкви. Религиозные мотивы представлены в записанных и опубликованных Гнатюком текстах в окружении исключительно мирских сюжетов. Например, святые Петр и Павел приходят на свадьбу как незваные гости, за что их и бьют местные крестьяне: *«Петро іс Паўлом, з братом, йак апостоли Хрістови ходили по землі. Зашли до їдного села і там була свадьба. І Павел говорить Петрові: Брате, там музика. Йа шче того не видію нігда. Йа дакус піду поспотріти, але брат Петро йому говорить: Ти там не прошений. Не ходь ти там, бо будеш битий, бо там п'яни люди сут»*⁴²⁵. Такое понимание показательное, демонстрируя, что крестьяне были далеки от идеализации библейских персонажей, а наоборот стремились интегрировать их в бытовой и мирской контекст.

Отставной солдат Т. Луценко, небольшой текст которого выдал М. Дикарев, служил на территории российских губерний, но позже поселился на украинской территории. Рассказ этого бывшего солдата и выходца из народа, может быть проанализирован как памятник народной литературной традиции. В такой ситуации, автор, по словам российского исследователя Е.Е. Савицкого⁴²⁶, почти «размышляющий крестьянин». Конкретизируя

---

⁴²⁴ Гинзбург, 2002. С. 32.

⁴²⁵ Гнатюк, 1986. Т. 4. С. 3.

⁴²⁶ Савицкий, 2002. С. 45 – 52.

это предположение, приближая его к украинской тематике, Т. Луценко - если не размышляющий, то записывающий крестьянин. Текст, написанный им, содержит немало российских лексических заимствований. В самом названии фигурирует слово «свальба», которое мы можем интерпретировать, как и украинское и российское диалектное, характерное для территорий Воронежской губернии, которые были населены украинским и русским населением. В такой ситуации мы можем предположить, что в этом регионе возник особый тип народной культуры, который сочетал в себе как украинские, так и русские элементы.

Тексты опубликованы М.Дикаревичем и В.Гнатюком интересны тем, что демонстрируют нам образ «чужого», который был характерен для украинцев как носителей традиционной крестьянской культуры. Если в тексте Луценко заметны русские мотивы, то среди «чужих» образов в небольших текстовых фрагментах, записанных от крестьян и выданных Гнатюком, фигурируют, например, венгры («*Йеден Мадьяр, котрий уж трицет рокиў биваў во Відню, а йеднак не миг научітишья по нїмецки, од злості гваріў: Но, лем дураци тоти Нїмци. Трицат роки йак медже нїма бивам, ешчі мнѣ не розумїат*»)⁴²⁷. Украинское сознание позиционировало венгров как непонятных и диких провинциалов, которые не могли приспособиться к культуре и ритму жизни большого города, но замыкались в своем узком национальном кругу. Россияне осознавались как солдаты, которые ассоциировались с войной и подавлением актов народного протеста в период революции 1848 года. Русские и казаки предстают как захватчики, которые убивали простых мирных крестьян⁴²⁸.

Кроме венгров в народных анекдотах фигурировали евреи (жиды) и цыгане. Круг сюжетов, связанных с этими группами, разнообразен - например, Гнатюк опубликовал анекдот о том как цыган и еврей играли в карты и пытались друг друга обмануть. Известен записан и издан им анекдот, где фигурирует «*Арон, молодий жидок*»⁴²⁹. Такое негативное отношение к евреям, видения в них именно «жидов», вероятно, не свидетельствует о том, что среди украинцев существовал сознательный антисемитизм. Евреи объективно воспринимались украинцами как носители традиционного сознания, как чужие, как другие - носи-

---

⁴²⁷ Гнатюк, 1986. Т. 4. С. 48 – 49.

⁴²⁸ Гнатюк, 1986. Т. 4. С. 89.

⁴²⁹ Гнатюк, 1986. Т. 4. С. 49.

тели своего непонятного сознания, устройства и образа жизни. В таком контексте слово «жид» могло и не иметь отрицательно-го звучания, а использовалось исключительно для акцентирования внимания на чуждости евреев украинцам, полярной противоположности этих двух групп.

Т. Луценко, небольшое сочинение которого выдал М. Дикарев, писал, живя в русскоязычном окружении. Со слов, проникших в русский язык в творчестве Т. Луценко, вспомним «соль» («*Пріймить же хліб-соль*» замість «*Прийміть хліб-сіль*»), «синок» («*Ну шо, синок, треба тобі шукать пари*» замість «*Ну що, синку, треба тобі пару шукати*»), «сёго» («*а нам сёго й треба*» замість «*а нам цього і треба*»), «харашо» («*Ну харашо, зараз піду*» замість «*Ну добре, зараз піду*»), «жалав» («*як би я ни жалав, то б я і людей до вас не посилав*» замість «*якби я не бажав, то я і людей до вас не посилав*»), «жениться» («*Да я щи молодий, ни нагулявся, мені рано ищи жениться*» замість «*Так я ще молодий, не нагулявся, мені рано ще одружуватися*»), «учить»/«слухать» («*Батько да мати будуть нас учити, а ми будем слухати*» замість «*Батько і мати будуть нас навчати, а ми чути*»)⁴³⁰. В тексте этого рассказа, где описывается украинский свадебный обычай, заметно и влияние со стороны русской грамматики. Написание отличается от современного украинского литературного языка. С другой стороны, рассказ Т. Луценко является ярким образцом "культуры, созданной народом"⁴³¹, что подтверждает наше предположение, что украинские территории Воронежской губернии были исключены из украинского исторического процесса и развивались как периферия, что придало этническим процессам значительную специфику.

Рассказ Т. Луценко, опубликованный М. Дикаревым, фрагменты песен, сказок и народных анекдотов, выданные В. Гнатюком, при их всей простоте и неприхотливости, были показательными явлениями в развитии украинской идентичности. Французский историк Р. Мандро, анализируя похожий феномен народной литературы во Франции, высказал мнение, что такую литературу надо называть «литературой ухода от действительности», потому что она способствует формированию традиционного мировоззрения, укрепляя и усиливая его⁴³². Выводы французского историка применимы относительно «творчества»

⁴³⁰ Дикаревъ, 1891. С. 280 – 290.

⁴³¹ Гинзбург, 2002. С. 33.

⁴³² Mandrou, 1964.

народных авторов с которыми контактировали М. Дикарев и В. Гнатюк. Такие авторы респонденты пытались законсервировать в своих рассказах, песнях и анекдотах украинские народные традиции. Но и Дикарев и Гнатюк писали, вероятно, не для народа, а для исследователей народа, что свидетельствует о постепенном размывании границ народной культуры.

И Владимир Гнатюк и Митрофан Дикарев - фигуры в значительной мере маргинальные. Они имели большие трудности с интеграцией в украинский культурный контекст. Особенно трудно второму - жил и работал Дикарев не в украинских губерниях, а сначала в Воронежской губернии, которую как часть Украины никогда серьезно не воспринимали даже радикалы-националисты, а затем на Кубани, где украинское население было численно значительным, составляя более половины кубанских жителей, но и как во всей Российской Империи политическое значение украинцев и роль, которую они реально могли в политической жизни края играть была минимальной. В результате, и М.Дикарев и Гнатюк свое место среди украинской общестственности нашли. Залогом такой успешности была какая-то начальная украинскость. С другой стороны, в украинской истории XX века были и фигуры, которые, подобно Гнатюку и Дикареву, были на ранних этапах своей деятельности фигурами бесспорно маргинальными. Но эта маргинальность была не результатом социального происхождения или непризнании со стороны украинской общестственности. Они позднее были приняты и поймут и достигли некоторых успехов в интеграции в украинский социум. Маргинальность таких политиков имеет другие корни.

В отличии от М.Дикарева и Гнатюка, украинская идентичность которых сомнений почти не вызывает, Костельник входил в украинскую историю как идентичностный маргинал, что уже потом, постепенно, выстраивал, развивал и культивировал свою украинскую идентичность. Костельник, например, заявляет о себе на том этапе, когда украинское национальное движение развивалось в условиях жесткой борьбы между различными течениями и тенденциями. Одни из них вполне отвечая задачам национального освобождения и избавления постепенно стали доминировать в рамках украинского национализма. Другие тенденции (малоросийство, полонофильство⁴³³) были откровенно маргинальными и достаточно быстро сошли с исторической

---

⁴³³ Химка, 1993; Турій, 1994.

арены, потеряв сторонников и показав свою историческую бесперспективность.

Костельник - представитель маргинальной удаленной украинской изолированной общины переселенцев, он - один из активных критиков москвофильства, а его личный опыт перехода из русинской культуры в украинскую представляет интересный пример добровольного разрыва с маргинальным русинством в пользу классического украинского движения. Гавриил Костельник родился в 1886 году в Сербии, в Русском Керестури - поселке, где жили украинском и русины, приехавшие на Балканы в XVIII веке ⁴³⁴. Будучи греко-католиком, он был вынужден покинуть преимущественно сербские районы и получить образование в Загребе ⁴³⁵. Примечательно то, что в круг сознательных украинцев Костельник попал не без участия со стороны уже упомянутого Владимира Гнатюка. Таким образом, одни украинские интеллектуалы-маргиналы способствовали социализации других - еще более маргинальных периферийных украинцев в которых они видели значительный потенциал для украинской идеи. Позже Костельник жил и преподавал во Львове, совмещая преподавание с научной деятельностью. Он писал на своем родном бачванском диалекте, на украинском и хорватском языках. В 1935 году, в газете «Дело», Костельник опубликовал статью «Почему я стал украинцем» ⁴³⁶, которая является важным штрихом к его биографии, демонстрируя как украинские деятели из периферии добровольно «прощались» с маргинальными моментами в своей биографии, которые не вписывались в украинский контекст.

Гавриил Костельник в украинское движение пришел из маргинальной среды: он учился в венгерской школе, по-венгерски говорил как «истинный венгр», а в 1900 году, выступая на одном из венгерских фестивалей в Пеште, читал венгерские стихи так, как венгерский язык был его родным языком. Только то, что он не попал в венгерскую гимназию спасло его от окончательной ассимиляции. Но, поступив в хорватскую гимназию, Гавриил, по его словам, стал «горячим хорватом». Позже, Костельник писал, что в гимназии активно декларировали свое хорватство, он и несколько его немецких одноклассников ⁴³⁷. Обучение в Загребе

---

⁴³⁴ Мацях, 1942; Зелик, 1981; Рамач, 1971; Рамач, 1993.

⁴³⁵ Лецишин, 2002. С. 164.

⁴³⁶ Костельник, 1935.

⁴³⁷ Діло. – 1935. – 5 жовтня.

протекло в условиях доминирования именно хорватского языка. Но в 1903 году Костельник впервые попробовал писать стихи, и первые свои произведения он написал ... на украинском языке, точнее его бачванском диалекте. Костельник издал книгу романтических стихотворений на родном диалекте «С моего валала» («Из моего села»).

Костельник как политик и писатель сформировался тогда, когда среди украинцев шла острая дискуссия между московофилами, сторонниками постепенного слияния украинцев с русскими и отказа от украинского языка, и украинофилы, которые выступали за самостоятельный путь украинской нации. Примечательно, что балканские украинцы, жившие в сербских районах, были вовлечены в эту дискуссию. Для них идея союза с сербами была неактуальна: по словам Костельника, среди местных украинцев доминировали антисербские идеи, а самих сербов они считали «некультурными свинопасами»⁴³⁸. В начале XX века многие балканские украинцы склонялись к союзу с хорватами, что существенно влияло на идентичность некоторых из них. О том, что на определенном этапе Костельник пытался соотнести себя именно с хорватской нацией, писал он сам.

Костельник свободно писал стихи на хорватском языке, который знал свободно как и свой родной бачванский диалект украинского языка. Однако, Костельник признавался, что хорватом стать не смог, хотя для этого были все условия. Единственным препятствием было то, что, по его словам, он никогда не мог искренне написать «мы - хорваты»⁴³⁹, потому что это противоречило его моральным установкам: он понимал, что он не хорват. В такой ситуации началось постепенное возвращение Костельника к украинским корням. В 1907 году Гавриил Костельник приехал в Галичину, где продолжил изучать теологию. В то время Львов страдал от острых дискуссий и споров между украинофилами и москвофилами. Костельник примкнул к первым и вскоре превратился в одного из самых последовательных критиков и противников других. Костельник констатировал, что логика москвофилов была примитивной и не отличалась оригинальностью: украинцев они могли почти исключительно только ругать, а саму Украину считали результатом польско-немецкого заговора с целью разобщения «великого русского народа».

---

⁴³⁸ Діло. – 1935. – 16 жовтня.

⁴³⁹ Діло. – 1935. – 16 жовтня.

Москвофилы, жившие в Галиции, отличались особым радикализмом и выдвигали проект слияния всех славян под эгидой России, отводя хорватскому, польскому, болгарскому и другим народам лишь статус этнографических групп великой русской нации. Эта идея, по мнению Г. Костельника не имела никаких перспектив, но она нашла несколько сторонников среди бачванских украинцев, которые начали издавать газету «Зоря», где каждый автор писал на своем «русском» языке, который был смесью нескольких славянских языков и был искусственно приближен к русскому. По словам Костельника, эта газета просуществовала лишь год и затем авторы перешли на нормальный бачванский диалект украинского языка⁴⁴⁰.

Анализируя бесперспективность москвофильской идеологии, Г. Костельник указывал и на то, что это течение было аморфным и достаточно быстро распалось на два москвофильства - в политическое и национальное. Национальное москвофильство, по словам Костельника, стало «настоящей болезнью украинского народа»⁴⁴¹, которую его соседи используют для обоснования своих претензий не только на украинские земли, но и на ассимиляцию украинцев. Политическое москвофильство - ситуация, при которой украинские политики оказываются союзниками России и проводят интересы враждебные интересам украинского народа. Но для Костельника, эти течения в москвофильстве были исторически обречены на крах, а сама идея сближения с Россией казалась лишенной перспектив. Последующий успех национального движения в Украине подчеркнул, что Костельник в своем прогнозе оказался прав.

В Галичине Костельник пережил своеобразную украинизацию. Постепенно он пришел к мысли, что украинцы в Украине и украинцы за рубежом - один народ. В такой ситуации Костельник не забывал откуда он пришел - поэтому, какая-то маргинальность давала о себе знать. В 1923 году он издал грамматику бачванского диалекта украинского языка. Позже русинские сербские деятели неоднократно указывали на то, что Костельник сохранял связи с той украинской общиной из которой он вышел: «Отец Костельник любил свой край . Бачку, Керестур ... Любил его, как своих родственников и при каждой возможности с большим пиетизмом говорил о том крае. В 1925 г., возвращаясь с экскурсии в Рим, заехал в Керестур, и, когда вернулся во Львов,

---

⁴⁴⁰ Зоря. – 1935. – 18 жовтня.

⁴⁴¹ Зоря. – 1935. – 20 жовтня.

много раз говорил, насколько ему не хватает Бачки. В вопросе языка бачванских руснаков Костельник был ортодоксом. Язык - это жизнь народа. Уберите язык и народ исчезнет. Благодаря тому, что Костельник начал писать, печатать, составил грамматику того языка, и небольшая община наших славян, далеко от нас на юге, сохранилась и живет своей жизнью»⁴⁴².

Но этот русинский компонент в деятельности Костельника ни был магистральным. В своей добровольной украинизации он дошел до того, что в 1918 году издал сборник «Встань, Украина». С другой стороны, Костельник активно участвует в изучении этнографии балканских украинцев. Костельник пытался доказать украинцам с Бачки, что они являются частью украинской нации. С этой целью он написал несколько статей⁴⁴³. Костельник смог сознательно отказаться от своего маргинального периферийного прошлого. Поэтому, один из исследователей его творчество комментирует этот факт его биографии так: «Изначально Костельник читает и пишет о Шевченко, и как и Гнатюк, просто обходит дезинтеграционные тенденции закарпатской культурной и национальной традиции ... Закарпатье значительно тяжелее и значительно позже придет туда, где Костельник был изначально; русинские сепаратистични тенденции его даже не тронули - они между русинами Бачки появятся только между двумя мировыми войнами»⁴⁴⁴.

Таким образом, Гавриил Костельник не только оказался одним из последовательных критиков москвофильского течения в Украине как маргинальной политической доктрины, но и сам пережил своеобразную мировоззренческую и идентичностную эволюцию, колеблясь между маргинальным провинциализмом и относительными «элитарными» хорватством и украинством. Это, вероятно, удостоверяет о том, что украинское национальное движение на том этапе было не просто политически и идейно расколотым, но и переживало предпарадигмальную стадию⁴⁴⁵. Особенность этой стадии в Украине в отличии от других регионов Центральной и Восточной Европы заключалась в том, что национальное движение уже было достаточно влиятельным, но продолжало оставаться расколотым, не имея парадигмы, которая объединяла бы большинство националистов. В

---

⁴⁴² Шветлосц. – 1995. – № 3 – 4. – С. 322.

⁴⁴³ Костельник, 1922; Костельник, 1975; Костельник, 1975.

⁴⁴⁴ Гірник, 2006.

⁴⁴⁵ Кирчанов, 2005; Кирчанов, 2006.

этом заключается уникальность истории украинского движения. Магистральные украинские тенденции сосуществовали с маргинальными московфильскими. В такой ситуации украинцы, разбросанные по разным углам Центральной и Восточной Европы, могли различными путями и способами выстраивать свою идентичность, делая сложный выбор между украинством и хорватством. В условиях такого идентичностного выбора московфильство вносило раскол в украинское национальное движение. Иными словами, в интеллектуальной украинской культуре начала XX века маргиналы и своеобразная националистическая элита сосуществовали.

Подводя итоги, отметим, что в рамках этой статьи нами рассмотрены лишь некоторые аспекты проблемы связи научных исследований М. Дикарева и В. Гнатюка с украинской народной культурой. Важнейшим атрибутом этой народной и традиционной культуры был язык, который связывал местное украинское население с украинцами на территории украинских губерний и противопоставлял их носителям российских диалектов, с которыми они были вынуждены вступать в постоянные контакты. Язык, разговорная и песенная норма, зафиксированная Дикаревым и Гнатюком, очень далека от украинского литературного языка, что свидетельствует о том, что тогда украинское движение проявляло значительный интерес к языковой и филологической проблематике. Язык некоторых произведений Костельника тоже далек от литературной нормы, но, с другой стороны, сам он прилагал немалые усилия, чтобы от этой маргинальности избавиться и вписаться в украинский литературный контекст.

Публикации, которые есть в центре авторского внимания в этой статье, могут быть проанализированы в категориях народной литературы. Это относится к опубликованным Дикаревым рассказам Т. Луценко и различным небольшим текстам выданных по инициативе В. Гнатюка. Примечательно то, что эти книги не были рассчитаны на читателей из народа, но непосредственно касались значительного пласта украинской народной культуры. Культура, носителями которой были М. Дикарев, Т. Луценко и крестьяне, стали основным источником информации для Гнатюка, была народной и традиционной культурой. Такой тип культуры оказался периферийным и маргинальным. Это была не русская и не украинская культура, не австрийское но не венгерское сознание. Это был уникальный тип пограничной, переходной, культуры, которая колебалась между российской и украинской

идентичностью, между вызовами русинства на Балканах и в Венгрии и украинским национальным движением в Украине Романовых и Габсбургов. Если Дикарев и Гнатюк описывали и изучали маргинальные дискурсы украинской культурной традиции только сталкиваясь с ней, но не являясь ее частью, то Костельник сам был частью такой маргинальной традиции. Именно этим объясняется, что его идентичность развивалась и изменялась на грани различных идентичностных проектов. В разное время Костельник мог приобщиться к венгерскому или хорватскому проекту, но в итоге он выбрал именно украинское движение. Украинская культура, которую предлагали украинские националисты, стала той сферой, где Костельник развивал свою собственную идентичность. Выбор Костельника стал гарантией того, что постепенно его маргинальность могла исчезнуть.

Культура, которую мы наблюдаем на страницах дикаревских и гнатюковых изданий, является колонизированной украинской культурой. Это - не классическая украинская культурная традиция, это ее народные проявления, которым не суждено было стать частью классического культурного наследия, интегрированного в современную украинскую культуру. Культура, описанная Дикаревым и Луценком, культурная традиция зафиксированная Гнатюком, это - большое и своеобразное воспоминание об украинском прошлом, где в то время, когда писали Дикарев и Гнатюк, украинское население было значительное, но численно было не такое большое как русские и представители других этнических общин. Украинцы, язык которых анализировал Дикарев, язык которых пытался изучать Гнатюк, были островком в чужом море, который был обречен на постепенную ассимиляцию. Костельник так и остался на грани различных культурных традиций, хотя он пытался позиционировать себя как украинский деятель. Если Гнатюк и Дикарев только фиксировали проявления народной культуры, то Костельник сам к этой культуре принадлежал. Это архаичное культурное наследие тянулось за ним на протяжении всей его деятельности, периодически напоминая о себе в форме эпизодического проявления интереса к языку той общины из которой происходил Костельник.

Таким образом, и М. Дикарев и Т. Луценко были представителями народной культуры (а Владимир Гнатюк такую культуру пытался зафиксировать), ее типичными носителями, неостребованными интеллектуалами, литературными маргиналами, чье творчество развивалось на периферии украинской культурной

жизни XIX - начала XX века. Костельник, открытый Гнатюком, стал деятелем, который пытался от этого, такой любимой Гнатюком, архаической культуры отказаться. Дискурс украинской народной культурной традиции, характерный для этих авторов, так и остался интересным экспериментом, результаты которого не были использованы в украинском национальном проекте. Только работы Гнатюка нашли своих читателей и даже апологетов среди сторонников русинства. Костельник вообще превратился в своеобразный символ веры для русинов. Это совсем не означает, что деятельность таких интеллектуальных маргиналов не имеет значения для истории украинской культуры. Теоретические принципы этой статьи могут быть применены и при изучении украинской истории и украинского крестьянских периферийных общин. Дальнейший анализ дискурсов народной культурной традиции поможет лучше понять особенности истории украинского национального движения, украинских периферийных территорий, народной / традиционной культуры в контексте модернизации и разрушения традиционных канонов.

М.В. Курчанов

Социально-лингвистические трансформации и формирование украинской современной нации

Региональные уровни и измерения играли особую роль в украинской истории. Процесс формирования современной украинской нации и идентичности характеризовался различными и значительными региональными и языковыми особенностями в регионах Восточной и Центральной Европы, населенных украинскими крестьянами. Украинские интеллектуалы содействовали разрушению и эрозии традиционной идентичности, трансформируя ее в идентичность современной украинской нации. Языковое и лингвистическое воображение стали универсальными инструментами в развитии украинской нации.

Ключевые слова: Украина, крестьяне, язык, национализм, модернизация

Maksym W. Kyrchanoff (Kyrchaniv)

The socio-linguistic transformations and formation of modern Ukrainian nation

The regional levels and dimensions played a special role in Ukrainian history. The process of modern Ukrainian nation and identity formation is characterized by different and significant regional and linguistic features in Eastern and Central European regions, populated by Ukrainian peasants. Ukrainian intellectuals assisted to the destruction and erosion of traditional identity, transforming it into the identity of the modern Ukrainian nation. The linguistic and language imagination become universal tools in the development of Ukrainian nation.

Keywords: Ukraine, peasants, language, nationalism, modernization

Библиографический список

1. Bolleme G. Litterature populaire et literature de colportage au XVIII siecle // Livre et societe dans la France du XVIII siecle. – Paris, 1965. - Vol. 1. – P. 61 – 92.
2. Cipolla C. Literacy and Development of the West. – Harmondsworth, 1969.
3. Curtis M.H. The Alienated Intellectuals of Early Stuart England // Past and Present. – Vol. 23. – 1962. – P. 25-43.
4. Davis N. The Shapes of Social History // Storia della storiografia. – 1990. – No 17. – P. 28 – 34.
5. Davis N.Z. The Shapes of Social History // Storia della storiografia. – 1990. – No 17. – P. 23 – 34.
6. Ginzburg C. Microstoria // Quaderni storici. – 1994. – No 86. – P. 511 – 539.
7. Grabowycz G. Ukrainian Studies: Framing the Context // Slavic Review. – 1995. – Vol. 54. – No 3. – P. 674 – 678.

8. Mandrou R. De la culture populaire aux XVII et XVIII siecle: la Biblioteque bleue de Troyes. – Paris, 1964.
9. Molenda J. Chłopi. Naród. Niepodległość. – Warszawa, 1999.
10. Obrębski J. Dzisiejsi ludzie Polesia // Przegląd Sociologiczny. – 1936. – T. 2. – S. 412 – 442.
11. Papierzynska-Turek M. Kultura ludowa w ideologii ukraińskiego ruchu narodowego // Miasto i kultura ludowa w dziejach Białorusi, Litwy, Polski i Ukrainy. – Kraków, 1995.
12. Stępień S. Wpływ kultury ludowej na kształtowanie się tożsamości narodowej Ukraińców w dwudziestoleciu międzywojennym // Miasto i kultura ludowa w dziejach Białorusi, Litwy, Polski i Ukrainy. – Kraków, 1995.
13. Street B. Literacy in Theory and Practice. – Cambridge, 1984.
14. Vakar N. Belorussia. Making of Nation. – Cambridge, 1956.
15. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М., 1965.
16. Берк П. Язык и идентичность в Италии раннего нового времени // Новое литературное обозрение. – 1999. - № 2. – С. 5 – 25.
17. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. – М., 2003.
18. Гайндль В. Модернізація та теорії модернізації: приклад Габсбурзької бюрократії // Україна модерна. – 1996. – Ч. 1.
19. Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Современные методы преподавания новейшей истории. – М., 1996. – С. 207 – 236.
20. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке. – М., 2000.
21. Гірник О. Сепаратизм «по-русинськи», або Фантазії протоєрея Сидора // Патріярхат. – 2006. - № 1.
22. Гнатюк В. Етноґрафічні матеріяли з Угорської Руси. – Нови Сад, 1986. – Т. 4.
23. Гнатюк В. Угроруські духовні вірші // Гнатюк В. Етноґрафічні матеріяли з Угорської Руси. – Нови Сад, 1988. – Т. 1. Угроруські духовні вірші. – С. 1.
24. Гумецька Л.Л. Володимир Гнатюк і питання української мови // Мовознавство». – 1971. – № 3.
25. Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – М., 1981.
26. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. – М., 1990.
27. Дзендзелівський Й.О. Володимир Гнатюк як мовознавець // Науковий збірник Музею української культури в Свиднику. – Пряшів, 1976. – Т. 7.
28. Дикаревъ М. Очеркъ воронежскаго мещанскаго говора. – Воронежъ, 1891.
29. Зєлик І. Українці в Юґославії // Українські поселення. – Нью Йорк, 1981.

30. Кирчанов М.В. Интеллектуальный климат в Латвии в середине XIX века: два дискурса латышского национального движения // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. – Ставрополь, 2005. – Вып. 8 (Материалы международной научной конференции «Факт-событие» в различных дискурсах. Пятигорск, 26-27 марта 2005 г.) – С. 153 – 167.
31. Кирчанов М.В. Книга М.А. Дикарева «Очерк воронежского мещанского говора» как источник русско-украинских этнических контактов // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2005 год. Дикаревские чтения 12. / ред. и сост. М.В. Семенцов. – Краснодар, 2006. – С. 48 – 54.
32. Кирчанов М.В. Немецкая, русская, латышская рецепция ранней истории латышского национального движения // История идей и история общества. Материалы Третьей Всероссийской научной конференции, Нижневартовск, 22 апреля 2005 г. – Нижневартовск, 2006. – С. 72 – 75.
33. Костельник Г. Дзе спада наша бешеда. – Руський Керестур, 1922.
34. Костельник Г. Чому я став українцем? // Діло. – 1935. – 5, 16, 18, 19, 20 жовтня.
35. Костельник Г. Яка наша народна назва // Проза на бачванско-сримским руским литературним язикау. – Нови Сад, 1975.
36. Костельник Н. Чом сом постап Українець // Проза на бачванско-сримским руским литературним язикау. – Нови Сад, 1975.
37. Кудрявцев О. Карло Гинзбург и его книга «Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке» // Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке. – М., 2000.
38. Леви Г. К вопросу о микроистории // Современные методы преподавания новейшей истории. – М., 1996. – С. 167 – 190.
39. Лещишин Я. Сьогоднення українців Західної Славонії і Мославини // Українці Хорватії. Матеріяли і документи / Ukrajinci Hrvatske. Materijali i dokumenti. – Кн. 1 / Kn. 1. – Загреб / Zagreb, 2002.
40. Мацях Є. Українська еміграція в Югославії // Український Вісник. – 1942. – № 16.
41. Миллер А. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. – М., 2008.
42. Миллер А. История империй и политика памяти // Наследие империй и будущее России / ред. А.И. Миллер. – М., 2008. – С. 33.
43. Мороз М., Мушинка М. Володимир Гнатюк (1871-1991). Бібліографічний покажчик. – Львів, 1992.
44. Панькевич І. Володимир Гнатюк // Підкарпатська Русь. – 1926. – № 7 – 8.
45. Рамач Л. Русини-українці в Югославії. – Вінніпег, 1971.
46. Рамач Я. Кратка итория руснацох. – Нови Сад, 1993.
47. Роль Володимира Гнатюка у розвитку української національної культури. – Тернопіль, 1991.

48. Савицкий Е.Е. Народная культура и размышляющие крестьяне // Казус 2002. Индивидуальное и уникальное в истории / ред. Ю. Бессмертный, Е. Бойцов. – М., 2002. – С. 45 – 52.
49. Сімович В. Пам'яті Володимира Гнатюка // Сімович В. Українське мовознавство. Розвідки й статті. – Оттава, 1981.
50. Турій О. Національне і політичне полонофільство серед греко-католицького духовенства Галичини під час революції 1848-1849 рр. // Записки НТШ. Праці історично-філософської секції. – 1994. – Т. 228. – С. 183 – 206.
51. Химка І.-П. Греко-католицька церква і національне відродження у Галичині, 1772-1918 // Ковчег. Збірник статей з церковної історії / ред. Я. Грицак, Б. Гудзяк. – Львів, 1993. – Ч. 1.
52. Чабаненко В.А. Мовознавча спадщина Володимира Гнатюка // Мовознавство. – 1991. – № 2.
53. Шартье Р. Идеиные истоки французской революции. – М., 2001.
54. Шелепець Й. Діалектологічні дослідження В. Гнатюка // Науковий збірник Музею української культури в Свиднику. – Пряшів, 1967. – Т. 3.
55. Шкандрій М. В обіймах імперії. Російська і українська література новітньої доби. – Київ, 2004.
56. Шлюмбом Ю., Кром М., Зоколл Т. Микроистория: большие вопросы в малом масштабе // Прошлое – крупным планом: современные исследования по микроистории / ред. Ю. Шлюмбом, М. Кром, Т. Зоколл. – СПб., 2003. – С. 7 – 26.
57. Яценко М.Т. Володимир Гнатюк. – Київ, 1964.

Публикується по: Кирчанів М.В. Від селяків до українців: уявляючи українців, долаючи маргінальність (регіональні дискурси формування української модерної нації) / М.В. Кирчанів // Регіональна історія України. Збірник наукових статей / гол. ред. В. Смолій. – Київ: Інститут Історії України НАН України, 2011. – Вип. 5. – С. 149 – 160 (назва оригінальної українськоязычної версії статті, опублікованої в 2011 році, оснований на аналогії з класическою книгою американського історика Юджина Вебера, изданной в 1976 році. См.: Weber E. Peasants into Frenchmen: the Modernization of Rural France, 1870 – 1914. – Stanford, 1976). Перевод с украинского М. Казариновой.

ПАНОРАМА
Научный журнал
2014, № 1 - 3

ISSN 2226-5341

Электронная версия

394068, г. Воронеж
Московский пр-т 88
Воронежский государственный университет
Факультет международных отношений